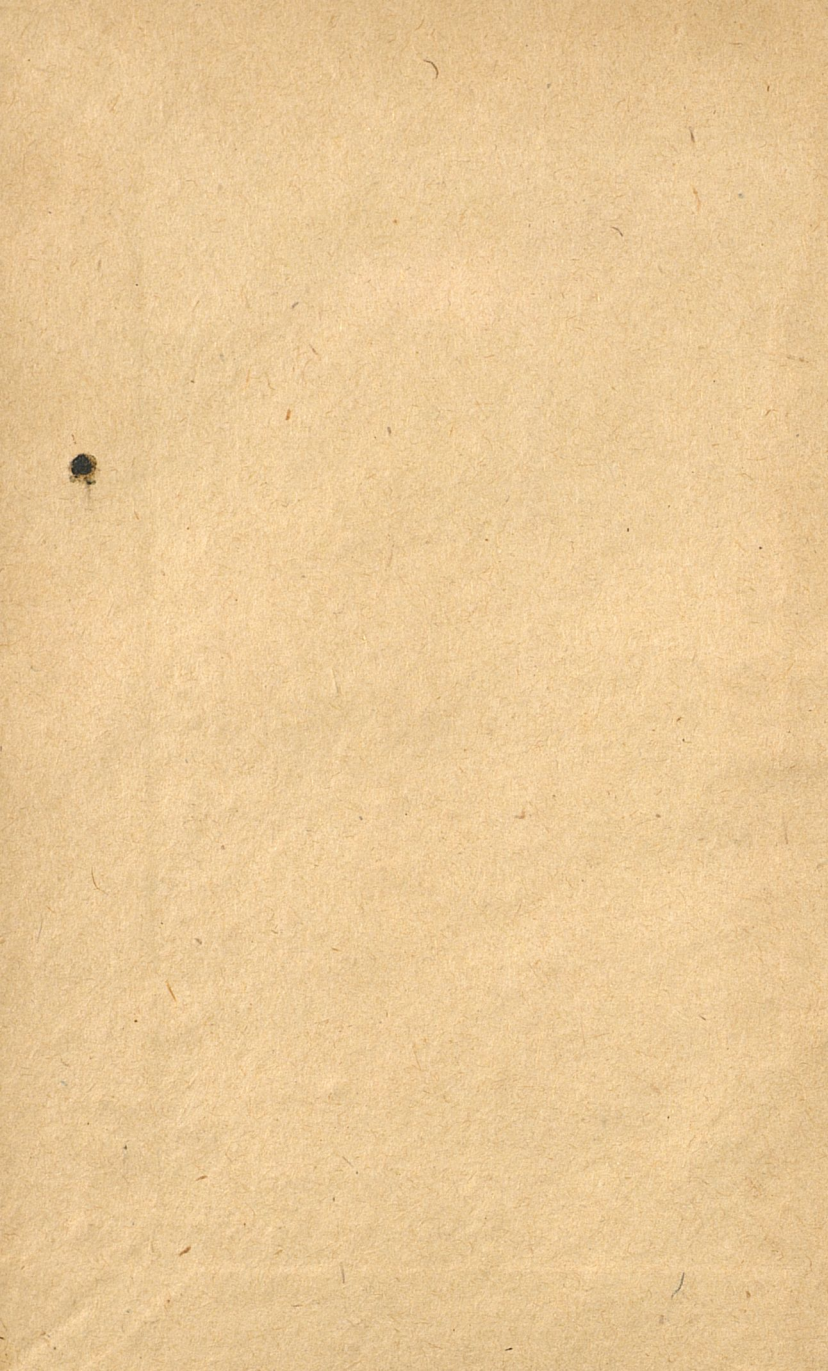

НАШИ
БОГАТЫРИ

2 кн.

84
—
199

НЕ КОПИРОВАТЬ

Изданіе «Досугъ и Дѣло.»

НАШИ БОГАТЫРИ.

КНИГА 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

ДОСУГЪ И ДѢЛО,

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ КНИЖЕКЪ

ДЛЯ СОЛДАТЪ.

А. ПОГОСКАГО.

Шесть выпусковъ въ годъ; каждый около 10 печныхъ листовъ, состоитъ изъ двухъ и болѣе (смотъ по количеству листовъ) отдѣльныхъ книжекъ. Всего 12 до 15 книжекъ, болѣе 60 печатныхъ листовъ въ годъ.

Въ каждой книжкѣ объясняется одинъ какой-либо предметъ, изъ трехъ главныхъ отраслей образованія и развитія.

1) Военное дѣло. Строевая служба. Внутренній и вѣдѣльный бытъ. Дисциплина. Правительственныя распоряженія, относящіяся до нижнихъ чиновъ.

2) Общеобразовательное развитіе. Статьи духовнаго и религіозно-нравственнаго содержанія. Руководство обученію грамотѣ, счисленію. Землеописаніе. Историческіе и военные рассказы. Начальныя понятія изъ естественнаго—преимущественно относящіяся до Россіи.

3) Словесность. Повѣсти, рассказы, пѣсни, стихотворенія, доступныя пониманію солдата, и Календарь слѣдующій годъ.

Годовая цѣна изданія 2 руб. 75 коп., съ пересылкою во всѣ города Имперіи и съ доставкою въ С.-Петербургъ. Подписчики адресуютъ свои требованія: Въ редакцію изданія «Досугъ и Дѣло», въ С.-Петербургѣ на имя редактора Александра Ѳомича Погоскаго, Большой Московской, домъ Владимірской церкви, у городскихъ: въ магазинъ Павленкова, на Невскомъ. Подписавшимся по этому адресу редакціи отвѣчаетъ исправную доставку изданія.

С 87
199

Издание «Досугъ и Дѣло.»

НАШИ БОГАТЫРИ.

КНИГА 2.

4577-0

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Военной Типографіи (въ зданіи Главнаго Штаба).

1869.

«онд в атюд. змрбд»

НАШИ БОГАТЫРИ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 6-го Декабря 1869 года.

КНИГА 2.

2007054345

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Наши богатыри.	1
Объясненіе значенія нѣкоторыхъ укрѣпленій, названія которыхъ будутъ часто встрѣчаться въ этой книгѣ.	5
Саперы.	9
3-й Саперный баталіонъ	11
4-й — —	21
6-й — —	39
Рассказъ Григорьева, унтеръ-офицера Владимірскаго пѣхотнаго полка	61
Дѣло 14 Октября	72
Подвиги мужества, оказанные чинами отряда генераль-лейтенанта Липранди, въ сраженіи 13-го октября 1854 г. на Кадыкіюкскихъ высотахъ	79
Битва при Инкерманѣ 14 октября 1854 года.	83
Изъ иностранной газеты	88
Подвиги моряковъ	90
Приказъ Главнокомандующаго военными сухопутными и морскими силами въ Крыму у сѣвернаго укрѣпленія Севастополя	98
Пластуны, Волынцы и Селенгинцы	100
Вылазка съ 10-го на 11-е марта	106
— съ 6-го на 7-е апрѣля	110
Смерть вице-адмирала Истомина	111
Сигнальщикъ	—
Свѣтлая недѣля 1855 года въ Севастополѣ	116

Отбитіе штурма отъ г. Севастополя 6-го іюня 1855 года.	123
Отбитіе непріятельской атаки противъ бастіона № 1-го	126
Отбитіе непріятельской атаки на бастіонъ № 2-го.	127
Отбитіе непріятельской атаки между бастіонами № 2-го и Корнилова.	128
Отбитіе атаки на бастіонъ Корнилова	129
Атака непріятели на батарею Жерве.	130
Отбитіе англійской атаки на бастіонъ № 3-го.	132
Отбитіе атаки противъ батарей на Пересыпи	133
Смерть Нахимова.	139
Боцманъ Ковальчукъ	141
Дарья Севастопольская	146
Съ бастіона № 2-го	148
Послѣдніе дни защиты Севастополя	151
Приказъ Россійскому флоту	158

НАШИ БОГАТЫРИ.

Въ этой книгѣ записаны подвиги защитниковъ Севастополя: саперъ, пѣхоты и моряковъ.

Въ предисловіи къ книгѣ 1-й было сказано: «полки, батареи и флотскіе экипажи не найдутъ въ книжкахъ нашихъ многихъ дорогихъ именъ своихъ товарищей — героевъ.» Оправдались вполнѣ слова эти именно въ описаніи подвиговъ нашихъ знаменитыхъ моряковъ: изъ *многихъ* тысячъ героевъ, покрывшихъ славою имя русскаго флота и беззавѣтнымъ самоотверженіемъ своимъ удивившихъ свѣтъ— много ли именъ представляется здѣсь читателю?

Капля въ морѣ!...

Но довольно и капли его на языкъ, чтобы отвѣдать и понять — каково на вкусъ все море.

Полно и съ насъ этихъ живыхъ капель нашего роднаго моря: начиная отъ Адмираловъ *Корнилова* и *Нахилова*, матросовъ *Кошки* и *Шевченко*, до дѣвицы *Дарьи Александровны*, до дѣтей служившихъ отцамъ своимъ подъ громомъ канонады на бастіонахъ, и до самыхъ малыхъ ребятишекъ матросскихъ, пригавшихъ въ кружокъ около катящейся бомбы, въ ожиданіи — чья очередь быть разнесеннымъ въ дребезги ея осколками.... Игра глупенькихъ малютокъ кажется безсмысленною!

Но призадумались бы сами враги надъ этой *безсмысленной дѣтской игрой*: что почувствовали бы они, увидѣвъ — какъ наши малютки дѣти, безсильные служить своей землѣ, учатся умирать за нее и презирать гибель....

Вѣдь въ жилахъ дѣтей течетъ кровь отцовъ—и она неудержимо сказывается отъ колыбели.

Не всѣ понимаютъ, какъ совершается этотъ великій законъ природы; но никто не осмѣлится не вѣрить ему...

И на васъ, молодые товарищи, будутъ глядѣть враги, какъ на дѣтей знакомыхъ имъ безтрепетныхъ отцовъ: въ васъ льется таже славная кровь ихъ.

За ихъ-то кровныя заслуги вы взысканы отеческою милостію Царя: служба ваша сокращена, суровость наказаній съ васъ снята, весь бытъ вашъ облегченъ—и открыть вамъ широкій путь къ чести и почетной выслугѣ.

Собирайте же бережно все, что завѣщали вамъ во славу Россіи отцы ваши, и при первомъ случаѣ—докажите всему свѣту, что вы достойные наслѣдники этой славы и съумѣете увеличить ее по евангельски—сторично.

Именно на кровавой Севастопольской
тризнѣ всѣ роды оружія, всѣ чины, оба
пола и всѣ возрасты снова и навсегда
побратались и слились во-едино, въ одно
безраздѣльное имя: доблестное имя это—
вѣрные дѣти отечества. Да будетъ же
оно во вѣки залогомъ блага и счастья
родной земли....

ОБЪЯСНЕНІЕ

ЗНАЧЕНІЯ НѢКОТОРЫХЪ УКРѢПЛЕНІЙ, НАЗВАНІЯ КОТОРЫХЪ
БУДУТЪ ЧАСТО ВСТѢЧАТЬСЯ ВЪ ЭТОЙ КНИЖКѢ.

Брустверъ—земляная насыпь въ три и болѣе аршина ширины и почти такой же вышины, за которою становятся люди или ставятся орудія, чтобы закрытыми стрѣлять по непріятелю. Большую частью, передъ брустверомъ есть ровъ, изъ котораго брали землю для насыпи.

Амбразура — окно въ брустверъ или насыпи, черезъ которое орудіе стрѣляетъ. Бока или откосы этого окна называются *щеками амбразуры*.

Батарея. Когда за насыпью или брустверомъ поставлено нѣсколько орудій или пушекъ, то онѣ, вмѣстѣ съ насыпью, называются батареею. Чаше однако батареею называются только такія насыпи, которыя расположены *прямою линіею*, и изъ-за которыхъ пушкамъ назначается стрѣлять только въ одну сторону; насыпи же, расположенныя ломаными линіями, изъ-за которыхъ пушки стрѣляютъ въ разныя стороны—однѣ налѣво, другія прямо, третьи направо—имѣютъ другія названія.

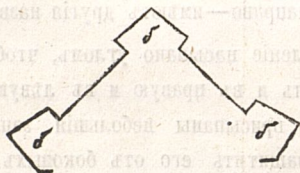
Люнетъ. Когда укрѣпленіе насыпано угломъ, чтобъ можно было изъ-за него стрѣлять и въ правую и въ лѣвую сторону, и когда на концахъ его присыпаны небольшія заплечья или завороты, чтобъ лучше защитить его отъ боковыхъ выстрѣловъ непріятеля, то оно называется *люнетомъ*.

Редутъ. Когда укрѣпленіе насыпано четырёхугольникомъ, пяти или шестиугольникомъ, такъ что со всѣхъ сторонъ защищено отъ непріятеля и имѣетъ сзади лишь узкій проходъ, оно называется *редутомъ*.

Бастіонъ. Когда цѣлый городъ обнесенъ валомъ или насыпями, то общая линія вала образуетъ къ сторонѣ непріятеля нѣсколько выдающихся угловъ, которые и укрѣпляютъ какъ можно сильнѣе. Въ прежнія времена по угламъ городского вала строили каменные или деревянные башни; нынѣ же въ крѣпостяхъ на исходящихъ углахъ главнаго крѣпостнаго вала строятъ *бастіоны*, т. е. открытыя огнемныя (пушекъ на 20, на 40 и болѣе) земляныя башни, изъ самыхъ здоровыхъ насыпей, съ широкимъ и глубокимъ впереди ихъ рвомъ. Насыпи эти располагаются такъ, чтобы изъ-за нихъ ловко было бы стрѣлять по непріятелю—не только когда онъ издали подходитъ къ крѣпости, но въ особенности когда онъ подойдетъ къ самому крѣпостному рву и устраиваетъ переправу черезъ ровъ, чтобы лѣзть на валъ. Тутъ-то ему съ бастіоновъ и жарятъ въ бока, т. е. *во фланги*.

Траверзь. Чтобы орудія, стоящія за брустверомъ, укрыть отъ боковыхъ выстрѣловъ непріятеля, между орудіями, на различныхъ разстояніяхъ, устраиваютъ поперечныя къ брустверу насыпи или перемычки, называемыя *траверсами*. Значитъ, спереди

орудіе закрыто отъ непріятеля насыпью, называемою брустверомъ, а съ боковъ—боковыми насыпями, называемыми траверсами.

Казематъ. Брустверь и траверзы защищаютъ орудія только спереди и съ боковъ; для того же, чтобъ защитить орудія и съ верху, отъ бросаемыхъ непріятелемъ бомбъ, устраиваютъ для орудій казематы, т. е. такія помѣщенія, гдѣ пушки защищены сверху каменными сводами или деревянными здоровыми потолками, съ толстою поверхъ сводовъ или потолковъ земляною насыпью. Пушки стрѣляютъ изъ этихъ казематовъ черезъ окна или амбразуры.

Потерна. Подземный ходъ изъ батареи въ находящійся передъ нею ровъ называется *потерной*.

Траншея. Не глубокій и не широкій ровъ, изъ котораго вынутая земля кладется насыпью къ сторонѣ непріятеля, служа закрытіемъ для людей, двигающихся въ этомъ рву, называется *траншеей*.

Ложементомъ называется часть подобной траншеи, назначаемая для помѣщенія стрѣлковъ или караула. Въ этомъ случаѣ, ровикъ, составляющій траншею, дѣлаютъ пошире, чтобы люди, въ немъ сидящіе, не мѣшали другимъ ходить по траншеѣ и дѣлать что слѣдуетъ.

Мина—подземный ходъ подъ непріятельскія укрѣпленія или траншеи, дѣлаемый для того, чтобъ подложить подъ нихъ пороху и взорвать ихъ.

Воронка. Когда заложенный въ минѣ порохъ взорванъ, онъ разбрасываетъ землю и образуетъ большую яму, которая называется воронкой. Точно также, если бомба засядетъ въ насыпь и разорвется, она разнесетъ землю во всѣ стороны и образуетъ воронку.

Фашинами—называются длинные, круглыя вязанки хвороста (то есть голыхъ прутьевъ) длиной отъ 1 до 9 аршинъ, а въ обхватъ—какъ тонкое или какъ толстое бревно. Чтобы прутья держались крѣпко, фашины, на каждые попаршина разстоянія, туго

стягиваются лыкомъ или измочаленными гибкими вѣтвями. Фа-
шины главнымъ образомъ употребляютъ, чтобъ обшить или одѣть
тѣ части насыпи, которыя должны быть круты, напримѣръ
щеки амбразуръ.

Туры—суть круглыя, бездонныя, сплетенныя изъ вѣтвей, корзины,
которыя ставятъ рядкомъ и наполняютъ землю тамъ, гдѣ
нужно *поскорѣе* устроить закрытіе отъ непріятеля (напримѣръ
—роя траншей), или тамъ, гдѣ нужно чтобы край насыпи былъ
крутъ, напримѣръ — въ щехахъ амбразуръ.

САПЕРЫ.

«Каждый изъ участниковъ обороны забылъ всѣ узы, связывающія его съ этимъ міромъ, и помнилъ только долгъ, которому служилъ тѣломъ и душою».

(Русск. Художеств. листокъ 1856 г. № 9).

«Севастопольцы! вы свято исполняли до конца долгъ и обязанность свою; современники и будущія поколѣнія отдадутъ вамъ справедливость. Отечество гордится вами.

(Изъ приказа по севастопольскому гарнизону отъ 30 августа 1855 г. № 305).

Нельзя передать словами, какой страшный, смертоносный адскій огонь гремѣлъ день и ночь подъ Севастополемъ; трудно описать, что перечувствовалъ каждый изъ севастопольцевъ, бывшихъ на оборонительной линіи, при видѣ ежечаснаго пораженія своихъ товарищей и сослуживцевъ. Это выше всякаго описанія! Не принимая на себя смѣлости изображать всю дѣятельность геройскаго гарнизона, скажу только, что исполнить свой долгъ во время осады—было не легко. Но никто не посмѣетъ взять на себя тяжкій грѣхъ—сказать, что русскій солдатъ, въ Севастополѣ, не исполнялъ свято своей обязанности. Нужно было поглядѣть на эти желѣзные натуры, обре-

ченныя на темную ужасную смерть, не лицомъ къ лицу съ врагомъ, а отъ его скрытыхъ ударовъ, и полюбоваться дивною твердостью воиновъ, въ лютыхъ страданіяхъ отъ ранъ, спокойно, съ покорностью Провидѣнію, умиравшихъ на своемъ посту. Всякій видѣвшій это благоговѣть передъ севастопольскимъ солдатомъ. Перечислить всѣ подвиги самоотверженія, стойкости и отваги, выказанные солдатами въ 349 дней обороны, нѣтъ возможности:

«Святъ, незабвенъ героевъ прахъ,
Во всѣхъ народахъ и вѣкахъ!»

Пусть же севастопольцы-офицеры вспомнятъ, каждый по своей части, своихъ боевыхъ товарищей—нижнихъ чиновъ, и тогда составитъ описаніе тѣхъ чудесъ, которыя совершили севастопольцы-солдаты, чудесъ, мало кѣмъ замѣченныхъ, и поэтому тѣмъ болѣе великихъ. Сколько тогда славныхъ личностей, выйдя изъ мрака, предстанутъ на удивленіе и примѣръ потомству!

Желая приложить слово къ дѣлу, я представляю очеркъ боевыхъ заслугъ Саперовъ въ Севастополь, отличившихся особыми подвигами. Посвящаю этотъ очеркъ *памяти Севастопольскихъ Саперовъ*. Здѣсь я руководствовался свѣдѣніями, полученными отъ очевидцевъ (*) и собственными воспоминаніями.

А. Орда.

(*) При этомъ, не могу не принести живѣйшей признательности: И. С. Лебдеву, А. П. Дельсалу, В. Е. Роше, В. М. Ходоровскому, П. О. Рербергу, А. К. Матвѣеву и Н. А. Чередѣеву, за драгоценныя свѣдѣнія, которыми они не отказались меня снабдить.

3-й САПЕРНЫЙ БАТАЛІОНЪ.

Въ кровопролитный для насъ день битвы 4 августа на Черной рѣчкѣ, по распоряженію командира 1-й роты (*), каждый саперъ имѣлъ при себѣ бинтъ для перевязки, и хотя на долю саперовъ выпала болѣе счастливая участь противъ другихъ войскъ. Саперъ было всего двое раненныхъ, но бинты пригодились для перевязки армейскихъ раненыхъ, которыхъ назначенные для этого музыканты не успѣвали подбирать.

Унтеръ-офицеръ *Михайло Трофимовъ*, извѣстный уже своею храбростью и отличнымъ поведеніемъ, былъ посланъ ротнымъ командиромъ, вмѣстѣ съ другими нижними чинами первой роты, для поданія помощи раненымъ. Когда бой сталъ затихать и посланные люди стали возвращаться къ своимъ мѣстамъ, вернулся и Трофимовъ, обливаясь слезами. Для закаленныхъ въ бою его товарищей показалось страннымъ видѣть Трофимова въ слезахъ. Въ мигъ онъ былъ окруженъ любопытными. «Ахъ, братцы», отвѣчалъ онъ

(*) Капитанъ (нынѣ полковникъ) Лебедевъ. Въ Севастополѣ капитанъ Лебедевъ начальствовалъ работами на 2-мъ и 1-мъ бастіонахъ, и принималъ самое дѣятельное участіе въ отбитіи штурма на 2-й бастіонъ 27 августа 1855 г. Схвативъ часть Кременчугскаго полка, капитанъ Лебедевъ штыками оттѣснилъ Французовъ изъ занятой ими части крутины правѣе 2-го бастіона, но при этомъ былъ тяжело раненъ пулею въ ногу. Онъ остался живъ, но калѣкою. — Нынѣ покойный.

на распросы: «тамъ, на полѣ, я видѣлъ двухъ офицеровъ—должно быть родные братья; одинъ убитъ, другой раненый, обнявъ трупъ брата, надъ нимъ плакалъ. Братцы, вы знаете, не плаксиваго я десятка, а тутъ сердце просто разорвалось; вотъ, кажется, самъ бы легъ на мѣсто убитаго—такъ горько плакалъ его братъ, другой офицеръ....»

Ночь съ 12 на 13 августа. Непріятельскіе снаряды то и дѣло падаютъ на 2-й бастіонъ; лопнула французская граната и загорѣлись мѣшки на пороховомъ погребѣ. Пока офицеръ посылаетъ людей потушить пожаръ, Трофимовъ уже на погребѣ и одинъ тушитъ горящіе мѣшки, осыпaeмыйъ непріятельскими пулями. Такіе подвиги онъ совершалъ каждый день. Расскажу самый послѣдній. 22 августа, днемъ, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, Трофимовъ первый вскочилъ на насыпь пороховаго погреба для засыпки *воронокъ*, безпрестанно дѣлающихся отъ взрыва бомбъ непріятельскихъ. Онъ увлекъ своимъ примѣромъ и другихъ: ни визгъ ядеръ, ни трескъ лопавшихся бомбъ и гранатъ, то осыпавшихъ землю и камнями работавшихъ, то вырывавшихъ изъ рядовъ новыя жертвы, не мѣшали Трофимову работать и ободрять рабочихъ, то безобидной насмѣшкой надъ новичкомъ, то ловкой шуткой съ старымъ служивымъ. Но вдругъ осколокъ бомбы поражаетъ его въ ногу, и его несутъ на перевязку. Онъ не стонетъ, хотя велики его страданія. Ротный командиръ, желая ободрить его, говоритъ ему, что онъ будетъ представленъ къ наградѣ. Трофимовъ на это отвѣчаетъ: «никакой денежной награды не хо-

«чу; желаю креста на грудь; пускай видѣнь будетъ русскій солдатъ». Но еще крестъ храбрыхъ ему не вышелъ по представленію ротнаго командира, а Богъ уже судилъ ему другой крестъ—на могилу. Трофимовъ умеръ: не пережилъ антонова огня послѣ отнятія ноги.

Рядовой Никифоръ Ермолаевъ; онъ просился обыкновенно на самыя опасныя работы, которыя всегда исполняялъ съ отвагою и необыкновеннымъ усердіемъ. Въ началѣ мая 1855 г. была заложена новая батарея у перваго фланговаго каземата, на 5-мъ бастіонѣ. Ермолаевъ при этой работѣ распоряжался, не смотря на сильный огонь непріятеля, съ хладнокровіемъ. Когда пришлось разбивать амбразуры, Ермолаевъ среди бѣлаго дня вылѣзъ на верхъ земляной насыпи бруствера и произвелъ самую правильную разбивку, подъ штыцернымъ огнемъ во все время своей смѣлой работы. Днемъ 10-го мая, во время частой пальбы непріятеля по 1-му отдѣленію (*) оборонительной линіи, Ермолаевъ, замѣтивъ, что одна амбатура на Ростиславскомъ редутѣ, отъ разрыва упавшей въ нее непріятельской бомбы, сильно завалилась, влѣзъ во внутрь ея и, не обращая вниманія на опасность, принялся одинъ безъ рабочихъ расчищать амбатуру. Непріятель открылъ по немъ батальный ружейный огонь и началъ бросать разрывные снаряды въ этомъ направленіи. Но Ермолаевъ продолжалъ живо работать.

(*) 5-й и 6-й бастіоны, редуты: Шварца, Чесменскій и Ростиславскій, мюнеты Бѣлкина и Бутакова—и всѣ батареи около нихъ лежащія.

Вдругъ непріятельская бомба, ударившись въ амбразуру, взрывомъ своимъ совсѣмъ разворотила ее. Ермалаевъ уцѣлѣлъ какимъ-то чудомъ и, ни мало не сконфуженный, спокойно и съ разными прибаутками, стряхнулъ съ себя землю, которою былъ осыпанъ, продолжалъ работу и не сошелъ съ нея до тѣхъ поръ, пока не очистилъ амбразуры и не далъ возможности орудію продолжать свое дѣйствіе, за что и получилъ знакъ отличія военнаго ордена.

Рядовые *Александръ Кульневъ* и *Иванъ Свинтицкій* постоянно находились на 5-мъ бастіонѣ; они не жалѣли ни трудовъ, ни усилій, для исправленія поврежденій въ батареяхъ 1-го отдѣленія. Не разъ, безъ помощи рабочихъ, они расчищали засвѣтло амбразуры; при пожарахъ, первыми бросались въ опасность и тушили огонь, своею храбростью и самоотверженіемъ ободряли рабочихъ и подавали имъ примѣръ собою. Кульневъ, во время бомбардированія съ 5-го на 6-е іюня былъ раненъ осколкомъ бомбы въ спину, но, не смотря на страданія, сошелъ съ мѣста только тогда, когда окончилъ порученную ему работу. Днемъ 26-го августа, нѣсколькими удачно попавшими бомбами насыпь надъ входомъ въ главный пороховой погребъ 5-го бастіона была до того разрыта, что можно было опасаться, что еще двѣ-три такихъ бомбы—накатникъ не уцѣлѣетъ и погребъ будетъ взорванъ. Ожидать наступленія темноты, для исправленія насыпи, было невозможно, необходимо было принять сейчасъ же мѣры къ отвращенію несчастья. Кульневъ и Свинтицкій, съ командою рабочихъ Подольскаго полка, ки-

нулись къ погребу, чтобы забросать мѣшками съ землею образовавшіеся тамъ воронки. Работа эта была подъ жестокимъ огнемъ непріятеля. Но Кульневъ и Свинтицкій показали примѣръ рабочимъ: первые взбѣжали съ мѣшками на погребъ, и, въ то время, когда Подольцы поочередно туда всходили и бросали мѣшки, саперы оставались все время на верху погреба, пока насыпь его не была исправлена, распоряжались работою и ободряли рабочихъ, хотя мѣсто, гдѣ они стояли, было осыпaeмо непріятельскими пулями. 27-го августа Кульневъ былъ контуженъ въ правую руку, но не сошелъ съ своего мѣста до отбитія непріятельскаго штурма.

Рядовой *Яковъ Чередѣевъ* находился безсмѣнно, въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ, при работахъ на люнетѣ Бѣлкина. 5-го іюня, засвѣтло, онъ починилъ самъ, безъ всякой помощи, двѣ амбразуры. Когда, въ августъ, началось жестокое бомбардированіе, дѣятельность Чередѣева сдѣлалась еще усерднѣе: онъ рассчитывалъ днемъ по нѣскольку разъ однѣ и тѣ же амбразуры, тушилъ пожары, исправлялъ поврежденія; онъ поспѣвалъ всюду, работалъ вездѣ. 25-го августа, когда отъ взрыва бомбы произошелъ пожаръ въ туровой одеждѣ одного траверза, Чередѣевъ, не смотря на то, что дѣло происходило днемъ, взлѣзъ на верхъ траверза и, осыпaeмый непріятельскими пулями, потушилъ огонь. 26-го августа, днемъ, увидѣвъ пожаръ въ одной амбразурѣ, онъ отправился съ нѣсколькими рабочими тушить огонь; первые двое рабочихъ, влѣзшіе въ амбразуру, были сейчасъ же ранены; огонь

распространился, и охватилъ было уже всю щеку амбразуры, а непріятель, замѣтивъ это, началъ бросать въ то мѣсто гранаты и усиленно дѣйствовалъ изъ штуцеровъ. Съ каждой минутой пламя усиливалось и становилось все труднѣе и труднѣе погасить его. Чередѣевъ, не долго думая, влѣзъ одинъ въ амбразуру, и, охваченный со всѣхъ сторонъ огнемъ, сталъ забрасывать его землею, не обращая вовсе вниманія на частые выстрѣлы непріятеля, цѣлившаго въ это мѣсто. Примѣръ Чередѣева воодушевилъ рабочихъ: они живо взялись помогать ему, и пожаръ былъ потушенъ. Конечно, это не обошлось даромъ: 5 человѣкъ рабочихъ выбыло, и самъ Чередѣевъ былъ сильно контуженъ осколкомъ гранаты въ грудь и обожженъ пламенемъ; но, оправившись немного, явился чрезъ нѣсколько часовъ опять на работу.

Унтеръ-офицеръ *Скосыревъ*, находившійся послѣднія три недѣли обороны Севастополя, безсмѣнно, при работахъ во 2-й оборонительной линіи близъ Малахова кургана. Его хладнокровная распорядительность выказалась особенно при слѣдующемъ случаѣ: на заднемъ склонѣ Малахова кургана былъ сложенъ старый хворостъ, т. е. туры и фашины, поврежденные на батареяхъ и негодные къ употребленію; 25 августа, въ 11 часовъ вечера, во время жесточайшей бомбардировки, нѣсколько непріятельскихъ бомбъ попало въ эту кучу, и взрывомъ своимъ произвели въ ней пожаръ. Пламя, при сильномъ вѣтрѣ, быстро распространялось по сухому хворосту и съ каждымъ мгновеніемъ получало новую силу. Вся мѣстность лѣвѣе

Малахова кургана была ярко освѣщена. Люди, работавшіе въ амбразурахъ и на брустверѣ второй линіи тыльных частей кургана, были видны какъ днемъ. Пользуясь этимъ, непріятель направилъ въ эти мѣста самый учащенный прицѣльный и навѣсный огонь съ осадныхъ батарей, неумолкаемо дѣйствовалъ картечью изъ полевыхъ орудій, поставленныхъ въ передовой траншеѣ, между курганомъ и 2-мъ бастіономъ, и сверхъ того открылъ батальный ружейный огонь. Цѣлясь именно туда, гдѣ было скопленіе рабочихъ, непріятель наносилъ имъ большой уронъ; поэтому работа почти не подвигалась впередъ. Между тѣмъ постройку 2-й линіи нужно было окончить какъ можно скорѣе; Скосыревъ, съ командою рабочихъ, былъ посланъ тушить пожаръ; но сдѣлать это можно было только растаскивая хворостъ и засыпая его землею. Рабочіе Сѣвскаго полка дружно принялись за работу, одушевляемые и руководимые Скосыревымъ, дѣйствовавшимъ молодецки. Онъ влѣзалъ въ самое пламя, распоряжался хладнокровно, безъ суеты и самъ работалъ за десятерыхъ. Ни падавшіе во множествѣ непріятельскіе снаряды, ни пламя и дымъ, охватывавшіе его со всѣхъ сторонъ, не приводили его въ смущеніе. Онъ тушилъ, смѣялся и развлекалъ рабочихъ. Попадалъ ли между ними снарядъ и выносилъ нѣсколькихъ храбрецовъ, онъ всѣхъ успокаивалъ; начинали ли они ослабѣвать въ своихъ усиліяхъ, онъ становился на болѣе опасное мѣсто, и тамъ словомъ и дѣломъ увлекалъ вновь и заставлялъ забывать объ опасности. Его хладнокровными и смѣтливими распо-

ряженіями хворость былъ растасканъ, и, не смотря на всѣ препятствія, сильнѣйшій пожаръ потушенъ въ полтора часа времени, что дало возможность продолжать работу. Сѣвцы при этомъ работали съ необыкновенною отвагою.

Унтеръ-офицеръ *Лазовскій*. Во время усиленныхъ бомбардированій его всегда можно было видѣть впереди рабочихъ на наиболѣе опасныхъ мѣстахъ; онъ распоряжался всегда толково, съ полнымъ присутствіемъ духа, не желая себѣ никакой смѣны. Послѣ занятія французами, 19-го апрѣля, линій нашихъ впереди редута Шварца, Лазовскому захотѣлось узнать, что подѣлываетъ непріятель въ отнятыхъ у насъ ложементахъ. Для этого, въ обѣденное время, около полудня, онъ вышелъ изъ рва редута и поползъ впередъ. Войдя въ траншею съ крайняго ложемента и не найдя тамъ никого, онъ отправился въ другой ложементъ. Тамъ онъ засталъ, при сложенномъ оружіи и аммуниціи, нѣсколько спящихъ французовъ. Любя выпить, онъ первое вниманіе обратилъ на маперки съ ромомъ, и, взявъ изъ нихъ двѣ и штуцеръ, отправился въ обратный путь. Спавшіе французы, между тѣмъ, проснулись, и замѣтивъ нашего унтеръ-офицера, открыли по немъ частый ружейный огонь. Несмотря на то, Лазовскій прехладнокровно прошелъ слишкомъ 40 саж., отдѣлявшихъ непріятеля отъ рва нашего укрѣпленія, и благополучно явился въ редутъ, съ взятыми у непріятеля трофеями. Неустрашимость, выказанная имъ при работахъ, была награждена знакомъ отличія военнаго ордена.

Рядовой *Петръ Михайловъ*, во время послѣдняго усиленнаго бомбардированія 25-го августа, ночью, сидѣлъ на краю амбразуры 5-го бастіона; въ то же время, просто рабочіе поправляли амбразуру. Вдругъ непріятельская граната упала около Михайлова и продолжала горѣть. Изъ рабочихъ—кто выскочилъ изъ амбразуры, кто прилежъ. Михайловъ же, посвистывая, взялъ стоявшую возлѣ него манерку съ водою, налилъ изъ нея воды на трубку гранаты и, столкнувъ ее въ ровъ, сказалъ рабочимъ: «Лохматка (*), братцы, задохла: я ее наполнилъ; годится еще и назадъ имъ послать.»

Рядовой *Осипъ Остапчукъ* работалъ постоянно, днемъ и ночью, съ 28 апрѣля, до конца обороны, на редутѣ Шварца, отличался неизмѣннымъ мужествомъ и усердіемъ. Во время бомбардированія съ 5-го на 6-е іюня, въ одной изъ амбразуръ редута Шварца загорѣлась фашина отъ взрыва непріятельской гранаты. Остапчукъ, бывшій на работѣ, вблизи этого мѣста, замѣтилъ пожаръ, бросился къ нему съ рядовымъ той же роты *Никифоромъ Серебряковымъ*, несшимъ воду, и, не обращая вниманія на то, что дѣло было днемъ, влѣзъ въ самую амбразуру и сталъ заливать горѣвшія фашины. Когда вода была вся израсходована, то Остапчукъ послалъ за нею товарища, а самъ, не смотря на сильный штуцерный огонь, для котораго онъ служилъ цѣлью, остался въ амбразурѣ, старался потушить пламя землею и не сходилъ съ своего мѣста

(*) «Лохматкой» или «бритвой» солдаты называли гранату, брошенную прицѣльно.

до тѣхъ поръ, пока Серебряковъ не вернулся съ водою. Огонь былъ залитъ. Оба храбреца при этомъ были контужены ядромъ и хотя страдали отъ этого не мало, однако не оставляли работъ, порученныхъ ихъ надзору.

Рядовые *Федоръ Крыловъ* и *Иванъ Лавреновъ* работали въ минахъ, впереди 5-го бастіона и редута Шварца, постоянно обращая на себя вниманіе знаніемъ дѣла и своимъ хладнокровіемъ. Особенно же отличились они во время штурма на редутъ Шварца 27-го августа. Непріятель хотѣлъ овладѣть редутомъ. Крыловъ и Лавреновъ, съ своими товарищами *Харламомъ Хоперскимъ*, *Кириломъ Ляшниковымъ* и еще нѣсколькими другими саперами, стали защищать входъ въ укрѣпленіе, стрѣляя чрезъ бойницы, продѣланныя въ его дверяхъ. Когда же нѣсколько ручныхъ гранатъ, брошенныхъ французами, выломали двери потерны, то храбрые саперы, предводительствуемые и одушевляемые Крыловымъ, бывшимъ впереди всѣхъ, встрѣтили грудью натискъ непріятеля и опрокинули его. При этомъ Крыловъ закололъ одинъ пятерыхъ французовъ. Какъ только непріятель сталъ отступать, защитники поспѣшили наверхъ и, ставъ въ амбразуры, пустили ружейный огонь по отступавшимъ. Крыловъ за молодецкій подвигъ этотъ былъ награжденъ, *по приговору товарищей* своихъ, георгіевскимъ крестомъ.

4-й САПЕРНЫЙ БАТАЛІОНЪ.

Иванъ Румянцевъ, съ начала ноября 1854 г. по іюль 1855 г., находился на 5-мъ бастіонѣ и смежныхъ съ нимъ батареяхъ. Подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ онъ распоряжался какъ на работахъ мирнаго времени. Не было опаснѣйшаго порученія, на которое бы онъ не вызывался. Въ дни усиленныхъ бомбардированій, когда поврежденій въ нашихъ укрѣпленіяхъ бывало много, онъ не только работалъ заурядъ, по ночамъ, но, не зная отдыха, являлся по своему желанію и на дневныя работы. Любо было смотрѣть, какъ руководилъ онъ работами, какъ своимъ примѣромъ и словами ободрялъ рабочихъ, съ какою неустрашимостью становился на самое опасное мѣсто, и тамъ, подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ, усердно занимался своимъ дѣломъ. Не разъ ходилъ онъ въ секреты охотниковъ, подползалъ къ осаднымъ работамъ и доставлялъ вѣрныя свѣдѣнія о нихъ. Онъ участвовалъ въ постройкѣ многихъ заваловъ и въ ночь съ 1 на 2-е января 1855 г., въ числѣ охотниковъ, ходилъ на вылазку. Въ началѣ іюля онъ былъ назначенъ на Малаховъ курганъ, гдѣ его надзору были поручены работы на части праваго фаса этого укрѣпленія. Не смотря на всѣ затрудненія и на недостатокъ

рукъ, въ то время, когда непріятель особенно налегаль на курганъ, Румянцевъ приводилъ ежедневно свой участокъ къ разсвѣту въ исправный видъ. Такъ, напримѣръ, 26 іюля, днемъ, загорѣлись щеки одной амбразуры, на 9-ти-орудійной батарее праваго фаса Малахова кургана. Рабочіе, замѣтивъ, что непріятель сильно дѣйствуетъ изъ штуцеровъ по мѣсту пожара, не рѣшались лѣзть въ амбразуру. Между тѣмъ пламя, при сухости туровъ, живо распространяясь, начало уже захватывать туровую одежду внутренней крутости бруствера. Румянцевъ, пренебрегая явною опасностью, вскочилъ одинъ во внутрь амбразуры и принялся за-брасывать пламя землею. Справиться съ пожаромъ было не легко; однако, храбрый саперъ, окруженный пламенемъ и подъ англійскими пулями, проработалъ здѣсь болѣе четверти часа и наконецъ успѣлъ потушить огонь. При этомъ онъ получилъ контузію пулею въ шею, обжегъ себѣ руки и лицо, но не оставилъ работъ на бастионѣ. 29 іюля онъ расчистилъ засвѣтло, одинъ безъ рабочихъ, двѣ сильно засыпанныя амбразуры, и хотя дистанціонный офицеръ позволилъ ему сойти оттуда, однако Румянцевъ просилъ позволить окончить работу и отошелъ только тогда, когда орудія могли дѣйствовать картечью. Въ ночь съ 30 на 31-е іюля, англійскія бомбы четыре раза разваливали одну и ту же амбразуру, починаемую Румянцевымъ съ командою рабочихъ, но къ утру амбразура была приведена въ исправность. Съ открытіемъ работъ на 11-ти-орудійной батарее, во 2-й линіи, лѣвѣе горжи Малахова кургана, Румянцевъ былъ туда назначенъ за

унтеръ-офицера и продолжалъ служить по прежнему молодецки. Къ сожалѣнію, 19-го августа, этотъ храбрый и усердный саперъ былъ сильно контуженъ въ голову и въ лѣвый бокъ осколкомъ бомбы и, не смотря на свое сопротивленіе, отправленъ въ госпиталь. Передъ этимъ онъ удостоился получить знакъ отличія военнаго ордена и денежную награду.

Абрамъ Соколовъ находился на Малаховомъ курганѣ и работалъ обыкновенно днемъ. 5-го іюня, во время непріятельскаго бомбардированія, предшествовавшаго первому штурму, Соколову былъ порученъ надзоръ за частью передняго фаса лѣвѣе башни. Разрывомъ нѣсколькихъ бомбъ часть одного мерлона была такъ разбита, что люди въ этомъ мѣстѣ были открыты по поясъ. Соколовъ, схвативъ нѣсколько солдатъ Забалканскаго полка, побѣждалъ закладывать эту брешь. Рабочіе набивали землю мѣшки, а Соколовъ укладывалъ ихъ на мѣсто и присыпалъ землею: поврежденіе было исправлено въ самое короткое время, подъ весьма сильнымъ прицѣльнымъ огнемъ съ французскихъ батарей. Только что онъ успѣлъ окончить эту работу, какъ нѣсколько непріятельскихъ бомбъ, упавъ на близлежащій пороховой погребъ, произвели въ его насыпи глубокую и опасную воронку. Соколовъ бросился туда съ горстью рабочихъ и первый вбѣжалъ на верхъ погреба съ землянымъ мѣшкомъ. Почти въ это же мгновеніе на ту же насыпь падаетъ непріятельская граната и продолжаетъ дымиться. Соколовъ прехладнокровно сталкиваетъ ее внизъ съ погреба; работа снова закипѣла и была успѣшно кончина. Въ этотъ день,

5-го іюня, всѣ амбразуры на участкѣ Соколова были по нѣскольку разъ разрушаемы, но содержались имъ въ постоянной готовности дѣйствовать картечью. Наступило послѣднее ужасное бомбардированіе и канонада; Соколовъ присматривалъ за тѣмъ же участкомъ, какъ и прежде. Этотъ пунктъ сдѣлался самымъ опаснымъ на курганѣ. 10-ти-орудійная батарея дѣйствовала по немъ, не переставая, самымъ мѣткимъ огнемъ. Заваленныхъ у насъ амбразуръ бывало много; исправить ихъ было не легко и не могло обойтись безъ тяжкихъ потерь. Въ одинъ изъ такихъ дней, именно 8-го августа, требовалось разчистить одну амбразуру. Приходилось работать совершенно открыто для непріятеля. Первые взявшіеся за дѣло рабочіе были убиты или ранены мѣткими выстрѣлами непріятеля, осыпавшаго это мѣсто штуцерными пулями. Тогда завѣдывавшій работами лѣваго фаса прапорщикъ Насанинъ (*), работавшій при этомъ какъ простой рабочій, и саперъ Соколовъ подали примѣръ: они влѣзли въ амбразуру

(*) Сперва воспитанникъ Инженернаго училища, потомъ юнкеръ 6 го Сапернаго баталіона и наконецъ прапорщикъ Томскаго егерскаго полка, прикомандированный къ 6-му Саперному баталіону. Онъ съ начала до конца обороны не сходилъ съ оборонительной линіи, завѣдывая различными надземными работами, производилъ ихъ всегда успѣшно, настойчиво преодолевая всѣ препятствія и затрудненія, съ отвагой, кипучей дѣятельностью и толковой распорядительностью. Нѣсколько разъ контуженный, разъ раненый осколкомъ въ голову съ оторваніемъ уха, онъ не покидалъ никогда работъ, не смотря на свои страданія. Боевыя заслуги его обратили вниманіе начальства, и между прочими наградами онъ получилъ, будучи юнкеромъ, знакъ отличія военнаго ордена. Къ крайнему сожалѣнію, 27-го августа 1855 г., при штурмѣ Малахова кургана, онъ кончилъ свою славную боевую жизнь и палъ геройскою смертію, пораженный штуцерною пулею въ лобъ.

и начали дружно работать. Рабочіе воодушевились, и амбразура была починена. 12-го же августа, исправляя внутреннюю крутость бруствера, Соколовъ былъ сильно контуженъ осколкомъ бомбы въ ногу, но чрезъ нѣсколько дней, не совсѣмъ еще оправясь отъ контузіи, явился опять на курганъ для работы.

Гаврило Хабаньковъ семь мѣсяцевъ работалъ на Малаховомъ курганѣ и Камчатскомъ редутѣ. Весною 1855 года, когда началась ложементная война, Хабаньковъ принималъ въ ней живое участіе, то работая при заложеніи нашихъ ложементовъ, то находясь въ секретяхъ, оберегавшихъ ихъ. Подползалъ къ непріятельскимъ траншеямъ, высматривалъ ихъ, доставлялъ о нихъ вѣрныя свѣдѣнія и, зная хорошо мѣстность, направлялъ движеніе нѣкоторыхъ вылазокъ, пробираясь въ ихъ головѣ. Когда непріятель открылъ усиленный огонь по Камчатскому редуту, Хабаньковъ находился неотлучно на редутѣ: чинилъ амбразуры, тушилъ пожары, забрасывалъ засвѣтло воронки на погребяхъ. 25 мая началась жестокая бомбардировка по редуту. Въ этотъ день, безъ всякой помощи, онъ расчистилъ засвѣтло двѣ амбразуры, и когда наружная отлогость бруствера праваго фаса редута обрушилась въ ровъ, отъ дѣйствія англійскихъ пустотѣлыхъ снарядовъ, Хабаньковъ, съ командою рабочихъ Полтавскаго полка, былъ туда посланъ, чтобы исправить сдѣланное поврежденіе. Работу нельзя было отложить до ночи; понятно, что тутъ было не мало опасности и труда. Пока люди очищали ровъ и были закрыты, все шло успѣшно; но когда пришлось класть фашины

работать открыто, то рабочіе понесли большую убыль, а огонь англичанъ усиливался. Тогда Хабанковъ поднялся одинъ на скать бруствера и, не обращая вниманія на то, что открывалъ себя непріятелю, началъ прибывать фашины, которыя ему подавали люди изъ рва. Такое самоотверженіе воодушевило рабочихъ, и они забыли объ опасности. На слѣдующій день Хабанковъ не сошелъ съ работъ, хотя получилъ значительный ушибъ въ голову, камнемъ, съ разрывомъ щеки. 27 мая онъ былъ назначенъ на Малаховъ курганъ, но недолго пришлось ему здѣсь отличиться: огромный осколокъ бомбы оторвалъ ему лѣвую руку, выше локтя, въ ночь съ 27 на 28 мая — и его унесли на перевязку.

Унтеръ-офицеры: *Андрей Абрамовъ, Алексій Баклоновъ, Федоръ Самокатовъ* и *Николай Блудовъ*, работали все время въ минахъ впереди 4-го бастиона. Нельзя было не обратить вниманія на ихъ постоянное усердіе, дѣятельность, отличное знаніе своего дѣла, невозмутимое хладнокровіе и равнодушіе къ опасности. Всѣ они жили по нѣскольку мѣсяцевъ въ галереяхъ, исполняя всѣ порученія по миннымъ работамъ, съ удивительною точностью и успѣхомъ. Въ особенності же отличались они въ прислушиваніи къ непріятельскому минеру, присутствіе котораго замѣчали во-время, опредѣляя вѣрно разстояніе, на которомъ онъ находился.

Самокатовъ отличался необыкновеннымъ навыкомъ къ этимъ труднымъ работамъ и своею смѣлостью. Онъ первымъ взошелъ въ непріятельскую галерею, испор-

ченную удачнымъ взрывомъ нашихъ минеровъ, занялъ ее, съ нѣсколькими изъ своихъ храбрыхъ помощниковъ, и очистилъ на протяженіе 11 сажень. Контуженный, а потомъ раненый, онъ оставался на своемъ мѣстѣ.

Блудовъ, въ одинъ изъ послѣднихъ дней обороны, былъ сильно контуженъ. Прийдя въ память уже на перевязочномъ пунктѣ, онъ вспомнилъ, что не докончилъ своего дѣла, а потому просилъ старшаго доктора послать сейчасъ же записку къ завѣдывавшему минами, донося ему, что порученіе, данное *Блудову*, не исполнено, по случаю контузии, полученной послѣднимъ. Казакъ отвезъ эту записку, и узнавъ на бастіонѣ, что слышна вновь работа непріятельскаго минера, сообщилъ это *Блудову*, передалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поклонъ отъ его товарищей-минеровъ. При этомъ извѣстіи для *Блудова* стало невыносимо быть на перевязочномъ пунктѣ, безъ всякаго занятія, тогда какъ на бастіонѣ работа кипѣла. Онъ не выдержалъ и объявилъ доктору, что никакъ не можетъ оставаться на перевязочномъ пунктѣ, и, несмотря на отсовѣтываніе и на свои страданія, поплелся на бастіонъ съ бинтами, корпѣй и разными примочками. Прибывъ туда, онъ взялся за работу и много способствовалъ къ производству удачнаго взрыва.

За недостаткомъ свѣдѣній нельзя исчислить всѣхъ случаевъ, гдѣ отличались всѣ эти унтеръ-офицеры; всѣ они, кромѣ другихъ наградъ, получили знакъ отличія военнаго ордена.

Рядовые *Петръ Ѳедоровъ* и *Василій Кудрявцевъ*. Храбрость и усердіе этихъ саперъ ставили ихъ выше всякой похвалы. Они работали съ 24 октября 1854 года на 4-мъ бастіонѣ, и на ихъ участкѣ, какъ бы ни былъ силенъ непріятельскій огонь, работы шли всегда хорошо. 29 октября, *Ѳедоровъ*, находясь впереди рабочихъ на верху бруствера, замѣтилъ, что вдругъ часть рабочихъ бросилась въ сторону, а другая прилегла; вслѣдъ за этимъ онъ услышалъ свистъ бомбы, летѣвшей прямо на него. Не обращая вниманія на опасность и оставшись на мѣстѣ, хотя бомба легла тутъ же, около него, онъ сказалъ рабочимъ: «что вы, братцы, она вѣдь подохнетъ»—и дѣйствительно бомба не разорвалась. Рабочіе, при такомъ хладнокровіи и отвагѣ, живо собрались, и работа пошла своимъ порядкомъ. 3 ноября, *Ѳедоровъ*, не дожидаясь ночи, влѣзь одинъ на верхъ порохового погреба, въ насыпи котораго произошли опасныя воронки, и, не смотря на то, что былъ совсѣмъ открытъ непріятелю, забросалъ ихъ земляными мѣшками, которые ему подавали люди.

Въ ночь съ 30 на 31 октября *Кудрявцевъ* надзиралъ за исправленіемъ амбразуръ *Шихматова* батареи (*). Произошла ложная тревога, отнявшая не мало рабочаго времени и вызвавшая сильный огонь со стороны непріятеля; но поврежденія были къ разсвѣту исправлены. Когда люди были сведены съ работъ, оставалась неоконченною только часть щеки одной

(*) Одна изъ батарей позади 4-го бастіона.

амбразуры. Кудрявцевъ не хотѣлъ ее такъ оставить и, хотя было уже почти свѣтло, онъ влѣзъ въ амбразуру и, подвергаясь выстрѣламъ атакующаго, окончилъ исправленіе и увѣнчалъ туры земляными мѣшками. При этомъ камни и мѣшки, сбитые съ бруствера непріятельскимъ ядромъ, сильно его ушибли, но онъ не сошелъ съ мѣста. Какъ Ѳедоровъ, такъ и Кудрявцевъ, кромѣ работъ на самомъ бастионѣ, участвовали въ заложении нѣсколькихъ передовыхъ заваловъ и, по собственному ихъ желанію, не разъ ходили въ секреты, развѣдывать объ осадныхъ подступахъ. Въ мартѣ 1855 г. оба они были переведены на 5-й бастионъ, гдѣ также продолжали служить по прежнему отлично, участвовали въ заложении ложементовъ впереди редута Шварца и оба же были награждены знакомъ отличія военнаго ордена.

Рядовой *Дмитрій Парфеновъ* находился съ самаго начала при минныхъ работахъ, впереди 4-го бастиона, и выказалъ при этомъ знаніе дѣла и хладнокровіе. Большею частью онъ работалъ въ тѣхъ галереяхъ, изъ которыхъ производились взрывы, и не разъ съ большою вѣрностью, по слуху, опредѣлялъ разстояніе до непріятельскаго минера. Съ первыхъ дней іюня 1855 года онъ былъ назначенъ на Малаховъ курганъ, и поступилъ на батарею Жерве, въ должность старшаго сапера. Тутъ, въ надземныхъ работахъ, онъ выказалъ такую же расторопность и храбрость, какъ и въ работахъ подъ землею. Подъ его присмотромъ было произведено не мало построекъ въ продолженіе 2-хъ-мѣсячнаго пребыванія его на батарее Жерве.

Ни жестокий огонь противника, ни изнурение отъ усиленныхъ трудовъ, не могли ослабить его полезной дѣятельности. Предводительствуя молодцами рабочими Елецкаго полка, онъ потушилъ нѣсколько пожаровъ въ амбразурахъ, а 7 іюля, когда, отъ собственныхъ нашихъ выстрѣловъ, загорѣлись мѣшки, вѣнчавшіе щеки одной амбразуры, Парфеновъ, не дожидаясь рабочихъ, засвѣтло, потушилъ пламя, взобравшись на верхъ бруствера. 11 іюня, подъ вечеръ, когда было еще свѣтло и непріятель могъ легко его замѣтить, онъ взлѣзъ на брустверь батареи и произвелъ разбивку двухъ амбразуръ. Во время постройки мортирной и отдѣльной 6-ти-орудійной батареи (*), а равно когда продолжался къ доковому оврагу брустверь батареи Жерве,—работы важныя и спѣшныя—Парфеновъ выказывалъ необыкновенную дѣятельность и распорядительность при полномъ равнодушіи къ опасности. Грунтъ, въ которомъ велись эти работы, былъ крайне твердый, большею частью голая скала, такъ что приходилось возводить насыпи изъ приносной земли. Непріятель по этимъ пунктамъ дѣйствовалъ неослабно, рабочія команды несли немалыя потери; не смотря на всѣ эти затрудненія, работы подъ присмотромъ Парфенова шли живо и успѣшно. Во время этихъ работъ, 15 іюня, онъ былъ контуженъ въ голову; 2 іюля—въ правый бокъ, 7 іюля—штуцерною пулею въ правый високъ, наконецъ, 28 іюля, раненъ въ правую

(*) Обѣ эти батареи принадлежали къ батарее Жерве и были расположены немного отступя во-внутрь отъ ея бруствера.

ногу осколкомъ бомбы; но, не обращая вниманія на страданія, онъ оставался при работахъ постоянно. Вообще онъ служилъ отличнымъ помощникомъ для дистанціоннаго офицера.

Унтеръ-офицеръ *Карлз Тювелевъ* обыкновенно назначался въ секреты. Имѣя подъ своей командою 4 рядовыхъ, онъ каждую ночь отправлялся съ ними далеко передъ 4-й бастіонъ, для развѣдыванія о непріятельскихъ работахъ; доставлялъ о нихъ точныя свѣдѣнія, и не разъ картечный огонь, открытый съ бастіона въ направленіи, указанномъ имъ, наносилъ дѣйствительный вредъ непріятелю. Во время своихъ ночныхъ походовъ, Тювелевъ не разъ сталкивался съ непріятельскими секретами и, бросаясь на нихъ въ штыки съ 4 своими молодцами, всегда успѣвалъ прогонять противниковъ. Онъ участвовалъ во всѣхъ вылазкахъ, которыя производились въ ноябрѣ и декабрѣ съ 2-го отдѣленія оборонительной линіи; зналъ всю мѣстность этого отдѣленія и потому шелъ всегда въ головѣ вылазокъ, указывая нашимъ смѣльчакамъ дорогу. Въ ночь съ 28 на 29 декабря приказано заложить по два ложементъ на каждомъ берегу лощины, находившейся между 4-мъ и 5-мъ бастіонами. Наблюденіе за постройкою ложементовъ 4-го бастіона Капитанъ поручилъ Тювелеву, а для охраненія этихъ работъ была назначена пѣхотная рота. Когда рабочіе стали выходить за черту нашихъ укрѣпленій, было замѣчено, что французскіе секреты лежали на мѣстахъ, гдѣ предполагалось устроить два ближайшіе къ 4-му бастіону ложементы. Капитанъ поставилъ противъ каж-

даго французскаго секрета по секрету изъ пѣхотныхъ солдатъ, а Тювелева, съ 4-мя саперами, послалъ въ лощину, приказавъ имъ подаваться впередъ, показывая намѣреніе обойти непріятельскіе секреты. Хитрость эта удалась. Французы отошли назадъ, наши заняли ихъ мѣста и сейчасъ же приступили къ постройкѣ двухъ ложементовъ. Капитанъ указалъ работу и далъ ротному офицеру и Тювелеву инструкцію, какъ дѣйствовать въ случаѣ нападенія, а самъ отправился на противоположный берегъ лощины, для заложения двухъ другихъ ложементовъ. Наступила совершенная темнота. Работа кипѣла по обѣимъ сторонамъ лощины и шла успѣшно. Вдругъ въ ложементахъ, гдѣ были Тювелевъ, поднялся шумъ и затрещали частые ружейные выстрѣлы. Это были французскіе секреты, которые, собравшись въ одну общую массу, открыли батальный ружейный огонь по ложементамъ, воздвигавшимся нами. Вслѣдъ за этимъ толпа французовъ бросилась на нашихъ рабочихъ. Но въ ложементахъ находились Тювелевъ и 4 его товарища саперы: *Соловьевъ*, *Дударевъ*, *Бугаковъ* и *Сытинъ*. Непріятельская партія, неожиданно встрѣченная живымъ и мѣткимъ ружейнымъ огнемъ, открытымъ саперами съ близкой дистанціи, повернула назадъ и, засѣвъ въ своемъ завалѣ, продолжала пальбу. Послѣ этого Французы нѣсколько разъ бросались на наши ложементы, но каждый разъ встрѣчали отчаянный отпоръ со стороны нашихъ молодцовъ, и прятались въ свой ложементъ. Къ сожалѣнію, во время этого дѣйствія непріятельская пуля ударила Тювелева въ грудь, около георгіевскаго

креста (*); онъ успѣлъ только сказать прибѣжавшему туда штабсъ-капитану Д.: «ваше благородіе, скоро ли придетъ армейская рота, а то, пожалуй, Французы отнимутъ у насъ ложементы; прощайте, ваше благородіе».... и съ этими словами отдалъ Богу душу. Д., закрывъ ему глаза, подошелъ къ остальнымъ саперамъ; они быстро заряжали ружья и стрѣляли по выскакивавшимъ поминутно французамъ, но по закаленнымъ, суровымъ лицамъ ихъ текли слезы по храброму товарищѣ Тювелеву. Черезъ нѣсколько минутъ былъ раненъ пулею въ руку, съ перебитіемъ кости, Соловьевъ; не бывъ въ состояніи стрѣлять, онъ отдалъ Д. свое ружье, говоря: «стрѣляйте, ваше благородіе, изъ моего ружья, я вамъ буду подавать патроны,» и никакъ не хотѣлъ уйти на перевязку. Не смотря на свои страданія, онъ не переставалъ подавать одною рукою патроны Д. и саперамъ изъ своего полусумка и ушелъ только тогда, когда пришла пѣхотная рота. Ложементы, благодаря самоотверженію Тювелева и его достойныхъ товарищей, не только не были взяты неприятелемъ, но къ восходу луны были совсѣмъ окончены и заняты нашими штуцерными. Сытинъ, Соловьевъ и Дударевъ были награждены знакомъ отличія военного ордена.

На мѣсто храбраго Тювелева начальникомъ сапернаго секрета былъ назначенъ той же роты унтеръ-офицеръ *Алексій Розоновъ*, бывший до того при работахъ на 4-мъ бастіонѣ. Онъ вполнѣ замѣнилъ сво-

(*) Полученнаго имъ въ ноябрѣ 1855 года—за мужество его въ сѣкретахъ и на вылазкахъ.

его предмѣстника и былъ не менѣ Тювелева неустрашимъ и смѣливъ. Ежедневно бродилъ онъ впереди бастіона, пробираясь весьма близко къ осаднымъ работамъ и къ самому краю непріятельскихъ воронокъ, вездѣ обстоятельно высматривалъ и выслушивалъ что происходило у противника. Розоновъ отличался во многихъ вылазкахъ и служилъ прекраснымъ примѣромъ для товарищей. Послѣ полугодовой еженощной службы въ секретахъ, за которую ему навѣшенъ былъ крестъ храбрыхъ самимъ генераломъ Тотлебенемъ, онъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ видѣ отдыха, былъ назначенъ для присмотра за ломкою домовъ въ городѣ.

Не менѣ отличнымъ унтеръ-офицеромъ былъ *Михайло Жуковъ*, работавшій постоянно впереди 5-го и 6-го бастіоновъ и служившій превосходнымъ помощникомъ дистанціоннымъ офицерамъ. Зная храбрость его и желаніе участвовать въ самыхъ опасныхъ предпріятіяхъ, его чаще всего назначали для работъ въ ложементахъ и завалахъ впереди 1-го отдѣленія оборонительной линіи: эти работы были самыя близкія къ непріятелю и требовали особенной расторопности, присутствія духа и осторожности. Здѣсь Жуковъ выказалъ такую неустрашимость и хладнокровіе, а также распорядительность и знаніе дѣла, что дѣйствія его были выше всякой похвалы. Помня превосходно всю мѣстность впереди 5-го и 6-го бастіоновъ, часто, по собственному желанію, отправлялся въ секреты, и, не довольствуясь тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ изъ нихъ, выползалъ еще впередъ, совсѣмъ къ непріятельскимъ траншеямъ, и высматривалъ все, что тамъ

происходило. Смѣло можно сказать, что противъ нашего праваго крыла не было такой непріятельской работы, которой бы Жуковъ не полюбопытствовалъ. Его осмотры приносили большую пользу, потому что свѣдѣнія, доставляемые имъ, всегда были точны и вѣрны. Это давало намъ возможность дѣйствовать артиллерійскимъ огнемъ именно по тѣмъ пунктамъ, гдѣ непріятель работалъ, и, главное, дѣйствовать своевременно, не расходуя понапрасну снарядовъ. Ночью, съ 8-го на 9-е апрѣля 1855 года, предполагалось устроить нѣсколько новыхъ ложементовъ впереди 5-го бастіона; но въ это время непріятель занялъ превосходными силами бывшее впереди этого бастіона кладбище, а впереди кладбищенской ограды расположилъ свою цѣпь. Требовалось осмотрѣть мѣста расположенія послѣдней и узнать силу ея. Жуковъ вызвался на эту опасную рекогносцировку и, приблизясь скрытно къ непріятелю, осмотрѣлъ расположеніе его; но замѣченный французами, подвергся ружейному огню и былъ тяжело раненъ пулею въ руку. Однако, хотя силы ему измѣняли, онъ добрался до укрѣплений и не пошелъ прямо на перевязку, а пришелъ сперва на бастіонъ, чтобы доставить требовавшіяся свѣдѣнія. Передъ этимъ онъ былъ два раза контуженъ и разъ легко раненъ, но не покидалъ своего обычнаго мѣста.

Унтеръ-офицеръ *Константинъ Евстифьевъ* былъ въ числѣ охотниковъ, вѣнчавшихъ первую непріятельскую воронку впереди 4-го бастіона, послѣ чего вызвался охотникомъ въ команду, назначенную для вѣнчанія другой воронки, работалъ тамъ хладнокров-

но, просидѣлъ въ вѣнчаніи, подъ градомъ бомбъ и гранатъ, болѣе 6 часовъ и исполнилъ свою обязанность съ полнымъ успѣхомъ. Онъ участвовалъ въ заложеніи многихъ ложементовъ передъ 4-мъ бастіономъ и не разъ добровольно ходилъ въ секреты. Сверхъ того неоднократно, засвѣтло, не смотря на непріятельскій огонь, производилъ разбивку амбразуръ, чинилъ ихъ днемъ, тушилъ пожары, и все это съ хладнокровіемъ и отвагою, воодушевляя прочихъ нижнихъ чиновъ. Заслуги его были награждены знакомъ отличія военнаго ордена.

Унтеръ-офицеръ *Созонтъ Шевелевъ* въ концѣ октября поступилъ на 4-й бастіонъ для завѣдыванія работами части праваго фаса бастіона. Подъ надзоромъ его было возведено не мало амбразуръ, и весь правый флангъ бастіона приведенъ въ отличное состояніе. Находясь въ продолженіе 5-ти мѣсяцевъ на своемъ участкѣ, онъ успѣлъ хорошо ознакомиться съ впереди лежавшею мѣстностью, и, кромѣ занятій на бастіонѣ, находилъ еще время отправляться иногда въ секреты, гдѣ, ловко пользуясь мѣстными закрытіями, подпалзывалъ весьма близко къ непріятельскимъ траншеямъ и воронкамъ. Когда началась у насъ контр-апробная война, Шевелевъ заложилъ нѣсколько ложементовъ и въ этомъ случаѣ оказалъ большую смѣлливость въ разставленіи секретовъ, долженствовавшихъ оберегать устройство этихъ передовыхъ построекъ. Въ тѣ дни, когда непріятельскій огонь успливался, Шевелевъ, такъ сказать, удвоивался; онъ всюду поспѣвалъ: и къ поврежденному погребу, и къ

разбитой амбразурѣ, и къ обвалившемуся траверзу. Днем онъ не разъ исправлялъ, одинъ безъ рабочихъ, заваленныя амбразуры и тушилъ происходившіе въ нихъ пожары. Разъ, проходя по работамъ своего участка, онъ замѣтилъ, что мѣшки, вѣнчавшіе щеки одной амбразуры, дымились; онъ сейчасъ же отправился за рабочими, но пока они собрались, пламя охватило уже всѣ мѣшки и самые туры начинали горѣть. Шевелевъ, не долго думая, вскочилъ во внутрь амбразуры, захвативъ при этомъ случившіяся тутъ двѣ манерки съ водою. Не смотря на то, что непріятель замѣтилъ нашего храбреца и началъ посылать въ него штуцерныя пули, онъ успѣлъ потушить пожаръ. За свою храбрость Шевелевъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена, но 17 іюня 1855 года палъ, пораженный двумя штуцерными пулями въ бокъ и въ грудь.

10-го ноября 1854 года инженерному офицеру, завѣдывавшему работами на 4-мъ бастіонѣ, нужно было послать приказаніе на одинъ изъ участковъ своей дистанціи. Случился тутъ саперъ *Певень*, котораго офицеръ и послалъ. Желая исполнить поскорѣе то, что ему было приказано, онъ не побѣжалъ по траншеѣ сообщенія, въ которой былъ бы закрытъ отъ непріятеля, а избралъ кратчайшій путь, то есть прямо чрезъ открытую площадку. Это, конечно, не обошлось ему даромъ: онъ былъ раненъ пулею въ ногу навывлетъ, упалъ и сталъ кричать: «вотъ-те и саперъ!» Когда пославшій его офицеръ, подойдя къ нему, сталъ распекать его, зачѣмъ онъ не пошелъ

по траншеѣ сообщенія, Певень оправился и живо проговорилъ: «ваше благородіе, никогда не буду,—я хотѣлъ скорѣе добѣжать», сказавъ это вытянувшись, снявъ шанку, и такимъ тономъ, какъ будто раны его не существовало.

При томъ же самомъ инженерномъ офицерѣ состоялъ рядовой постояннымъ вѣстовымъ *Федоръ Криволапъ*. Онъ нѣсколько разъ спасалъ своего начальника отъ неминуемой смерти, въ то время, когда тотъ обходилъ по ночамъ работы своей дистанціи. Часто, не говоря ни слова, схватывалъ онъ Д. и бросалъ его въ сторону, или закрывалъ собою отъ падавшихъ бомбъ и гранатъ. Такъ 9-го іюня, увидѣвъ, что бомба падаетъ прямо на Д., когда тотъ стоялъ на банкетѣ, посреди рабочихъ, Криволапъ бросился на него, столкнулъ его съ банкета и прикрылъ собою, самъ подвергаясь опасности. 15 мая, бомба, унававшая во входъ блиндажа, гдѣ въ то время находился Д., скатилась по ступенькамъ во-внутрь блиндажа; неустрашимый Криволапъ, видя опасность, которой подвергался Д., схватилъ стоявшую вблизи манерку съ водою, и залилъ горѣвшую бомбовую трубку. Въ награду за свое самоотверженіе онъ удостоился получить знакъ отличія военнаго ордена изъ рукъ самого генерала Тотлебена.

6-й САПЕРНЫЙ БАТАЛІОНЪ.

Унтеръ-офицеръ *Захаръ Лубянкинъ* былъ во все время перваго бомбардированія на 6-мъ бастіонѣ, и на работахъ, которыя ему поручались, распоряжался толково и хладнокровно. 24-го октября 1854 года онъ ходилъ охотникомъ на вылазку противъ лѣваго фланга французскихъ работъ. Въ числѣ первыхъ Лубянкинъ вскочилъ въ непріятельскую траншею, ворвался въ осадную батарею, собственноручно заклепалъ два орудія и вернулся на бастіонъ, принеся нѣсколько непріятельскихъ ружей и орудійный баникъ. Въ январѣ 1855 г. онъ былъ назначенъ на Малаховъ курганъ; въ апрѣлѣ поступилъ на 3-й бастіонъ, выдержалъ тамъ два усиленныхъ бомбардированія, и на всѣхъ работахъ, гдѣ только принималъ участіе, обращалъ на себя вниманіе своею храбростью, за что и былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена.

Унтеръ-офицеръ *Конрадъ Собанскій* постоянно работалъ на 3-мъ бастіонѣ. 8-го августа, проходя по Корабельной слободкѣ и замѣтивъ пожаръ въ одномъ изъ домовъ ея, онъ бросился туда, чтобы при случаѣ подать возможную помощь. Въ то время, когда

Собанскій входилъ во дворъ горѣвшаго дома, упала туда непріятельская бомба; но не успѣла она коснуться земли, какъ уже Собанскій, схвативъ, Богъ вѣсть гдѣ, ковшъ съ водою, залилъ бомбовую трубку, и бомба не разорвалась. 5-го августа, находясь на работѣ на 3-мъ бастіонѣ, Собанскій получилъ рану пулею навывлетъ въ правую руку. Когда сдѣлали ему перевязку, онъ пришелъ обратно на бастіонъ, съ намѣреніемъ окончить работу, которую производилъ. Чтобы отправить его на перевязочный пунктъ, ротный командиръ долженъ былъ прибѣгнуть къ настоящему приказанію. Самоотверженіе и непоколебимая храбрость Собанскаго были награждены знакомъ отличія военного ордена.

Унтеръ-офицеръ *Федоръ Кузьминъ* выказывалъ необыкновенныя дѣятельность и усердіе въ работахъ на 3-мъ, 5-мъ и 6-мъ бастіонахъ, во время перваго непріятельскаго бомбардированія. 7-го октября 1854 года онъ былъ сильно контуженъ въ правую ногу, но только-что была ему сдѣлана перевязка, поспѣшилъ на мѣсто опасности, на работы, забывая о своихъ страданіяхъ. 16-го октября, отъ взрыва непріятельской бомбы произошелъ пожаръ въ одной изъ амбразуръ 5-го бастіона. Кузьминъ влѣзъ одинъ внутрь амбразуры и, не обращая вниманія на сильный огонь непріятеля, такъ усердно работалъ, что не только потушилъ пламя, но и расчистилъ амбразуру, вслѣдствіе чего орудіе получило возможность дѣйствовать. Знакъ отличія военного ордена украсилъ грудь храбраго унтеръ-оффцера.

Унтеръ-офицеръ *Ододръ Яковлевъ*. Съ заложения Камчатскаго редута и до взятія послѣдняго, то есть въ продолженіе 3-хъ почти мѣсяцевъ, Яковлевъ работалъ безсмѣнно въ этомъ укрѣпленіи, съ усердіемъ и невозмутимымъ мужествомъ. 25-го мая непріатель открылъ сильное бомбардированіе по всему нашему лѣвому флангу. Но на Камчатскій, Селенгинскій и Волинскій редуты, которымъ предстоялъ непріательскій штурмъ, былъ направленъ особенно сильный огонь. Въ этотъ-то день Яковлевъ, будучи за старшаго сапернаго унтеръ-офицера въ Камчатскомъ редутѣ, исполнялъ свою обязанность выше всякой похвалы. Онъ поспѣвалъ тушить загоравшіяся не разъ амбразуры и засыпать воронки въ пороховыхъ погребахъ, и одушевлять рабочія команды. Изучивъ хорошо направление выстрѣловъ каждой непріательской батареи и не теряя никогда присутствія духа, онъ служилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сигнальщикомъ для рабочихъ и заранее предупреждалъ ихъ объ опасности. Случалось не разъ, что, видя непріательскій снарядъ, падающій около кого-нибудь изъ саперныхъ офицеровъ, онъ мгновенно бросался на него и заслонялъ его собою. Такъ въ началѣ мая, сопровождая инженера поручика Есиповича (*) по работамъ въ редутѣ, когда не-

(*) Инженеръ-Поручикъ Есиповичъ воспитывался въ Николаевскомъ Инженерномъ училищѣ, и, окончивъ въ числѣ первыхъ учениковъ курсъ наукъ, отправился, прямо со школьной скамьи, въ Севастополь. 16-го мая, около 8 часовъ утра, когда, облокотясь о внутреннюю крутость бруствера редута, онъ разсматривалъ въ трубу работы непріателя, штуцерная пуля, пробивъ ему насквозь правую руку выше локтя, прошла въ правый бокъ и застряла подъ самой кожей въ лѣвой части спины. Рана была смертельна. Онъ умеръ на другой день послѣ раны. Это былъ храбрый и всѣми любимый офицеръ.

приятельская бомба упала возлѣ Есиповича, онъ вдругъ повалилъ его на землю и закрылъ собою. Бомба лопнула, не задѣвъ, по счастью, ни Есиповича, ни Яковлева. 25-го мая одинъ изъ саперныхъ офицеровъ проходилъ съ Яковлевымъ по правому фасу редута; неприятельская бомба упала впереди этого офицера. Въ ту же минуту кто-то его бросилъ на землю и прикрылъ собою. Это былъ Яковлевъ. Но на этотъ разъ самоотверженіе его не прошло даромъ. Онъ былъ обожженъ взрывомъ бомбы и раненъ осколкомъ ея. Его отнесли на перевязочный пунктъ. Не совсѣмъ еще оправившись, онъ вернулся къ своей ротѣ и въ началѣ іюля поступилъ на Малаховъ курганъ. 23-го іюля, находясь при работахъ на 1-мъ бастионѣ, Яковлевъ получилъ рану камнемъ въ правую щеку; но, послѣ сдѣланной ему тутъ же на бастионѣ перевязки, принялся опять за работу. 29-го іюля на Малаховомъ курганѣ снова онъ былъ раненъ камнемъ въ руку, но остался на работѣ до 22-го августа. Въ этотъ день онъ былъ разорванъ бомбою въ куски.

Унтеръ-офицеръ *Павелъ Тенисъ* находился сперва при ночныхъ работахъ на Малаховомъ курганѣ и, обыкновенно, работалъ на участкѣ праваго фаса. Кромѣ храбрости и хладнокровія, онъ выказывалъ большую распорядительность и знаніе дѣла, такъ что могъ замѣнить офицера. Поэтому, въ началѣ августа, когда почувствовался недостатокъ въ саперныхъ офицерахъ на 4-мъ отдѣленіи оборонительной линіи, то работы были поручены Тенису, какъ бы дистан-

ціонному офіцеру. Непріятель, открывъ сперва 10, а вскорѣ еще 5 амбразуръ на ближайшей (225 саж.) къ кургану батареѣ ниже Камчатскаго редута, поразилъ часть куртины лѣвѣе кургана самымъ учащеннымъ прицѣльнымъ огнемъ разрывными снарядами, кромѣ весьма сильнаго навѣснаго, картечнаго и ружейнаго огня, направленныхъ на эту часть линіи. Пунктъ этотъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ опасныхъ изъ всего 4-го отдѣленія. Поврежденія бывали ежедневно большія и убыль въ людяхъ значительная. Не смотря на все это, храбрый Тенисъ, къ утру каждаго дня, на сколько было возможности, исправлялъ все, что было разрушено. Среди дня, когда которая-нибудь изъ амбразуръ была совсѣмъ завалена, онъ съ горстью молодцовъ рабочихъ Люблинскаго полка расчищалъ ее подъ гибельнымъ непріятельскимъ огнемъ. Когда рабочіе выбывали въ страшномъ размѣрѣ, а оставшіеся въ живыхъ не вдругъ рѣшались влѣзати въ амбразуру, онъ самъ, схвативъ лопату, становился внутри амбразуры, и тамъ, подъ градомъ пуль и картечи, работалъ одинъ, какъ будто опасности и не было. Подобными примѣрами онъ воодушевлялъ людей. Подъ его руководствомъ не только исправлялись поврежденія, но велись и новыя работы. Въ продолженіе 12-ти дней было построено нѣсколько новыхъ траверзовъ, брустверъ утолщенъ, отрытъ вновь ровъ, и для этого толстый пласть скалы взорванъ порохомъ. Нѣсколько разъ въ эти дни, контуженный и легко раненый, Тенисъ распоряжался не смотря на это, безсмѣнно, день и ночь.

Вездѣ онъ поспѣвалъ, вездѣ слышанъ былъ его увѣщающій голосъ; гдѣ только непріятельскій снарядъ приводилъ рабочихъ въ смятеніе, являлся въ ту же минуту Тенисъ, приводилъ все въ порядокъ и снова работа кипѣла. Къ сожалѣнію, въ ночь съ 13-го на 14-е августа, непріятельское ядро оторвало ему лѣвую ногу ниже колѣна, и онъ долженъ былъ оставить работы, удостоившись прежде еще получить знакъ отличія военнаго ордена.

Весь іюнь, іюль и часть августа 1855 г. работалъ на переднемъ фасѣ Малахова кургана унтеръ-офицеръ *Адрианъ Федотьевъ*, отличавшійся своею неустрашимостію и необыкновеннымъ усердіемъ. Во время бомбардированія съ 5-го на 6-е іюня, работая на батарее на гласисѣ, онъ принесъ большую пользу своими мужествомъ и дѣятельностью, много способствовалъ къ исправленію всѣхъ поврежденій въ переднемъ фасѣ, въ эту важную для насъ ночь, а еще болѣе къ заложенію двухъ завалившихся мерлоновъ, засыпкѣ двухъ амбразуръ, устройству двухъ барбетовъ, снятію двухъ морскихъ большаго калибра орудій и постановкѣ на этомъ мѣстѣ двухъ полевыхъ орудій, принесшихъ много пользы при отраженіи непріятельскаго приступа 6-го іюня. Во время бомбардированія, начавшагося 5-го августа, онъ не только работалъ по ночамъ, но, окончивъ ночныя работы, просилъ, чтобы ему позволили работать, сверхъ того, и днемъ. 13-го августа, будучи раненъ въ правое бедро штуцерною пулею, не смотря на всѣ увѣщанія, Федотьевъ не хотѣлъ отправиться на перевязку до со-

вершеннаго окончанія работъ; когда же работы были кончены, то, за большую потерю крови, онъ до того обезсилѣлъ, что его принуждены были отнести на перевязочный пунктъ. Черезъ недѣлю, страдая еще отъ раны, онъ вернулся на Малаховъ курганъ и принялся снова за работы, но на этотъ разъ не долго ему пришлось отличаться. 24-го августа осколокъ бомбы раздробилъ ему кость лѣвой руки, и Федотьевъ сошелъ съ Малахова кургана, гдѣ служилъ съ такою пользою. Сверхъ другихъ наградъ онъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена.

Превосходнымъ также унтеръ-офицеромъ былъ *Григорій Шлепневъ*. Въ началѣ обороны, бывъ еще рядовымъ, своею храбростію онъ заставилъ обращать на себя вниманіе и вскорѣ заслужилъ унтеръ-офицерскія нашивки. Въ январѣ онъ былъ раненъ въ руку, но не хотѣлъ покинуть Малахова кургана: перевязавъ себѣ самъ наскоро рану, онъ не сходилъ съ бастіона пока не кончилъ работы. Подъ его надзоромъ, въ продолженіе одной ночи, было устроено 5 ложементовъ впереди Камчатскаго редута. Когда началось непріятельское бомбардированіе 25-го мая, Шлепневъ работалъ не только заурядъ со всѣми своими товарищами на курганѣ, но, смѣнившись съ работъ и не зная отдыха, являлся добровольно на курганъ, и тамъ, осыпaeмый непріятельскими снарядами, работалъ усердно, и храбростію своею служилъ примѣромъ для рабочихъ. Будучи въ это время значительно контуженъ въ голову и грудь съ разрѣзомъ верхнихъ покрововъ, послѣ перевязки, онъ вернулся опять

на работу. 12-го августа, ночью, ему было поручено исправление закругленной части передняго фаса Малахова кургана. Подступы непріятеля были близки, ночь была лунная, поэтому и работа была очень опасна. Непріятель, замѣтивъ на брустверѣ нашихъ рабочихъ, дѣйствовалъ по этому пункту частыми залпами изъ штуцеровъ. Нѣсколько человекъ въ началѣ работы были ранены, а иные убиты; эта спѣшная работа подвигалась медленно. Шлепневъ, желая ободрить рабочихъ, вылезъ на верхъ бруствера и началъ съ разными шутками и насмѣшками увѣнчивать фашинами одну амбразуру. Онъ достигъ цѣли: рабочіе забыли объ опасности, живо кинулись работать,—но Шлепнева при этомъ не стало! Нѣсколько непріятельскихъ пуль, поразивъ его въ правый високъ и въ грудь, убили наповаль.

Съ начала обороны рядовой, а потомъ произведенный за храбрость въ унтеръ-офицеры, *Гаврило Кокуринъ* принадлежалъ къ числу отличнѣйшихъ саперовъ, которыми была такъ богата 3-я рота 6-го Сапернаго баталіона. Постоянно на Малаховомъ курганѣ съ открытія непріятельскаго огня, онъ успѣлъ хорошо ознакомиться съ лежавшею впереди мѣстностью и въ зимніе мѣсяцы ходилъ въ секреты, гдѣ неустрашимо подползалъ на весьма близкое разстояніе къ непріятельскимъ траншеямъ. Кромѣ того онъ участвовалъ въ заложеніи нѣсколькихъ ложементовъ и въ двухъ вылазкахъ. Когда Кокурина произвели въ унтеръ-офицеры, то его надзору были поручены дневныя работы на Малаховомъ курганѣ. Тутъ дѣятельность и

неустрасимость его выказались во всемъ блескѣ. Подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, при малочисленности рабочихъ, онъ распоряжался какъ нельзя лучше. 5-го и 6-го августа, во время бомбардированія, подъ его надзоромъ горстью храбрыхъ солдатъ Модлинскаго полка было расчищаемо ежедневно болѣе чѣмъ до двадцати амбразуръ и потушено нѣсколько пожаровъ. Три амбразуры Кокуринъ расчистилъ собственноручно. Разъ загорѣлась туровая одежда траверза у праваго фаса; пожаръ былъ силенъ, туры сухи, пламя шло быстро, а непріятель обстрѣливалъ этотъ пунктъ сильно. По близости пожара находился небольшой бомбовый погребъ. Уже сгорѣло 8 туровъ, — еще полчаса и пламя достигло бы дверей погреба. Пытались было тушить огонь, но ничто не помогало; совладать съ пламенемъ, охватившимъ туры верхняго ряда, можно было только вскарабкавшись на траверзъ; никто не рѣшался на столь опасный подвигъ. Кокуринъ влѣзъ на верхъ траверза и подъ частымъ огнемъ непріятеля потушилъ пламя, заливая его подаваемою снизу водою и засыпая пламя землею. Вообще онъ пробылъ при дневныхъ работахъ на курганѣ около 90 дней и всегда служилъ примѣромъ для прочихъ нижнихъ чиновъ (*).

Унтеръ-офицеръ *Аванасій Ивановъ* съ самаго начала оборонительныхъ работъ былъ на Малаховомъ

(*) Унтеръ-офицеръ Кокуринъ убитъ при штурмѣ Малахова кургана 27-го августа 1855 года.

курганѣ. Участокъ, за которымъ онъ надзиралъ, составляла 9-ти-орудійная батарея праваго фаса. Во время перваго бомбардированія, 5-го октября 1854 г., и всѣ дни, когда огонь осаждающаго усиливался, онъ безсмѣнно, день и ночь, находился на своемъ участкѣ, приводилъ все въ порядокъ и подавалъ примѣры храбрости. Сверхъ того онъ работалъ на Селенгинскомъ и Волинскомъ редутахъ: здѣсь много ложементовъ было заложено подъ надзоромъ Иванова. Онъ указывалъ мѣста для секретовъ, повѣрялъ ихъ и высматривалъ непріятельскія работы. При заложении одного ложемента, когда ему не достало матеріала, онъ съ нѣсколькими человѣками Селенгинскаго полка подкрался къ только-что начатому непріателемъ ложементу, и, крикнувъ громко ура, вскочилъ въ непріятельскую работу. Нѣсколько человѣкъ французскихъ рабочихъ, застигнутые въ распλοхъ и обманутые громкимъ ура, быстро убѣжали, предполагая, что имѣли дѣло съ превосходными силами. Между тѣмъ Ивановъ, съ своими молодцами, схватилъ оставленные непріателемъ туры, мѣшки и инструментъ. Когда противникъ вернулся, ложементъ его уже былъ пустъ! Въ мартѣ 1855 г., работая на Малаховомъ курганѣ, Ивановъ былъ сильно контуженъ въ голову; несмотря на это, съ лицомъ совершенно изрѣзаннымъ пескомъ отъ взрыва бомбы, онъ остался на работахъ и дождался на бастіонѣ непріятельскаго бомбардированія, въ продолженіе котораго былъ также полезенъ какъ и прежде, за что и получилъ знакъ отличія военнаго ордена.

Унтеръ-офицеры *Федоръ Охотенко* и *Романъ Исаевъ* были очень полезны при оборонительныхъ работахъ. Охотенко — унтеръ-офицеромъ, а Исаевъ — рядовымъ, находились съ самаго начала обороны на Малаховомъ курганѣ. Все первое бомбардированіе они пребыли безотлучно на оборонительной линіи, и можно сказать, не сходили съ амбразуръ. Во время втораго усиленнаго бомбардированія, начавшагося 28-го марта 1855 года, они не только производили ночныя работы, но просились на работы и днемъ. Они расчищали амбразуры, тушили пожары, исправляли погреба, словомъ — являлись вездѣ гдѣ была опасность. 25-го мая Исаевъ присматривалъ за работами на переднемъ фасѣ Камчатскаго редута. Огонь непріятеля былъ въ этотъ день неимоверно силенъ; амбразуры въ редутѣ вскорѣ были сильно повреждены; но Исаевъ, съ небольшою командою рабочихъ Полтавскаго полка, такъ усердно работалъ, что наши орудія до вечера могли бороться съ осадными батареями. Расчистка одной амбразуры шла какъ то особенно медленно. Непріятельскіе снаряды, падая во множествѣ въ это мѣсто, производили большую убыль въ рядахъ нашихъ храбрыхъ рабочихъ. Исаевъ влѣзъ самъ въ амбразуру, и тамъ, совсѣмъ открытый непріятельскому огню, занялся усердно исправленіемъ. Рабочіе бросились помогать Исаеву, и амбразура была очищена въ мигъ; но Исаевъ поплатился за свое самоотверженіе: упавшая въ ровъ бомба осколкомъ своимъ нанесла ему тяжкую рану въ лѣвую ногу и принудила его оставить работы. Заслуги его были оцѣнены: знакъ отли-

чія военного ордена и званіе унтеръ-офицера были ему наградой за полезную службу.

Въ то время, когда Исаевъ отличался на Камчатскомъ редутѣ, Охотенко, награжденный уже знакомъ отличія военного ордена, трудился надъ исправленіемъ передняго фаса Малахова кургана. Будучи два раза контуженъ камнемъ и осколкомъ гранаты, и раненъ, онъ не отправлялся на перевязку и продолжалъ работать. Когда, 5-го іюня, непріятель сталъ сильно бомбардировать Малаховъ курганъ, присмотръ за работами лѣваго его фаса былъ порученъ Охотенко. Не смотря на сильный непріятельскій огонь, особенно на разсвѣтъ 6-го іюня,—не смотря на малое число рабочихъ и на рыхлость земли отъ продолжительной засухи, на участкѣ Охотенко всѣ амбразуры и платформы были исправлены и орудія имѣли возможность къ разсвѣту дѣйствовать по непріятельскимъ колоннамъ. Когда начался непріятельскій приступъ, то хотя работы были прекращены, Охотенко оставался на своемъ участкѣ, помогая разставлять людей по банкету, указывалъ куда они должны стрѣлять и наблюдалъ, чтобы люди цѣпились какъ слѣдуетъ. Онъ находился до самаго конца обороны на Малаховомъ курганѣ, работая то на переднемъ фасѣ, то на ретраншаментѣ, то, наконецъ, на второй оборонительной линіи. Въ послѣдніе дни обороны онъ потушилъ засвѣтло нѣсколько пожаровъ въ амбразурахъ и на работахъ во второй линіи, руководя рабочими Курскаго ополченія и Сѣвскаго полка, и былъ вообще превосходнымъ помощникомъ дистанціоннаго офицера. 27-го

августа 1855 г., при штурмѣ Малахова кургана, онъ былъ взятъ въ плѣнъ Французами.

Рядовой *Григорій Трусовъ* работалъ съ самаго начала обороны на Малаховомъ курганѣ, гдѣ выдержалъ первое бомбардированіе; затѣмъ онъ отличился большою храбростью при заложени передовой траншеи Камчатскаго редута 12-го марта 1855 года, за что и получилъ знакъ отличія военнаго ордена, а въ маѣ, когда его назначили въ секреты передъ курганомъ и батареей Жерве, обратилъ на себя вниманіе всегдашнимъ присутствіемъ духа, смѣтливостью и вѣрнымъ глазомъ. Онъ бродилъ неуслышно цѣлыя ночи впереди нашихъ укрѣпленій; каждый кустикъ, каждая ложбинка были ему знакомы; подползалъ на близкое разстояніе къ траншеямъ непріятеля; высматривалъ и выслушивалъ, что въ нихъ дѣлалось, словомъ, это были, такъ сказать, глаза и уши Малахова кургана. Въ ночь съ 11-го на 12-е августа, желая лучше рассмотреть работы непріятеля передъ переднимъ фасомъ кургана, оставивъ прочихъ своихъ товарищей, Трусовъ подползъ къ самому ложементу непріятеля; но секретъ послѣдняго, замѣтивъ его, сдѣлалъ по немъ нѣсколько выстрѣловъ, и нашъ Трусовъ уже болѣе не возвращался: онъ былъ убитъ тремя штуцерными пулями въ голову и въ правое плечо. Его мѣсто въ секретѣ занялъ рядовой той же роты *Парфенъ Логиновъ*, который дѣйствовалъ не хуже Трусова. Въ ночь съ 18-го на 19-е августа онъ подкрался на весьма близкое разстояніе къ одной изъ англійскихъ траншей противъ батареи Жерве,

осмотрѣлъ ее, и когда возвращался назадъ въ яму, въ которой помѣщались его секретные товарищи, наткнулся на англійскій секретъ. Онъ не потерялся: бросился на непріятельскаго часоваго и закололъ его. Послѣ этого завязалась между нимъ и другимъ англійскимъ часовымъ сильная борьба: они молча сцѣпились другъ съ другомъ, ожесточенно дрались кулаками, падали вмѣстѣ на землю и снова поднимались не выпуская другъ друга, пока наконецъ Логиновъ одержалъ верхъ: сильнымъ ударомъ кулака въ носъ противника, онъ свалилъ англичанина на землю и самъ, съ изорванной одеждой, перекушеннымъ ухомъ и изцарапаннымъ лицомъ, притащилъ на батарею Жерве окровавленнаго и избитаго своего противника.

Куртина между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастиономъ въ августѣ мѣсяцѣ была однимъ изъ опаснѣйшихъ пунктовъ всего 4-го и 5-го отдѣленій оборонительной линіи. Французы на эту часть обращали особенное вниманіе; съ каждымъ днемъ открывались новыя амбразуры для пораженія этого пункта. Началось бомбардированіе 5-го августа; разрушеніе на этомъ пунктѣ стало быстро увеличиваться, а восстановление того, что было разрушено, дѣлалось все труднѣе. Къ ночи съ 5-го на 6-е августа поврежденія были громадны; при томъ оказался недостатокъ въ рабочихъ. Въ эту-то ночь, когда кругомъ неутомкаемо гремѣли орудія и не было почти минуты, когда бы темнота ночи не прерывалась яркимъ освѣщеніемъ отъ взрывовъ непріятельскихъ бомбъ и гранатъ, ложившихся во множествѣ въ наши укрѣпленія,

работалъ на куртинѣ, правѣе 2-го бастіона, рядовой *Емельянъ Зотовъ*, и, не взирая на всѣ препятствія, работы шли у него успѣшно. Вдругъ огонь непріятеля значительно усилился, и нѣсколько удачно попавшихъ бомбъ и гранатъ произвели въ нетронутой еще части бруствера, около 2-хъ часовъ ночи, до того значительныя поврежденія, что, казалось, не было никакой надежды исправить ихъ къ разсвѣту. Подпоручикъ Чайковскій (*), завѣдывавшій работами на этомъ пунктѣ, зная Зотова какъ усерднаго и храбраго сапера, назначилъ его, съ двумя ротами Замосцкаго полка, присланными изъ резерва, на исправленіе новыхъ поврежденій. Между тѣмъ, огонь непріятеля пріобрѣталъ все болѣе и болѣе силы. Рабочіе сначала работали медленно и робѣли; но увѣщанія Зотова, его шутки, а главное, его примѣръ, ободрили солдатъ, и они дружно принялись за дѣло. Зотовъ, становясь въ опаснѣйшихъ мѣстахъ, работалъ самъ за десятерыхъ и хладнокровно распоряжался; рабочіе съ полнымъ самоотверженіемъ и стараніемъ спѣшили работать, и, въ продолженіе 1¹/₂ часа времени, которое оставалось до разсвѣта, успѣли исправить двѣ разрушенныя амбразуры и большую часть

(*) Прежде саперный юнкеръ, а потомъ Подпоручикъ Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка, прикомандированный къ 6-му Саперному баталіону. Онъ находился сперва на Волынскомъ редутѣ; послѣ взятія его завѣдывалъ частью работъ на 2-мъ бастіонѣ и около него; храбрость, самоотверженіе и дѣятельность его были примѣрны. Къ сожалѣнію, этотъ отличный офицеръ, не жалѣвшій себя и являвшійся всюду, гдѣ было болѣе опасности, въ ночь съ 14 на 15 августа былъ убитъ наповалъ ударомъ осколка гранаты въ правую бровь.

бруствера. Въ слѣдующую почъ, на часть куртны, правѣ 2-го бастіона, было паряжено только двѣ роты въ весьма не полномъ составѣ. Ихъ едва достало на исправленіе тѣхъ поврежденій, которыя оказались при началѣ работъ. Въ 11 часовъ ночи, неприятельскіе снаряды сильно разбили брустверь въ той части, гдѣ стояли мортиры. Немедленно была прислана рота изъ резерва и назначена къ Зотову для поправки мортирной батареи. Зотовъ, руководимый Чайковскимъ, дѣйствовалъ какъ и въ предшествовавшую почъ. Хладнокровіе и дѣятельность его при этомъ были удивительны: онъ не обращалъ никакого вниманія на падавшіе возлѣ него неприятельскіе снаряды, и никакая опасность не могла отвлечь его вниманія отъ порученной ему работы. Къ несчастью, одна изъ множества бомбъ, падавшихъ въ пространство, гдѣ распоряжался Зотовъ, ударила его въ грудь и разрѣзала его пополамъ.

Рядовой *Васильевъ* неутомимо работалъ съ самаго начала осады на укрѣпленіяхъ лѣваго фланга нашей оборонительной линіи. Съ 8 на 9 марта 1855 г., работая въ Селенгинскомъ редутѣ, онъ былъ раненъ пулею навзлѣтъ въ кисть руки, но не хотѣлъ отъправиться на перевязку до окончанія работъ и только по настоящю завѣдывавшаго работами, Подпоручика Федорова (*), былъ отосланъ на перевязочный пунктъ.

(*) Подпоручикъ 6-го Сапернаго баталіона. Находясь сначала осады на 3-мъ бастіонѣ, а съ 11 февраля 1855 г. на Селенгинскомъ и Волынскомъ редутахъ, онъ обратилъ на себя вниманіе примѣрною отвагою, необыкновеннымъ усердіемъ и распорядительностью. Настоячиво преодолевая всѣ препятствія, онъ прекрасно велъ работы. Къ сожа-

Когда ему перевязали рану, то онъ по собственному желанію вернулся на редутъ кончать работу. 7-го августа днемъ непріятельская ракета зажгла туры 2-го бастіона. Пламя быстро распространилось, а непріятель бросалъ въ это мѣсто много бомбъ и гранатъ. Пять туровъ были истреблены огнемъ. Васильевъ, безъ всякаго приказанія, вскочилъ на траверсъ и началъ заливать водою и засыпать землею горѣвшіе туры. Французы, замѣтивъ Васильева, стоящаго совсѣмъ открыто на верху траверза, обратили на него частые штуцерные выстрѣлы; но это не отвлекло нашего храбреца отъ дѣла. Потушивъ пламя на верху траверза, онъ соскочилъ внизъ и принялся тушить горѣвшіе туры нижняго ряда. Въ это время упала бомба около того же траверза. Къ ней кинулись Васильевъ и унтеръ-офицеръ Забалканскаго полка *Воронцовъ*: они цалпи воды и насыпали земли на бомбовую трубку, которая дымилась, и бомбу не разорвало. За этотъ подвигъ они оба были награждены знакомъ отличія военнаго ордена, а Васильевъ, сверхъ того, получилъ денежную награду въ 5 р. сер.

Рядовой *Захаръ Яшинъ*, работая на 2-мъ бастіонѣ, являлъ примѣръ необыкновеннаго усердія и самоотверженія. Въ ночь съ 17 на 18 іюля онъ былъ контуженъ камнями, но, не обращая на это вниманія, продолжалъ исправлять амбразуру. Работа эта по-

лѣнію, 27 мая, на работахъ во 2-мъ бастіонѣ, этотъ храбрый офицеръ былъ тяжело раненъ осколкомъ бомбы въ голову и въ скоромъ времени отъ этой раны скончался. За свои боевыя заслуги онъ удостоился получить крестъ св. Георгія.

двигалась уже къ концу, когда, незадолго до разсвѣта, непріятельская бомба снова повредила ту же самую амбразуру, причемъ Яшинъ былъ раненъ осколкомъ въ лѣвое бедро. Его хотѣли отправить на перевязку, но онъ просилъ оставить его на мѣстѣ, говоря: «ваше благородіе, позвольте остаться работу кончить; если мы не кончимъ ночью, то онъ утромъ будетъ смѣяться надъ нами». Истекая кровью, Яшинъ продолжалъ распоряжаться работою, ободряя рабочихъ своимъ примѣромъ, и сошелъ съ мѣста только тогда, когда амбразура была исправлена. Послѣ перевязки онъ вернулся къ своей ротѣ, и, не смотря на страданія, ежедневно являлся на ночныя работы на бастіонъ. Но 25 іюля, осколкомъ бомбы раздробило ему лѣвую ногу выше колѣна и герой Яшинъ сошелъ съ бастіона.

Весь октябрь 1854 года, когда по 4-му бастіону непріятель производилъ весьма сильную пальбу, четвертая рота работала на этомъ бастіонѣ. Саперы этой роты, вмѣстѣ съ матросами 29, 32, 34 и 37-го экипажей, успѣвали всегда въ ночь исправлять все, что было разбито непріателемъ; въ весьма короткое время насыпали траверзы при каждомъ орудіи и возвели нѣсколько новыхъ батарей. Къ каждой амбразурѣ назначалось по одному саперу, и они, стоя въ амбразурахъ подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля, одѣвали щеки ихъ мѣшками и молодецки руководили работами.

Между отличнѣйшими нижними чинами, которыми была такъ богата эта рота, обращали на себя особенное вниманіе слѣдующіе:

Унтеръ - офицеры *Григорій Злобинъ* и *Никита Лашмановъ*. Во время перваго бомбардированія имъ былъ поручень присмотръ, Злобину—за пороховыми погребами 4-го бастіона, а Лашманову—за амбразурами праваго фаса. Оба унтеръ-офицера исполняли свою обязанность превосходно и ободряли прочихъ нижнихъ чиновъ какъ своимъ примѣромъ, такъ и постоянною веселостью. Лашмановъ не только исправлялъ поврежденія, но подъ его присмотромъ было построено въ нѣсколько ночей 5 траверзовъ, насыпанъ брустверь новой батареи и прорѣзаны 3 новыя амбразуры. Храбрость, которую онъ постоянно выказывалъ, внушала рабочимъ какое-то особенное къ нему довѣріе и доставила ему знакъ отличія военного ордена. Въ началѣ ноября, исправляя засвѣтло амбразуру, онъ былъ раненъ въ лѣвую руку; она была ему отнята по локоть. Злобинъ трудился не менѣе дѣятельно около погребовъ, за которыми наблюдалъ день и ночь. 7 октября, замѣтивъ, что нѣсколько бомбъ попали въ насыпь одного погреба, онъ бросился туда съ нѣсколькими рабочими, взлѣзъ на верхъ погреба и началъ работать. Въ это время снова упала неприятельская бомба на тотъ же погребъ,—Злобинъ потушилъ горѣвшую бомбовую трубку землею и этой неустрашимостью воодушевилъ рабочихъ; погребъ былъ исправленъ въ нѣсколько минутъ. Во время работъ онъ былъ два раза раненъ и разъ контуженъ, и показалъ вообще столько храбрости, что удостоился получить не только знакъ отличія военного ордена, но даже былъ представленъ въ офицеры.

Унтеръ - офицеръ *Козловъ*, постоянно усердный, постоянно храбрый, работалъ на лѣвомъ фасѣ 4-го бастіона и распорядительностью своею не мало способствовалъ къ исправленію по ночамъ сильно разбитыхъ за день амбразуръ. Его впослѣдствіи назначили къ заложенію батареи Костомарова, передъ 4-мъ бастіономъ. Тутъ руководилъ онъ рабочими толково и успѣшно, не смотря на то, что изъ французской цѣпи, поставленной въ передовой траншеѣ, поддерживался сильный огонь. Въ первую ночь наши рабочіе, не успѣвшіе еще прикрыться брустверомъ, сильно страдали отъ этого огня. Въ подобныя минуты *Козловъ* работалъ, становясь на болѣе опасныя мѣста и подавая хорошій примѣръ своимъ хладнокровіемъ. Его нѣсколько разъ посылали въ секреты, гдѣ онъ велъ себя также безукоризненно, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Но разъ, чтобы лучше высмотрѣть что происходило въ непріятельской траншеѣ, онъ подползъ къ ней слишкомъ близко, былъ замѣченъ непріятелемъ и болѣе не возвращался на бастіонъ. На разсвѣтъ увидѣли на отсыпи траншеи тѣло въ сѣрой шинели и полагали, что это трупъ *Козлова*, однако впослѣдствіи оказалось, что онъ не убитъ, а раненъ и взятъ въ плѣнъ.

Рядовой *Антонъ Воронцовъ*, всегда храбрый, днемъ 12 октября оказалъ примѣръ самоотверженія, принесшій большую пользу. Замѣтивъ, что вдругъ нѣсколько непріятельскихъ бомбъ упали въ насыпь одного изъ погребовъ 4-го бастіона и взрывомъ своимъ произвелъ большую воронку, онъ первымъ бросился

къ угрожаемому пункту и принялся исправлять происшедшее поврежденіе. Прямѣръ Воронова произвелъ влияние на рабочихъ: они съ новымъ рвеніемъ взялись за исправленіе погреба и окончили это дѣло успѣшно. Воронка на погребѣ была столь значительна, что еще одна-двѣ непріятельскія бомбы — и погребъ взлетѣлъ бы на воздухъ, но, благодаря рвенію и храбрости Воронова, опасность была отвращена въ самомъ своемъ началѣ. Въ скоромъ времени молодецъ Вороновъ, исправляя другой погребъ, былъ сильно раненъ и награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена.

Рядовой *Иосифъ Гилевичъ* исправлялъ во время перваго бомбардированія унтеръ-офицерскую должность при работахъ на 4-мъ бастионѣ. Онъ отличался при дневныхъ работахъ своею неустрашимостью, всегда хорошо дѣйствовавшей на прочихъ нижнихъ чинахъ. 9 октября отъ разрыва нѣсколькихъ непріятельскихъ бомбъ была разрушена одна амбразура и часть мерлона сильно разбита. Не только исправить, но даже очистить дномъ подошву амбразуры, казалось, не было никакой возможности, — такъ сильно обстрѣливалъ осаждающій 4-й бастионъ. Гилевичъ однако же вскочилъ въ амбразуру, увлекъ за собою нѣсколькихъ людей рабочихъ, и всѣ они дружно взялись за исправленіе разрушеннаго. Непріятель, замѣтивъ нашихъ солдатъ, открылъ по нимъ бѣглый ружейный огонь. Во время работы непріятельская бомба упала въ ту же самую амбразуру и, разорвавшись, убила одного изъ помощниковъ Гилевича, другаго ранила и зажгла щеку амбразуры. Гилевичъ, сильно при этомъ контуженный

въ грудь, не сошелъ однако съ опаснаго мѣста до тѣхъ поръ, пока не привелъ амбразуру въ исправное состояніе, за что и былъ представленъ въ унтеръ-офицеры.

Недостатокъ подробныхъ свѣдѣній не даетъ возможности очертить, хотя вкратцѣ, боевые заслуги въ Севастополѣ весьма многихъ саперовъ, сверхъ упомянутыхъ выше.

Унтеръ-офицеръ *Федоръ Самокатовъ* (стр. 26) поступилъ на вторичную службу, имѣетъ золотой орденъ Св. Георгія 2-й степени, числится кандидатомъ Роты Дворцовыхъ Гренадеръ, а до открытія въ ней вакансіи, состоитъ курьеромъ въ Главномъ Инженерномъ Управленіи.

Любопытное описаніе собственной его жизни и службы надѣмся издать со временемъ для нашихъ читателей.

I.

ВЛАДИМІРСКАГО ПѢХОТНАГО ПОЛЕА 12 РОТЫ УН- ТЕРЬ-ОФИЦЕРА ГРИГОРЬЕВА, РАНЕНАГО НА АЛЪМѢ,

РАЗСКАЗЪ.

На позиціи-то мы были съ утра, да Англичанинъ все не подходилъ. Часовъ въ одиннадцать, въ обѣдъ, началось сраженіе. Подъѣхалъ баталіонный командиръ, — добрый такой у насъ баталіонный командиръ былъ: Богъ его знаетъ гдѣ онъ теперь. — «Ребятуськи, говоритъ, не выдавать, покажите себя молодцами!» — «Какъ это можно выдавать, ваше высокоблагородіе, — говоримъ мы ему: ужлижъ мы не Русскіе! Вотъ когда непріятель сталъ пущать ракеты, такъ немножко странно стало, безъ привычки — какъ утка словно кректитъ. Да плохо стрѣлялъ: все ядра сажень за тридцать позади фронта ложились. Тутъ смѣху-то сколько было! За нами выѣхалъ марки-тантъ, и бочки съ водкою вывезъ. Какъ стали ракеты-то летать, онъ за бочку и присѣлъ. Одна ракета прямо въ бочку и попади: какъ выхватится от-туда маркитантъ, изъ-за бочки-то, мечется по полю

направо да налево, не знаетъ, куда бѣжать, — смѣхъ такой! А ужъ какъ пошли въ перестрѣлку, такъ тутъ все одно, хошь на пожъ лѣзь, такъ въ ту же пору: сердце, значить, зашлось. Мы были въ первой линіи, — стало быть, полкъ Его Высочества и Владимірцы, въ самомъ огнѣ.

Раза три бросались на ура, — такъ не подпускаетъ: сейчасъ и отбой бьетъ. Онъ вѣдь развернутымъ фронтомъ былъ; такъ тѣ, что противъ насъ, отступаютъ, а тѣ, что съ боковъ, ужъ спльно-то строчатъ: пулями, какъ горохомъ обсыпаютъ; ходу не даютъ. Да мало нашихъ было, глянешь назадъ — помочи нѣтъ: насъ всего восемь полковъ было, и то не полные; а ихъ-то армія верстъ на пять растянулась, да куда на пять — верстъ на семь, отъ трактира до самого моря. А кабы нашихъ было побольше, — перевѣдаться бы можно. Впрочемъ, побилъ онъ у насъ мало, — ранилъ много. У него битыхъ больше, не въ примѣръ больше: по киверамъ я такъ-то примѣчалъ, — для того, что ихъ съ батарей-то жестоко били. Они тутъ черезъ рѣку хотѣли переправляться, а противъ какъ — разъ наша батарея была. Съ пушекъ-то, значить, какъ ударять вѣстрой, — такъ и шарахнутся, какъ овцы, кувыркаются. Въ этомъ мѣстѣ силы ихъ положили, Боже сохрани, сколько! Ну, и онъ много лошадей на батарею побилъ: иной ядромъ ногу оторвало, тянется за своими, а у самой слезы такъ изъ глазъ и льются, — даромъ что скотина: чувствуетъ. Когда отбой ударили, стали мы отступать, — тутъ онъ много насъ

ранплъ. И мы-же его одиаче тожъ ловко запопали разъ: забѣжали за валъ гдѣ батарея наша стояла, — за валомъ-то ловчѣй: ружье заряжаешь — сидишь, зарядилъ — приподнялся немного, выпустилъ пулю, да опять нагнулся; а онъ-то въ валъ жарить. Другой разъ поднялся я стрѣлять, — глянуулъ, аль ни ужасно: такъ покатоми по полю и лежать въ красныхъ мундирахъ, а другіе-то наппрають, — больно ихъ много. Рядомъ со мной солдатикъ нашъ былъ, — *Кочетковъ*, изъ пѣсенниковъ: парень такой важный, говорливый. Пригнулся, — самъ прибаутки говорить: «сѣмъ-ка, ребята, говорить, долговязаго пристрѣлю! Намѣтилъ-то, говорить, я его давно, да тонокъ больно — никакъ не пристрѣлишь: должно пули осклизаются. Ну, да ничего, говорить: теперь въ баки буду цѣлить, — не промахнусь. Ишь какой волосатый!» Приподнялся, да и выглядываетъ изъ-за валу. А пуля, такъ-то напскось, прямо въ високъ ему щелкнула — такъ и покотился; тутъ и духъ испустилъ. И Богъ его знаетъ, пристрѣлилъ онъ врага, не то нѣтъ. Вотъ здѣсь и меня пуля ударила, я упалъ, да ужъ до самаго вечера и непомню.... Тутъ ужъ, значить, вѣтеръ повѣялъ съ моря, — я прозябъ и очнулся. Пить больно захотѣлось. А Англичане ужъ прошли чрезъ нашу позицію. Посидѣлъ я, посидѣлъ такъ то, думаю: пойду я себѣ — не доберусь-ли къ своимъ.» Все, значить, къ своимъ-то тянетъ. Хотѣлъ встать на ноги, да ослабѣлъ больно, что ты сдѣлаешь! Вотъ я сталъ, то ползкомъ, гдѣ на корточкахъ; лѣзь я такъ-то версты, надо быть, двѣ; а ужъ темно стало, совсѣмъ

темно. Вижу что-то маячить; думаю себѣ: «наши, не то нѣтъ?» а сонъ-то меня такъ и клонить. Господи, Твоя святая воля! что будетъ, то будетъ! Подлѣзаю этакъ поближе-то,—часовой закричалъ: слышу, кричить не по нашему,—въ сердце у меня такъ и похолонуло. А это, я на ихнюю цѣпь залѣзъ. Перекрестился, сталъ тоже имъ кричать: «ребятушки, явите Божескую милость: дайте водицы!» Въ горлѣ-то, значить, тогда у меня пересохло: пить-бы, все пить-бы! Подходятъ они ко мнѣ: одинъ—малый здоровый изъ себя; по своему стали говорить надо мной. Вотъ я показываю имъ ротъ-то,—пить прошу. Одинъ взялъ бутылку и далъ мнѣ напиться, дай Богъ ему здоровья; а другой пошелъ куда-то. Прележалъ я, маленько отдохнулъ,—опять пить. Часовой крикнулъ,—пришли еще трое, воды мнѣ принесли: иначе видать, что я сталъ больно пить, стали давать мнѣ ужъ по манерочкѣ. Такія манерочки есть у нихъ махонькія. А тутъ имъ сигналъ, что-ли, дали,—только цѣпь-то они сняли; и эти, что подлѣ меня стояли, тоже пошли, да такъ-то показывають на кустъ: «ну, говорить, Русь,—тутъ ложись!» Ушли они, а я себѣ думаю: «чтожъ, лежать не приходится: попробую,—Богъ дастъ доберусь до своихъ.» Вотъ по кустамъ-то я опять поползъ; да озябъ таково, что трясусь весь,—трясусь да на пеньки натыкаюсь. А опосля-то сталъ съ горы спускаться, гдѣ наша была позиція, вижу: огни горятъ. «Ну, думаю себѣ, слава Тебѣ Господи—наши!» Прилежъ къ землѣ, слушаю: надъ лагеремъ-то говоръ стоитъ. Слышу, такъ какъ будто по-Русски говорятъ,

какъ наши, примѣрно. Подлѣзаю ближе: смотрю—анъ нѣтъ, не наши,—Англичане. «Ну—думаю, попался-же теперь; шабашъ до своихъ добратся.» Перекрестился я такъ-то, подлѣзаю. Вотъ тутъ подбѣжали ко мнѣ двое, взяли подъ руки, повели къ начальнику. Начальникъ вышелъ ко мнѣ изъ палатки—такъ изъ себя, старый человѣкъ. Спрашиваетъ меня: «Русь или Полякъ?» Я вытянулся: «Русь, говорю, ваше превосходительство». Онъ пошелъ въ палатку, вынесъ мнѣ оттуда полчашки рому и, должно быть, онъ приказалъ позвать доктора. Тутъ около меня собрались солдаты: смотрять на меня, качають головою, по своему что-то говорятъ, а я прилегъ такъ-то у костра. Лежу,—слышу, одинъ толкаетъ меня; открылъ я глаза,—вижу: чай мнѣ даетъ. Тутъ ужъ я какъ глянулъ на себя: и рубашка-то у меня, и шинель, и сапоги—все въ крови. Вотъ подходитъ ко мнѣ одинъ: мордища-то здоровая — здоровая, съ ножемъ въ рукахъ—сержантъ, что-ли, по-ихнему прозывается.—«Ну-ка, говорить, Русь!» показываетъ мнѣ такъ руками, чтобъ я растегнулся.

Вижу, плохо дѣло: надъ душею человѣкъ съ ножемъ стоитъ. Я такъ-таки и думалъ, что онъ меня тутъ и рѣшить совсѣмъ, да еще сталъ просить его: «явите Божескую милость, любезный человѣкъ, дайте своихъ увидѣть!» Одначе, нѣтъ, вижу не рѣзать меня хочетъ: далъ мнѣ изъ своихъ рукъ чаю хлѣбнуть, растегнулъ шинель и ножемъ вырѣзалъ изъ рубахи лоскутъ, чтобы раны, значить, не теръ. Тутъ докторъ пришелъ, перевязалъ мнѣ рану, капель далъ какихъ-

то, прикрылъ меня одѣяломъ и показываетъ такъ рукою: «Ну, говорить, Русь, спи, говорить, тутъ спи», потрепалъ по плечу: «жива, говорить, будешь!» Пригрѣлся я тутъ подлѣ костра и заснулъ...

Проснулся я часа въ четыре. Холодно мнѣ стало, для того, что ночью костеръ потухъ, и только угольки тлѣли. Часовой, что ходилъ около меня, замѣтилъ, что я трясусь, крикнулъ своимъ,—принесли дровъ, опять разложили огонь. Вижу, стали въ походъ собираться: около костровъ какъ муравьи кишать,—кофій варять,—ажно дымъ отъ кофію-то по лагерю пошелъ. У меня голова закружилась,—Богъ ихъ знаетъ, какъ они его пьютъ..... Опосля принесли носилки, кладутъ меня, а сами махаютъ рукою на Сегастополь: «Мы, говорить, Русь, туда, говорить, пукъ! пукъ!....» Я думаю себѣ: «видите, идите,—можетъ, еще бываетъ такъ-то напоретесь!» Тутъ одинъ снялъ шапку мѣховую и надѣлъ на меня, а самъ подперся въ боки, стоятъ да смѣется. Шапка-то тяжелая такая, мнѣ на носъ наѣхала. Снялъ я; вижу смѣется,—ажъ досадно стало. Пырнулъ я ему шапку въ руки, да говорю: «пу-те къ свиньямъ съ твоею шапкою!» Онъ надѣлъ на себя, подбоченился и отошелъ.....

Понесли меня на лугъ. Стали подносить меня, глянулъ я: наши есть! «Ну, слава Богу, думаю себѣ: не одинъ буду пробавляться».

Дней шесть, почитай, лежалъ я тамъ. Сначала-то дня два они съ нами маячили,—своихъ хоронили и нашимъ, случалось, пули выпалили. Я ви-

дѣлъ одну: англнчанской докторъ выннмалъ нашему таки унтеръ-офицеру, такъ Боже сохрани: этакая острая, преострая, а въ середкѣ пустая, должно, начинена была чѣмъ. А какъ пошли къ Севастополю, съ нами только двое и осталось: докторъ, да еще какой-то. Докторъ-то изъ себя толстый, да рыжій; въ очкахъ....

Чудесный былъ человекъ, даромъ что Англичанинъ, старался о насъ. Должно быть, онъ вытребоvalъ для насъ десять мѣшковъ сухарей, четыре боченка рому, чаю, сахару: то есть, не сахару—а песку. Разъ и самъ отбилъ у татарина двухъ коровъ, пристрѣлилъ ихъ изъ ружья; «ну, говорить, Русь, бери!» Мы то ужъ тутъ сами: у кого ноги есть, пойдетъ воды принесетъ; щи варили въ котелкахъ. Котелковъ-то у нихъ много,—такіе, какъ наши, примѣрно, ведра, только къ верху пошире... Голодомъ не морили, а только жалостно было на своихъ смотрѣть: перевязать рану нечѣмъ, да и докторъ-то одинъ не справится,—жаръ, опять же муха ѣстъ; нѣкоторые солдатики тамъ и попримерли. Иной чувствуетъ, что смерть близко,—говорить: «вынесите меня, ребятушки, на берегъ, чтобъ я живой-то еще вамъ не опротивѣлъ.» Возьмемъ и вынесемъ,—все къ рѣкѣ клали..... Чего не передумалось! Думаешь,—или приколютъ или въ полонъ возьмутъ. Одначе, нѣтъ—никого не прикалывали, благо Турка не допустилъ Англичанинъ да Французъ, а то-бъ тамъ всѣмъ былъ капутъ. Только, какъ еще наши лежали на полѣ, такъ ходили, деньги обирали. У меня денегъ-то за

голенищемъ немного было, съ цѣлковый всего: получилъ, значить, жалованье, рубашонку купилъ,—и тѣ подлая душа какая-то взяла... Жадный народъ анаѳемскій: образки-благословеніе,—и то снимали. Ну, на то должно невѣрные—Турки-замухрышки. Какъ увидать что Англичане отошли, такъ и бѣжать какъ собаки. Къ одному солдатику пристали, показываютъ копѣйку, а тесакомъ къ горлу прикладываютъ: давай, не то молю тутъ-те и рѣшу. Солдатику-то должно жаль было денегъ, да и деньги-то не всѣ были свои; золотыхъ три товарища дали. Сталъ упрямиться, а они ружьемъ-то какъ стали его въ грудь, да въ животъ надсаживать,—почитай, до полусмерти избили: отъ этого опосля на проходѣ и померъ. Да оно не все Турки; межъ Англичанами есть тоже ребята ловкіе: спуску мало даютъ. У меня въ табашномъ-то кисетѣ было съ двугривенной мѣдныхъ, трубочка и кресало. Кресало важное этакое: пятиалтыннаго не взялъ бы. Сначала дня два не трогали, даромъ что курилъ при всѣхъ; только, должно, имъ нашъ табакъ не привычный: потянетъ носомъ дымъ, покрутитъ головою, «тютюнъ, тютюнъ, говорить, Русе!» Опосля одинъ-то изъ рыжихъ и подвернулся, цапнулъ у меня изъ рукъ кисетъ, взялъ кресало, съ гривенникъ денегъ, а гривенникъ, значить, оставилъ на заводъ... Ахъ, ты подлый человѣкъ! — что ты съ нимъ сдѣлаешь!.... Тутъ-то и уйти-бъ можно; присмотру нѣтъ, пошелъ бы я на волю Божию, да больно ужъ ослабѣлъ-то; ночью пойдешь, попробуешь, оступишься въ канаву, а въ рану какъ желѣзомъ кольнетъ—и

вернешься опять. А кто оправился мало-мало,—все ушли.

А народъ они ловкій, чистый изъ себя! Наша-то дивизія съ десятаго декабря въ походѣ; по снѣгу-то мало перли! Отъ Москвы до Одессы чай тысячи двѣ верстъ отмахали, а все Богъ хранилъ. Опосля въ Молдавію еще заходили, а изъ Молдавіи-то ужъ въ Крымъ. А онъ союзникъ-то все по морю ѣздилъ, да на праходахъ,—отгулялся!..

И мундиры хорошіе; у Англичанъ-то мундиры красные-красные, — какъ кровь алая. Одѣты-жъ все легко,—тутъ у нихъ бѣлыя одѣяла, нѣмецкаго сукна шинель, въ родѣ какъ капишонъ, а спереди-то у него всякіе причандалы: одна фляжка съ ромомъ, другая съ водою, сухари въ сумкѣ черезъ плечо; такія сумки подѣланы, что лошадямъ на уши надѣваютъ.

Въ сраженіи, ничего, — идутъ ровно. Тутъ-то какъ съ орудій ихъ стали бить, мѣшались сильно, а то ничего: такъ-таки ломомъ и ломаютъ. А то тамъ еще были какіе-то: вотъ какъ въ Саратовской губерніи бабы носятъ сарафаны,—спереди виситъ и сзади виситъ; поясомъ прихвачено, а сверху мундиръ надѣтъ,—такъ и ходитъ, а на ногахъ только чулочки, а тамъ ничего нѣтъ, какъ есть ничего. На головѣ у нихъ шапки мѣховыя, а спереди виситъ звѣрье, что-ли какое ободранное, — должно барсукъ, какъ есть, цѣлый, съ лапками и головкой. Головка приходится какъ разъ на животъ: подниметъ ее, — тамъ у него и кресало, и табачокъ, и всякіе припасы... Какъ-бы теперь, — разсмотрѣлъ-бы все хорошо, а то и

глядѣть на нихъ не хотѣлось. Песъ ихъ знаетъ, что за народъ такой необрядный!

Вотъ матросы пріѣхали съ кораблей. Они насъ и перетаскивали на носилкахъ. Мы думали, что въ Англію насъ повезутъ,—одначе нѣтъ: ночью еще къ Севастополю заходили, должно къ отрядному начальнику.

Вѣтеръ-то этакой страшный былъ, что и Боже упаси! Пойдешь такъ-то по кораблю, такъ тебя и качаетъ, вотъ скажи, словно пьяный какой. Всѣ переблевались, аль ни срамно! А они-то народъ этакой ловкій,—по пароходу такъ व्यуномъ и вьется, ходить, вотъ какъ-бы, примѣрно, по корридору. Прпрвычка—нельзя!... Э-е, да и хитро пароходъ устроенъ. Видалъ я въ Саратовской губерніи у купца Крохопяткина мельницу: стоитъ на горѣ, надъ рѣкою, примѣрно, здѣсь надъ моремъ, и мелеть водою. Богъ ее знаетъ, какъ она тамъ дѣйствуетъ,—одну воду изъ рѣки тянетъ, а другую въ рѣку пускаетъ ужъ горячую. Тутъ наши солдаты, бывало, рубашки моютъ и купаются,—полежишь съ полчаса, ажъ-но кости распарятся. Та хитро устроена, а этотъ еще хитрѣе... Тамъ у нихъ всякіе припасы, какъ дома: и коровы, и овцы, и куры—все, какъ есть; черепахи въ клѣткахъ содержатся. Вѣдь жрутъ ихъ.

Вечеромъ пріѣхали мы сюда, стали якорь бросать, пароходъ останавливать. Начальникъ-то ходитъ по кораблю, говоритъ: «Одессъ-то, Одессъ, Русь», и смѣется. Мы думаемъ: «что-жъ ты подманиваешь—Одессъ-то, Одессъ! ты выпусти насъ, — будемъ Бо-

га молить». Ему что-жъ! — ему говоришь, а онъ себѣ говорить: онъ скажетъ, — ты не понимаешь; ему скажешь, — онъ не понимаетъ, — словно со скотомъ. Цѣлую ночь мы тутъ-то не спали: холодно, да и къ своимъ-то хочется; чувствуешь, что близко. Ужъ они тамъ какъ меня ни ласкай, а только я имъ не рачитель, — компаніи я съ ними держать не буду.... Утромъ поѣхалъ ихъ начальникъ на берегъ: ждемъ; всѣ кто могъ, всѣ вылѣзли на верхъ; смотримъ, а сердце такъ и бьется, такъ бы кажись, и прынулъ-бы! Одначе, видимъ, — нашъ пароходъ идетъ. Слеза такъ прошибаетъ, — ужъ больно рады-то были. И вспоминать-то жалостно, какъ со своими соединились! Такой радости два раза человеку не бываетъ!...

Теперь въ госпиталь.

— Ну! Слава Богу, рана совсѣмъ, почитай, зажила, — только въ боку маленько еще покалываетъ, да кашель бьетъ... Просилъ у доктора: лекарствія какого ни на есть противъ кашелю — хочется скорѣе выписаться. Буду просить начальство, чтобъ опять въ полкъ. Наши-то почитай, тамъ бьются, — а тутъ лежишь. Не такое время теперь, чтобъ лежать-то, — своимъ помогать надо. А тамъ, что Богъ дастъ, — два раза не умирать!...

Записалъ со словъ Григорьева докторъ *Кузнецовъ*.

ДѢЛО 14 ОКТЯБРЯ.

ДОНЕСЕНІЕ ГЕНЕРАЛЬ-АДЮТАНТУ КНЯЗЮ МЕНШИКОВУ НАЧАЛЬНИКА 12-Й ПѢХОТНОЙ ДИВИЗИИ, ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТА ЛИПРАНДИ, ОТЪ 14-ГО ОКТЯБРЯ
№ 3,076.

Въ слѣдствіе приказанія Вашей Свѣтлости, 13-го Октября, войска ввѣренной мнѣ дивизіи, съ прикомандированными къ ней частями, произвели общее наступленіе изъ с. Чоргуна и атаковали укрѣпленія на высотахъ Кадыкіюкской долины.

По диспозиціи, всѣ войска отряда выступили, въ 5-ть часовъ утра, изъ с. Чоргунъ, по двумъ ущельямъ. По главному ущелью, ведущему изъ с. Чоргуна къ Кадыкіюй, наступалъ, подъ командою генераль-маіора *Левуцкаго*: Украинскій Егерскій полкъ съ 4-мя орудіями Батарейной № 4-го батареи и 6-ю орудіями Легкой № 7-го батареи. Части эти стройно выдвинулись впередъ и, подойдя къ Кадыкіюкскимъ высотамъ, открыли огонь по укрѣпленіямъ № 1-го и 2-го. Вслѣдъ за этими частями вышли, подъ командою генераль-маіора *Семякина*: Азовскій Пѣхотный полкъ, 4-й баталіонъ Днѣпровскаго полка, дивизіонъ Батарейной № 4-го и 6-ть орудій Легкой № 6-го батареи. По второму ущелью, идущему изъ Чоргуна въ Байдарскую долину, наступали, подъ командою генераль-маіора *Гриббе*: первые 3 баталіона Днѣпровскаго

Пѣхотнаго полка, съ 6-ю орудіями Легкой № 6-го, дивизіонъ **Батарейной № 4-го батареи**, съ сотнею **Донскаго № 53 Казачьяго** полка и эскадрономъ **Своднаго Уланскаго** полка. Генераль-маіоръ Гриббе, выдвинувшись впередъ, занялъ с. Комары и послалъ сотню казаковъ къ Байдарской долині. Одновременно съ этимъ движеніемъ, генераль-маіоръ Семякинъ, выйдя на позицію влѣво отъ **Украинскаго** полка, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня и разсыпной впереди цѣпи **2-й роты 4-го Стрѣлкового** баталіона, съ штуцерниками отъ **Азовскаго** Пѣхотнаго полка, двигался быстро съ **Азовскимъ** полкомъ, построеннымъ въ двѣ линіи въ ротныхъ колоннахъ, имѣя между линіями не болѣе 100 шаговъ, а въ 3-й линіи **1-й баталіонъ Азовскаго и 4-й баталіонъ Днѣпровскаго** полковъ, въ колоннахъ къ атакѣ. Симъ строемъ подойдя въ укрѣпленной непріятелемъ высотъ, на разстояніе отъ подошвы не болѣе 150 шаговъ, генераль-маіоръ Семякинъ приказалъ идти на приступъ. Быстро двинулись роты, и въ половинѣ 8-го часа **Азовскій** полкъ поставилъ свои знамена на укрѣпленіяхъ. Трофеями были 3 крѣпостныя орудія и лагерь. Въ этомъ укрѣпленіи непріятель потерялъ одними убитыми болѣе 170 человекъ.

Въ то же время непріятель, видя быстрое овладѣніе главною высотой и наступленіе **Украинскаго Егерскаго** полка, оставилъ укрѣпленія № 2-го и 3-го (1-ое съ 2-мя, а 2-ое съ 3-мя орудіями), которыя и были тотъ же часъ заняты нашими войсками. **Одес-**

скій Егерскій полкъ, съ **Легкою № 7-го бата-**
реею, подъ командою полковника *Скюдери*, наступалъ
на редутъ № 4-го; уstraшенный непріятель не при-
нялъ и на этомъ пунктѣ атаки и оставилъ укрѣпле-
ніе и въ немъ 3 орудія. Кромѣ того, во всѣхъ укрѣ-
пленіяхъ оставлены непріателемъ палатки, порохъ въ
погребкахъ и шапцовый инструментъ.

Немедленно по занятіи укрѣпленій, я приказалъ
войскамъ устроиться на оныхъ.—Укрѣпленіе № 4-го,
какъ слишкомъ далеко выдавшееся впередъ, я при-
казалъ сейчасъ же срыть; находившіяся на ономъ
орудія заклепать, перерубить колеса у лафетовъ, а
самыя орудія сбросить съ горы. Когда все это было
исполнено, тогда войска, занимавшія укрѣпленіе, при-
соединились къ общей линіи остальныхъ войскъ.

Находившаяся при отрядѣ, подъ командою гене-
раль-лейтенанта *Рыжова*, Гусарская **бригада 6-й**
Легкой Кавалерійской дивизіи съ Кон-
но-Легкою № 12-го и Казачьею Бата-
рейнною № 3-го батареями, была поставлена
на правомъ флангѣ общаго боеваго порядка. **Дон-**
ская артиллерія при наступленіи войскъ быстро
вынеслась впередъ и, занявъ позицію, мѣткими вы-
стрѣлами своими способствовала успѣху общаго насту-
пленія.

Когда всѣ укрѣпленія были заняты, я выдви-
нулъ кавалерію, съ **Уральскимъ Казачьимъ**
№ 1-го полкомъ и 3-мя сотнями Дон-
скаго Казачьяго № 53-го полка, за переваль
высотъ къ непріятельскому лагерю. Кавалерія наша

быстро вынеслась впередъ до самаго лагеря; но встрѣченная съ фланга огнемъ непріятельскихъ штуцерныхъ, а съ фронта англійскою кавалеріею, должна была остановиться и потомъ отошла, по прежнему, на правый флангъ общаго боеваго порядка, уступомъ назадъ.

Въ это время генераль-маіоръ *Жабокритскій*, съ отрядомъ **Владимірскаго** (3 баталіона), и **Суздальскаго** Пѣхотныхъ полковъ, 10 орудій **Батарейной № 1-го** батареи, 4-хъ орудій **Легкой № 2-го** батареи, 16-й Артиллерійской бригады, 2-хъ ротъ **Стрѣлковаго № 6-го** баталіона, дивизіона **Гусарскаго Гроссъ-Герцога Саксенъ-Веймарскаго** полка и 2-хъ сотенъ казаковъ **№ 60-го** полка (*Попова*), выдвинулся на высоты, лежавшія вправо отъ нашей кавалеріи, и запылялъ ихъ.

Едва только кавалерія наша успѣла выстроиться за правымъ флангомъ пѣхоты, какъ изъ-за высоты, гдѣ находилось укрѣпленіе № 4-го, показалась англійская кавалерія въ числѣ болѣе 2,000 человекъ. Отчаянное нападеніе ея побудило генераль-лейтенанта *Рыжова* отступить по дорогѣ къ Чоргуну, чтобы заманить непріятеля. Между тѣмъ я придвинулъ къ правому своему флангу, пришедшій изъ Байдаръ къ отряду генераль-маіора Гриббе, **Сводный Уланскій** полкъ, подъ командою полковника *Ерпкина*, приказавъ сему полку стать за пѣхотою въ скрытномъ мѣстѣ. Непріятель произвелъ самую упорную атаку, и, не смотря на мѣткій картечный огонь 6-ти

орудій Легкой № 7-го батареи, **штуцерныхъ** отъ **Одесскаго Егерскаго** полка и роты **4-го Стрѣлковаго** баталіона, находившейся на правомъ флангѣ, а также и на огонь части артиллеріи отряда генераль-маіора **Жабокритскаго**, бросился на нашу кавалерію, но въ это время три **эскадрона Своднаго Уланскаго** полка ударили во флангъ непріятелю.—Неожиданная атака эта, произведенная стройно и рѣшительно, имѣла блестящій успѣхъ: вся непріятельская кавалерія въ безпорядкѣ бросилась назадъ, преслѣдуемая нашими уланами и огнемъ батарей. При этой атакѣ непріятель потерялъ болѣе **400** убитыхъ, **60** раненыхъ, подобранныхъ на полѣ, и **22** плѣнныхъ, въ числѣ коихъ находится **1** штабъ-офицеръ.

Одинъ французскій эскадронъ **Африканскихъ** конныхъ егерей бросился на отрядъ генераль-маіора **Жабокритскаго**; обскакавъ лѣвый флангъ батарейной батареи, онъ прорвался сквозь стрѣлковую цѣпь до самой батареи, и началъ рубить прислугу.—За нимъ неслись и прочіе эскадроны.—Тогда два **баталіона Владимірскаго** полка, подъ личнымъ начальствомъ самого генераль-маіора **Жабокритскаго**, бросились въ штыки и принудили непріятельскую кавалерію податься назадъ; ее провожали мѣткіе выстрѣлы **Черноморскихъ** **пластуновъ** и **стрѣлковъ** до подошвы горы. Болѣе **10-ти** тѣлъ и нѣсколько лошадей осталось на мѣстѣ; **3** человекъ взято въ плѣтъ, офицеръ, командовавшій непріятельскою атакою, убитъ. Замѣтивъ, что непріятель началъ снова подводить

къ своему лѣвому флангу свѣжія войска, я усилилъ мой правый флангъ и расположилъ всѣ войска отряда слѣдующимъ образомъ:

Однимъ баталіономъ **Днѣпровскаго** полка занялъ с. Комары; **Азовскій** пѣхотный полкъ и одинъ баталіонъ **Днѣпровскаго** назначилъ для защиты укрѣпленія № 1; одинъ баталіонъ **Украинскаго** Егерскаго полка оставилъ въ укрѣпленіи № 2-го, а другой баталіонъ сего же полка—въ укрѣпленіи № 3-го, близъ коего расположенъ также весь **Одесскій** Егерскій полкъ; два баталіона **Днѣпровскаго** и одинъ **Украинскаго** Егерскаго полковъ. — Вся артиллерія поставлена на выгодныхъ мѣстахъ; кавалерія по прежнему стала на правомъ флангѣ пѣхоты; но непріятель уже болѣе не производилъ атаки, и въ 4 часа по-полудни прекратилъ канонаду.

Потерю нашу, при овладѣніи съ боя столь сильною позиціею, я считаю въ пѣхотѣ весьма незначительною; въ кавалеріи она была нѣсколько болѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ. Краткая по сему предмету вѣдомость при семъ представляется.

Успѣхомъ этого дня я обязанъ усердію и распорядительности гг. частныхъ начальниковъ, мужеству и рвенію всѣхъ войска. Въ особенности же командиръ 1-й бригады ввѣренной мнѣ дивизіи, генералъ-майоръ **Семякинъ** и находившійся подъ его начальствомъ командиръ **Азовскаго** пѣхотнаго полка, полковникъ **Криденеръ**, коимъ предназначено было атаковать самый сильный редутъ № 1-го, находящійся на большой и крутой возвышенности, подавали со-

бою примѣръ храбрости и распорядительности. Атака **Азовскаго** пѣхотнаго полка была исполнена смѣло, быстро и рѣшительно.— **2-я рота Стрѣлковаго** баталіона, подъ командою штабсъ-капитана *Калакуцаго*; **6 орудій Легкой № 6-го** батареи, подъ начальствомъ подполковника *Афанасьева*, и дивизионъ **Батарейной № 4-го** батареи, подъ командою поручика *Посникова*, находясь при той же колоннѣ, дѣйствовали съ примѣрною быстротою и мѣткостью, что и облегчило взятіе высоты.

При нападеніи непріятельской кавалеріи и отраженіи оной, находившіеся при **Одесскомъ** Егерскомъ полку **8 орудій Легкой № 7-го** батареи, подъ начальствомъ командира батареи, капитана *Божанова*, мѣткими картечными выстрѣлами нанесли главнѣйшій вредъ непріятельской кавалеріи.

Всѣ дѣйствія артиллеріи **12-й Артиллерійской** бригады, направляемыя командиромъ оной, полковникомъ *Ильмовицъ*, увѣнчивались блестящимъ успѣхомъ.

Присланные ко мнѣ Вашею Свѣтлостію, Генеральнаго Штаба полковникъ *Герсеевановъ* и адъютантъ Вашей Свѣтлости, капитанъ лейтенантъ *бронъ Виллебрандтъ*, находясь при мнѣ во все время сраженія, были мнѣ весьма полезными помощниками, передавая съ строжайшею точностью всѣ мои приказанія войскамъ, въ передовой линіи находившимся.

При этомъ имѣю честь представить Вашей Свѣтлости взятые въ укрѣпленіи № 1-го турецкіе знамя и значекъ».

ПОДВИГИ МУЖЕСТВА,

ОКАЗАННЫЕ ЧИНАМИ ОТРЯДА ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕ-
НАНТА ЛИПРАНДИ, ВЪ СРАЖЕНІИ 13-го ОКТЯБРЯ
1854 г., НА КАДЫКІОКСКИХЪ ВЫСОТАХЪ.

АЗОВСКАГО ПѢХОТНАГО ПОЛЕА

Поручикъ *Эйнзидель* (принятый изъ Саксонской службы), разговаривая наканунѣ сраженія въ кругу товарищей, общался имъ непременно отличиться, и сказалъ имъ: «Вы увидите завтра—гдѣ я буду». Эйнзидель сдержалъ свое слово: въ числѣ первыхъ онъ былъ на укрѣпленіи, гдѣ получилъ три тяжелыя рапы.

Рядовой *Иванъ Заровный* защищалъ раненаго поручика Эйнзиделя, и палъ жертвою своей преданности начальнику.

ДНѢПРОВСКАГО ПѢХОТНАГО ПОЛЕА

Рядовой *Климъ Ефимовъ*, при взятіи Комарскихъ высотъ, находясь въ цѣпи штыцерныхъ, былъ раненъ осколкомъ гранаты въ бровь; послѣ сдѣланной перевязки, онъ просилъ доктора отпустить его на мѣсто сраженія, и по разрѣшеніи, прибылъ къ своей ротѣ, при которой и находился до конца сраженія.

ОДЕССКАГО ЕГЕРСКАГО ПОЛКА.

Во время атаки редута № 4-го, штуцернику 5-й егерской роты Дементію Коммисарову оторвало осколкомъ гранаты концы средняго и указательнаго пальцевъ лѣвой руки; долго онъ не оставлялъ своего штуцера, стараясь еще зарядить его, но лившаяся кровь мочила патронъ и оружіе; выведенный изъ терпѣнія, Дементій Коммисаровъ обратился къ офицеру: «Ваше благородіе, позвольте мнѣ сбѣгать завязать руку; а пока не угодно ли самимъ пострѣлять изъ моего штуцера: знатно попадаетъ! я же сейчасъ ворочусь». И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ Дементій Коммисаровъ явился опять между стрѣлками и, хотя съ перевязанною рукою, не переставалъ стрѣлять изъ своего любимаго штуцера до конца сраженія.

Когда разбитая на-голову непріятельская кавалерія, въ безпорядкѣ и во весь духъ мчалась назадъ, лежавшій на землѣ, раненый въ ногу, штуцерный 4-й карабинерной роты Цвѣтковскій, котораго не успѣли еще отвести на перевязку (а самъ идти былъ не въ состояніи), увидѣлъ скакавшаго впереди на лихой лошади англичанина. «Ахъ, батюшки», сказалъ онъ, «не дайте ему выскочить! Онъ славно напиралъ, пусть же хоть на отъѣздъ попробуетъ русскаго свинцу!» Съ этими словами онъ повернулся, прицѣлился, выстрѣлилъ—и славный англійскій наѣздникъ свалился съ коня. «Теперь хоть и на перевязку!» сказалъ Цвѣтковскій.

Въ одно время съ горнистомъ **1-го баталіона Денегою**, принесеннымъ съ оторванною рукою на перевязочный пунктъ, принесли туда же англійскаго гусара, истекавшаго кровью и совершенно ослабѣвшаго отъ сабельныхъ ранъ. Видя это, Денега забылъ о собственныхъ страданіяхъ и обратился къ полковому штабъ-лекарю съ просьбою: «Ваше высокоблагородіе, погодите еще смотрѣть меня, помогите вотъ этому прежде, а то онъ пить попросить не можетъ. Пусть знаетъ, что мы христіане и люди добрые!»

ГУСАРСКАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГЕРЦОГА ЛЕЙХТЕНБЕРГСКАГО ПОЛКА.

Вахмистръ *Гуровъ*, не смотря на полученную имъ рану, видя, что эскадронный командиръ майоръ *Майдель*, раненый въ голову, упалъ,—слѣзъ съ лошади подъ убійственнымъ огнемъ пѣхоты и вывелъ своего начальника.

Унтеръ-офицеръ *Кисленко*, раненый въ локоть пулею, отправился на перевязочный пунктъ, но едва услыхалъ перестрѣлку, какъ, не окончивъ перевязки, возвратился во фронтъ и остался до конца боя.

Рядовой *Шулга*, раненый въ бокъ пулею, не хотѣлъ оставить фронтъ до конца боя.

ГУСАРСКАГО ГРОССЪ-ГЕРЦОГА САКСЕНЪ-ВЕЙМАРСКАГО ПОЛКА.

Унтеръ-офицеръ *Захаровъ*, когда убита была подъ генераломъ *Рыжковымъ* лошадь, подалъ ему свою, а

самъ остался подъ сильнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей—снимать сѣдло съ убитой лошади. Онъ исполнилъ это хладнокровно, безъ суеты и принесъ сѣдло на плечахъ до перевязочнаго пункта.

СВОДНАГО УЛАНСКАГО ПОЛЕА.

Эскадрона Его Высочества Эрцъ-Герцога Австрійскаго Алберта, рядовой Марко *Зиноватый*, будучи раненъ и сбить съ коня, схватилъ бѣжавшую непріятельскую лошадь и сражался на ней до конца дѣла; а послѣ дѣла, отыскавъ свою лошадь, явился раненый въ эскадронъ и остался въ рядахъ.

ВОННО-ЛЕГКОЙ № 12-го БАТАРЕИ.

Фейерверкеръ 3-го класса Максимъ *Федоровъ*, видя, что ящичный ѣздовой Донской Батарейной батареи былъ убитъ непріятельскимъ уланомъ, и что ящикъ былъ уже захваченъ непріятелемъ, бросился туда, убилъ саблею улана, готовившагося сѣсть на подсѣдельную лошадь и самъ, успѣвши вскочить на нее, доставилъ ящикъ въ батарею.

БИТВА ПРИ ИНКЕРМАНѢ

14 октября 1854 года.

Въ битвѣ при Инкерманѣ участвовалъ почти весь **Севастопольскій** гарнизонъ и **Великіе Князья Николай Николаевичъ** и **Михаиль Николаевичъ** принимали дѣятельное участіе.

Войска двинулись противъ непріятеля двумя колоннами: правая, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта *Соймонова*, еще до разсвѣта выстроилась въ боевой порядокъ и двинулась по лѣвому берегу оврага Килень-балки. Лѣвой колоннѣ, подъ командою генераль-лейтенанта *Павлова*, предписано было: 12 баталіонами **Охотскаго, Бородинскаго и Тарутинскаго** егерскихъ полковъ, съ двумя ротами 4-го **Стрѣлковаго баталіона**, овладѣть—покрытыми густымъ кустарникомъ, ущельями за Черною рѣчкою. Непріятель встрѣтилъ правую колонну сильнымъ штуцернымъ огнемъ; **Томскій** и **Колыванскій** полки, построившись въ ротныя колонны, бросились на врага. Егеря преслѣдовали непріятеля безостановочно. 2-й баталіонъ **Томскаго** и 1-й и 2-й баталіоны **Колыванскаго** полка кинулись на непріятельскую батарею и заклепали два орудія. Вслѣдъ за ними кинулись на непріятеля 1-й и 3-й баталіоны **Екатеринбургскаго** пѣхотнаго полка

и взяли съ боя часть непріятельскаго лагеря, причемъ заклепали 4 орудія. Къ несчастію, въ это время были смертельно ранены: генераль-лейтенантъ *Соймоновъ*, бригадный командиръ 2-й бригады 10-й пѣхотной дивизіи генераль-маіоръ *Вильбоа*, командиръ 10-й артиллерійской бригады полковникъ *Загоскинъ* и командиры полковъ: **Екатеринбургскаго**, **Томскаго** и **Колыванскаго**. Почти одновременно съ наступленіемъ 10-й пѣхотной дивизіи, вступили въ дѣло **Тарутинскій** и **Бородинскій** полки, построенные въ ротныхъ колоннахъ. Нѣсколько разъ непріятель былъ тѣснимъ и отбрасываемъ на правомъ своемъ флангѣ; но на смѣну разстроеннымъ французамъ подходили подкрѣпленія, тогда какъ наши не имѣли помощи. Только къ 8 часамъ утра подошли, послѣ крайне затруднительнаго перехода по крутымъ высотамъ, остальные войска лѣвой колонны: **Охотскій**, **Якутскій** и **Селенгинскій** полки, съ сильною артиллеріею. **Охотскій** полкъ стремительно двинулся на непріятеля, и тотчасъ занялъ непріятельскій редутъ съ 8-ю орудіями. При этомъ славномъ подвигѣ раненъ былъ командиръ полка полковникъ *Бибиковъ* и большая часть офицеровъ. Непріятель, разстроенный дружнымъ наступленіемъ **Охотцевъ**, скоро однако оправился и, получивъ подкрѣпленія, принудилъ **Охотскій** полкъ отступить. **Якутскій** также стремительно атаковалъ Англичанъ, тѣснившихъ Охотцевъ, и, опрокинувъ сперва съ большимъ успѣхомъ непріятеля, въ свою очередь, принужденъ былъ отступить самъ и оставилъ захваченную

батарею. Главнокомандующій, видя, что непріятель держится съ особеннымъ упорствомъ и усиливается свѣжими войсками, приказаль войскамъ отойти къ главной позиціи. Для прикрытія движенія войскъ по Инкерманской долинь направленъ былъ **Владиміръскій** полкъ, который отважно исполнилъ это порученіе, при чемъ былъ раненъ командиръ полка полковникъ *баронъ Дельвицъ*. Дальнѣйшее отступленіе къ городу было совершено безпрепятственно.

Приводимъ подлинное донесеніе Главнокомандующаго князя Меншикова о Инкерманскомъ дѣлѣ:

«Въ донесеніи моемъ Вашему Императорскому Величеству, непосредственно послѣ дѣла 24-го числа, — большой вылазки изъ Севастополя, — я имѣлъ уже счастье свидѣтельствовать, что Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ явили себя на полѣ битвы, подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, не только вполне достойными высокаго своего званія, встрѣчая хладнокровно опасности, но и примѣромъ настоящей воинской доблести. Присутствіе ихъ посреди огня побуждало всѣхъ и cadaго къ исполненію священнаго долга Царю и отечеству.

«Вѣренное мнѣ войско это видѣло, и то мужество, которое показало оно въ столь упорномъ съ обѣихъ сторонъ дѣлѣ, конечно, было плодомъ мысли, что дорогіе Царю и Россіи Дѣти посреди насъ, и что въ ихъ самоотверженіи каждый долженъ видѣть примѣръ для себя.

«Въ приказѣ моемъ, отъ 29-го числа, я счелъ моею обязанностью повторить предъ войскомъ о доблестяхъ Великихъ Князей, и осмѣлился выразиться, что подъ непріятельскимъ огнемъ они были истинно-русскими молодцами.

«Но я не исполнилъ бы священнѣйшаго и вѣрно-подданнѣйшаго моего долга предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и предъ всею Россіею, если бы умолчалъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ тѣхъ опасностей, въ которыхъ находились Ихъ Высочества.

«Доказавъ уже на полѣ сраженія все мужество свое и хладнокровіе, Государи и Великіе Князья пожелали въ тотъ же день и посѣтить бастіоны и батареи, чтобы устно, въ исполненіе Высочайшей воли Вашей, передать храбрымъ морякамъ «царское спасибо». Въ это время всѣ почти батареи дѣйствовали, и особенно на Малаховомъ курганѣ огонь былъ неумолкаемый, такъ, что всю дорогу къ этому бастіону, громъ ядеръ и даже свистъ штуцерныхъ пуль провожали Великихъ Князей. На Малаховомъ курганѣ непріятель доставилъ отрадный случай защитникамъ Севастополя,—свое испытанное мужество, сочетать впервые съ испытаннымъ мужествомъ дорогихъ Россіи Сыновей! Въ присутствіи Ихъ Высочествъ, почти къ ихъ ногамъ, упали два непріятельскія ядра въ брустверъ; третьимъ, ударившимъ въ мерлонъ, засыпало прислугу, и наконецъ, какъ бы въ довершеніе испытанія, бомба передъ ихъ ногами разрушила зданіе въ то время, когда въ нѣсколькихъ шагахъ, Ихъ Высоче-

ства одушевляли команду милостивыми словами Вашего Величества.

«Лишне было бы говорить, что во всѣ эти минуты, которыя могли бы быть роковыми, Государи Великіе Князья были, осмѣлюсь и здѣсь повторить,— истинно русскими молодцами.

«Ваше Императорское Величество осчастливите все ввѣренное мнѣ войско, опредѣливъ Ихъ Высочествамъ тотъ орденъ за воинскія доблести, который въ мысляхъ каждого изъ насъ единодушно Имъ присужденъ. Высочайшее удостоеніе Ихъ кавалерами ордена св. Георгія 4-й степени за храбрость, по всей справедливости Ихъ Высочествамъ слѣдующаго, было бы знакомъ Монаршей, неизрѣченной милости и всѣмъ ввѣреннымъ мнѣ войскамъ, свидѣтелямъ мужества и неустрашимости Великихъ Князей, которыми какъ Ваше Императорское Величество, такъ и вся Россія имѣють счастливое и полное право гордиться и утѣшаться».

Столь лестный отзывъ Главпокомандующаго о воинскихъ доблестяхъ, оказанныхъ въ виду всего войска юными Сыновьями царскими, доставилъ истинную отраду родительскому сердцу Государя Императора, который Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Ихъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу орденъ св. Георгія 4-й степени.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ГАЗЕТЫ.

«Прусская Газета» сообщаетъ слѣдующее извлеченіе изъ письма, полученнаго изъ Севастополя, отъ 12-го ноября (30-го октября): «Русскіе одушевлены такимъ боевымъ жаромъ, что ихъ едва можно удержать въ госпиталѣ. Въ вылазкахъ нерѣдко участвуютъ матросы, у которыхъ отнята нога, на костыляхъ. Я видѣлъ одного, раненаго въ бокъ осколкомъ бомбы и контуженнаго въ лобъ камнемъ; его отнесли въ госпиталь, но онъ ни за что не хотѣлъ лечь, говоря, что чувствуетъ себя хорошо и что ему нужны только одинъ или два дня покоя. Въ самомъ дѣлѣ, онъ тайкомъ ушелъ изъ госпиталя и отправился на свою батарею. Я могъ бы привести еще множество примѣровъ мужества и хладнокровія, которыми отличаются особенно моряки наши. Одинъ изъ матросовъ находился въ пороховомъ погребѣ въ ту минуту, когда туда упала бомба: онъ имѣлъ присутствіе духа оторвать отъ нея горящій фитиль и выбѣжать съ нимъ изъ погреба. Двое другихъ, увидѣвъ, что бомба упала на ихъ батарею, бросились на фитиль и затушили его своимъ тѣломъ. Одинъ изъ матросскихъ канонировъ былъ пораженъ непріятельскимъ ядромъ въ то время, когда онъ старался подбить не-

пріятельскую пушку, которая сильно досаждала ему. Указавъ на эту пушку смѣнявшему его канониру, онъ сказалъ съ величайшимъ хладнокровіемъ: «Когда я ворочусь, Ванюша, и ты все еще не сбавишь съ нея спѣси, то ужъ на меня не пѣнай»..... Одна матросская дѣвушка, лѣтъ 20-ти или 22-хъ, потерявшая при Синопѣ отца, а потомъ лишившаяся и матери, посвятила себя служенію раненымъ. При Альмѣ она разносила солдататъ хлѣбъ и вино, а послѣ того не покидала здѣшняго госпиталя и ревностно ухаживала за приносимыми туда ранеными. Она прислуживаетъ хирургамъ при операціяхъ, подаетъ имъ инструменты, связываетъ артеріи и спитъ съ 5-го ноября (24-го октября) на голомъ полу, потому что уступила постель свою одному изъ раненыхъ.

ПОДВИГИ МОРЯКОВЪ.

Одиннадцати-мѣсячная оборона Севастополя противъ сильнѣйшаго непріятеля и лучше насъ вооруженнаго, исполнена была геройскихъ подвиговъ.

Во время перваго бомбардированія Севастополя, 5-го октября 1854 года, одна изъ множества бомбъ упала близь толпы солдатъ 24-го флотскаго экипажа, прикрывавшаго батарею, устроенную между 4-мъ и 5-мъ бастіонами. Разумѣется, солдаты шарахнулись: кто успѣлъ—упалъ на землю, другіе неподвижно ждали смерти... мгновеніе было ужасно — бомбовая трубка догорала... матросъ Трофимъ Александровъ бросился къ бомбѣ...

«Бережись, бережись! закричали ему товарищи: «*курица, курица!...*» (*), но Александровъ зналъ что дѣлалъ: схватилъ грязи и залпилъ горѣвшую трубку. Она погасла... Матросъ перекрестился, и, толкнувъ ногою бомбу, крикнулъ товарищамъ:

«*Эхъ вы, солдатами зоветесь, а курицы боитесь!...*»

Въ тотъ же день бомба ворвалась въ казематъ 5-го бастіона; народу тамъ было не мало. Матросъ 43-го флотскаго экипажа Григорій Палюкъ не задумался,

(*) Т. е.: берегись, курится!

шапкой почерпнулъ воды и подскочилъ къ бомбѣ, чтобъ залить ее, но она не дождалась—лопнула!... «Пропаль *Палюкз!*» думали всѣ. Ничего не бывало: поднялся дымъ, лихаго матроса увидѣли невредимаго, но только оглушеннаго разрывомъ, стоящаго надъ мѣстомъ взрыва, съ шапкой воды въ рукахъ, съ вытянутымъ лицомъ и разинутымъ ртомъ: «*Ишь не устлѣ, прахъ ее возьми!*...»

31-го Флотскаго экипажа Мичманъ *Батьяновъ*, во время бомбардированія Севастополя, 5 октября 1854 года, находился на 4-й дистанціи, когда попавшая въ пороховой погребъ бомба произвела пожаръ. Контръ-Адмиралъ Истоминъ, обратясь къ Батьянову, сказалъ: «вотъ случай отличиться, ступай и потуши»; сказано, и Батьяновъ бросился съ матросами въ погребъ и потушилъ пожаръ, при чемъ обжегъ себѣ руку.

10-го октября, при взрывѣ пороховыхъ ящиковъ на Корниловскомъ бастіонѣ, Батьяновъ сильно былъ контуженъ въ голову и правое ухо, съ обжогомъ правой части лица, отчего произошло теченіе изъ уха матеріи, имѣвшее вліяніе на его слухъ. Несмотря на это онъ оставался на бастіонѣ.

Ноября 1-го, будучи посланъ Контръ-Адмираломъ Истоминымъ въ городъ за приказаніемъ, возвращаясь оттуда въ темную и весьма бурную ночь и проѣзжая чрезъ мостъ, наведенный въ Южной Бухтѣ, на срединѣ его, отъ разъединенія волненіемъ досокъ, Батьяновъ съ лошадыю провалился въ море; освободивъ изъ стремянъ ноги и сбросивъ съ себя въ водѣ почти всю одежду и сапоги, полуодѣтый, онъ сперва держался

за доску, упавшую съ моста, а потомъ, когда замѣтилъ, что волны готовы унести его на рейдъ, бросилъ ее, пустился вплавъ и благополучно достигъ до Павловскаго Мыска, гдѣ, вытщенный въ оцѣпененіи, былъ приведенъ въ чувство и отогрѣтъ; на другой день утромъ онъ отправился къ своему посту.

30-го декабря Батьяновъ былъ контуженъ осколкомъ бомбы въ правое плечо и, не смотря на боль, остался на бастионѣ.

Мичманъ Батьяновъ, приказомъ Главнокомандующаго, отданнымъ 26-го ноября 1854 года, награжденъ орденомъ Св. Анны съ бантомъ.

Братъ его, 34-го экипажа Лейтенантъ *Батьяновъ* служилъ также съ отличіемъ. Въ вылазку 29-го ноября, когда взяты были непріятельскія мортиры, онъ велъ 80 человекъ охотниковъ матросовъ, былъ раненъ пулею, которая остановилась въ позвоночномъ хребтѣ, и черезъ нѣсколько дней умеръ въ большихъ мученіяхъ.

Главнокомандующій, отдавая приказъ по гарнизону, 2 февраля 1855 г., выразилъ, что каждый день защитники Севастополя являютъ себя истинно храбрыми и стойкими Русскими воинами; каждый день поступки ихъ заслуживаютъ полного уваженія и удивленія. «Говорить о каждомъ отдѣльно — сказано въ приказѣ — было бы невозможно», но есть доблести, которыя должны навсегда остаться въ памяти нашей. Къ сожалѣнію, немного именъ этихъ чудо-богатырей, какъ говорилъ Суворовъ, остались занесенными въ крова-

вую лѣтопись обороны: годы взяли свое, а товарищи, свидѣтели храбрыхъ подвиговъ, почіють непробуднымъ сномъ на холмахъ Севастопольскихъ.»

Приказъ Главнокомандующаго, о которомъ говорится выше, былъ отданъ послѣ небольшой вылазки, бывшей 20 января 1855 г. Матросъ 30 флотскаго экипажа *Игнатій Шевченко*, находившійся во всѣхъ вылазкахъ около Лейтенанта *Бирюлева*, явилъ въ этотъ день особенный примѣръ храбрости и самоотверженія. Когда молодцы наши штыками вытѣснили уже непріятеля изъ траншей, пятнадцать человѣкъ французовъ, отступая, прицѣпились въ Лейтенанта Бирюлева и его спутниковъ. Шевченко первый замѣтилъ—какой опасности подвергается его начальникъ: перекрестясь кинулся къ нему, заслонилъ его, и молодецкою грудью своею принялъ пулю, которая должна была поразить Лейтенанта Бирюлева. Шевченко палъ на мѣстѣ, какъ истинно храбрый воинъ.

7-го октября 1854 года непріятельская бомба, пробивши пороховой погребъ, разорвалась въ немъ. Квартирмейстеръ 41 флотскаго экипажа *Михаилъ Мартыновъ*, увидя, что изъ отверстія крыши поднялся дымъ, немедленно схватилъ ведро съ водою, и, взбѣжавъ на крышу погреба, сталъ лить воду въ отверстіе; потомъ, собравъ нѣсколько человѣкъ, заставилъ ихъ лить въ пробитую крышу, а самъ бросился во внутренность погреба и окончательно затушилъ загорѣвшійся пороховой ящикъ.

29 флотскаго экипажа матросъ *Севастьянъ Лит-*

виновъ, находясь въ прислугѣ у орудія и будучи сильно контуженъ въ голову, не захотѣлъ оставить своего орудія; чрезъ три дня получилъ двѣ раны въ грудь и ногу; оба раза, перевязавшись, не смотря на боль, явился къ орудію, при которомъ былъ комендоромъ, и, на предложеніе товарищей отдохнуть, отвѣчалъ: «пока во мнѣ есть хоть капля крови—я не оставлю своего орудія.»

Усиленное бомбардированіе и страшная убыль артиллерійской прислуги изъ флотскихъ экипажей на бастионахъ вынудили сдѣлать распоряженіе, чтобы прислуга на батареяхъ смѣнялась днемъ и ночью, для отдыха. При объявленіи о семъ нижнимъ чинамъ флота, находившимся на 4-мъ бастионѣ, противъ котораго преимущественно велась непріятелемъ осада, всѣ они единодушно просили дозволенія оставаться при своихъ орудіяхъ *безсмынно*. Командовавшій 4-мъ бастиономъ, Вице-Адмиралъ *Новосильскій* (нынѣ Адмиралъ и Генералъ-Адъютантъ), доносилъ объ этомъ рапортомъ Командующему гарнизону въ Севастополь въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Вслѣдствіе распоряженія Вашего Превосходительства, для отдохновенія нижнихъ чиновъ, днемъ и ночью дѣйствующихъ на батареяхъ ввѣренной мнѣ дистанціи изъ флотскихъ экипажей, имъ назначена быть смѣна; но прислуга изъявила единодушное желаніе остаться при своихъ орудіяхъ, изъявляя готовность защищаться и умереть на своихъ мѣстахъ.»—И дѣйствительно, прислуга оставалась неотлучно при своихъ орудіяхъ, и выбывала не на временную, а только на вѣчную смѣну!

Осиротѣвшимъ семействамъ были оказаны Государемъ Императоромъ различныя милости.

Во все время осады Севастополя почти ежедневно рассказывались въ гарнизонѣ разныя продѣлки храбраго матроса и весельчака *Петра Кошки*—30 флотскаго экипажа,—который участвовалъ почти во всѣхъ вылазкахъ и постоянно отличался предприимчивостью и самоотверженіемъ. Въ одной изъ вылазокъ онъ былъ въ передовомъ отрядѣ охотниковъ; отдѣлившись отъ своихъ и зная хорошо мѣстность, Кошка незамѣтно прокрался къ непріятельской цѣпи, бросился на трехъ стоявшихъ въ цѣпи французовъ и этой смѣлой выходкой взялъ ихъ въ плѣнъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія.

Кошка нѣсколько разъ одинъ прокрадывался къ непріятельскимъ траншеямъ и почти всякій разъ возвращался или съ захваченнымъ оружіемъ, или со свѣдѣніями о числѣ непріятели. Но подвигъ, которымъ онъ приобрѣлъ общее уваженіе и извѣстность, былъ слѣдующій: въ одной изъ вылазокъ, съ третьяго бастіона, противъ англичанъ, были убиты два наши сапера: они, при отступленіи отряда охотниковъ, что было въ темную декабрьскую ночь, остались на мѣстѣ не замѣченными. На другой день съ бастіона увидѣли, что убитые наши саперы были врыты по поясъ въ землю около самой непріятельской траншеи, представляя какъ бы цѣль для нашихъ стрѣлковъ; подобное кощунство возмутило нашихъ защитниковъ и Кошка взялся принести тѣла этихъ саперовъ.

Получивъ позволеніе и, съ словами «Господи благослови!» онъ, не замѣченный непріателемъ, между камнями и бугорками пролѣзъ и прокрался къ мѣсту, гдѣ были врыты тѣла, смѣло всталъ въ виду изумленныхъ Англичанъ, выкопалъ одинъ трупъ, взвалилъ его на плечи и сталъ возвращаться къ бастіону; по немъ непріатель открываетъ штуцерный огонь: но судьба спасла Кошку,—онъ остался не вредимъ, между тѣмъ какъ въ трупъ, имъ несенный, попало пять пуль.

Унтеръ-офицеръ 42 флотскаго экипажа *Михаилъ Кругловъ*, одинъ изъ лучшихъ комендоровъ Малахова кургана, съ виду серьезный, былъ тоже веселаго нрава и умѣлъ разсмѣшить всякаго. На какой батарее не появится Кругловъ, непременно слышенъ хохотъ. Будучи комендоромъ 36-ти-фунт. орудія, проснувшись на разсвѣтъ, онъ прежде всего смотрѣлъ въ амбразуру, и если пальба еще не начиналась, онъ обыкновенно говаривалъ: «а! землякъ еще кофе пьетъ!» Раздается первый выстрѣлъ, Кругловъ, не теряя времени отвѣчалъ, приговаривая: «здравствуй землякъ, на тебѣ гостинчикъ!» Случалось, что Англичане открывали пальбу когда Кругловъ дремалъ послѣ обѣда сидя у орудія; его будятъ: Михайло Григорьевичъ, землякъ проснулся! — «А! проснулся, давай гранату» — и, вскочивъ, онъ немедленно наводилъ орудіе.

Выстрѣлы Круглова отличались мѣткостью; онъ былъ безотлучно при орудіи, любимъ и уважаемъ матросами. Однажды непріательское ядро ударило въ мѣшокъ, изъ которыхъ весьма часто дѣлались амбра-

зуры на Малаховомъ курганѣ, — Круглова обсыпало мелкими каменьями, и лицо его покрылось кровью; нисколько не заботясь о ранахъ, онъ обтеръ лицо и сталъ наводить орудіе, приговаривая: «ничего, землякъ, ничего: ужъ лучше этого не сдѣлаешь, каковъ я есть.»

Бывали и такіе чудачи на Севастопольскихъ батареяхъ, какъ матросъ 32 флотскаго экипажа *Василій Колинченко*. Ему было, послѣ полученной раны, отнято плечо, и онъ, послѣ операціи, тотчасъ обратился къ оператору, профессору фонъ-Гюббенету, съ словами: «покорнѣйше благодарю, Ваше Высокоблагородіе. Нельзя ли рюмочку вина выпить?» Когда ему принесли рюмку вина, то онъ, поднявъ ее лѣвою рукою, сказалъ: «за ваше здоровье, Ваше Высокоблагородіе!»

Въ геройской защитѣ Севастополя принимали участіе и женщины, и дѣти. Жены матросовъ, не смотря на страшный непріятельскій огонь, въ дни самой усиленной бомбардировки, носили мужьямъ своимъ и вообще прислугѣ на батареяхъ пищу и воду; нерѣдко помогали имъ въ этомъ и дѣти. У насъ есть цѣлый списокъ раненыхъ матросскихъ женъ и дѣтей; мы видѣли въ госпиталѣ и на перевязочныхъ пунктахъ безъ ноги и безъ руки дѣтей. Одинъ 6-ти-лѣтній мальчикъ, завидя издалика катившееся па излетѣ ядро, подбѣжалъ съ намѣреніемъ схватить мячикъ, и, конечно, лишился при этомъ кистей обѣихъ рукъ. Въ приказѣ Главнокомандующаго (2 августа 1855 года) упоминается о десятилѣтнемъ сынѣ матроса

37 флотскаго экипажа Тимоѣеъ *Пищенко*, Николаѣ, состоявшемъ съ самаго начала осады Севастополя на батарееъ Забудскаго, при отцѣ, подносившаго картузы съ зарядами. А когда отецъ его, во время втораго усиленнаго бомбардированія, былъ убитъ, то онъ перешелъ на редутъ Шварца. Николай Пищенко, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ежеминутную опасность, продолжалъ помогать прислугѣ, и былъ награжденъ медалью, съ надписью «за храбрость», на георгиевской лентѣ.

ПРИКАЗЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ВОЕННЫМИ СУХОПУТНЫМИ И МОРСКИМИ СИЛАМИ ВЪ КРЫМУ У СВЕРНАГО УКРѢПЛЕНІЯ СЕВАСТОПОЛЯ. ФЕВРАЛЯ 2-ГО ДНЯ 1855 ГОДА, № 32.

Товарищи! каждый день вы являете себя истинно храбрыми и стойкими Русскими воинами; каждый день поступки ваши заслуживаютъ и полнаго уваженія и удивленія: говорить о каждомъ отдѣльно было бы невозможно, но есть доблести, которыя должны навсегда остаться, въ памяти нашей, и съ этой цѣлью я объявляю вамъ: 30-го флотскаго экипажа матросъ Игнатій *Шевченко*, находившійся во всѣхъ вылазкахъ около Лейтенанта *Бирюлева*, явилъ особенный примѣръ храбрости и самоотверженія въ вылазкѣ, бывшей на 20-е января. Когда молодцы наши штыками вытѣснили уже непріятеля изъ траншей, пятнадцать человѣкъ Французовъ, отступая, прицѣлились въ Лейте-

нанта *Бирюлева* и его спутниковъ; *Шевченко* первый замѣтилъ—какой опасности подвергается его начальникъ: перекрестясь, кинулся къ нему, заслонилъ его и молодецкою своею грудью принялъ пулю, которая неминуемо должна была поразить Лейтенанта *Бирюлева*,—*Шевченко* упалъ на мѣстѣ, какъ истинно храбрый воинъ, какъ праведникъ.

Сдѣлавъ распоряженіе объ отысканіи его семейства, которое имѣетъ все право воспользоваться щедротами Всемилостивѣйшаго Государя нашего, я спѣшу, мои любезные товарищи, сообщить вамъ объ этомъ,—поздравить васъ, что вы имѣли въ рядахъ своихъ товарища, которымъ должны вполнѣ гордиться.

Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ экипажахъ, баталіонахъ и эскадронахъ.

Подписалъ: Генералъ-Адъютантъ *Князь Меншиковъ*.

ПЛАТУНЫ, ВОЛЫНЦЫ И СЕЛЕНГИНЦЫ.

По военнымъ соображеніямъ необходимо было утвердиться за Килень-балкою, въ самомъ близкомъ со-
сѣдствѣ съ непріателемъ.

Распоряженіе сдѣлано въ девять часовъ вечера, 10-го февраля. **Платуны** подвинуты были впередъ, ближе къ непріателю; ихъ мѣсто занялъ **Волынскій** пѣхотный полкъ, подъ командою Генералъ-маіора *Хруцова*, и на одномъ изъ холмовъ заложенъ былъ редутъ на шестнадцать орудій на обыкновенный ружейный выстрѣлъ отъ непріятельскихъ траншей. Туры были принесены съ собою, и въ два-три часа выросло значительное прикрытіе для рабочихъ. Непріатель не замѣтилъ нашей работы, работа же кипѣла, и къ разсвѣту солдаты на столько успѣли углубиться въ землю, что уже были защищены отъ непріятельскаго огня. Редутъ воздвигся совершенно на камнѣ, едва прикрытомъ тонкимъ слоемъ земли. Почти вся работа производилась кирками; искры летали отъ усиленныхъ ударовъ о каменистый грунтъ; не смотря на то, надобно было, однакожъ, сдѣлать нѣсколько ударовъ киркою, чтобы отбить небольшой кусокъ камня. Утромъ заяв-

залась небольшая перестрѣлка между нашими шуцерпиками, залегшими за камни и бугорки, и между непріятелемъ, скрытымъ въ траншеѣ. Весь день 11-го февраля на этомъ пунктѣ сохранялось спокойствіе, и мы почти не имѣли потери. Работа не переставала ни на мгновеніе. Отдохнувшіе люди смѣняли уставшихъ, и редутъ видимо дѣлался крѣпкимъ.

На почъ тридцать шесть **пластунѡвъ** **Черноморскаго** пѣшаго казачьяго баталіона № 8-го залегли въ секретѡхъ. Для прикрытія нашихъ работъ сталъ **Волинскій** пѣхотный полкъ. Одинъ взводъ отъ каждой ротной колонны былъ разсыпанъ въ цѣпь въ двухъ стахъ пятидесяти саженьѡхъ отъ англійской траншеи. Два баталіона стояли въ колоннахъ къ атакѣ впереди редута, третій баталіонъ былъ выдвинутъ лѣвѣе. Правый флангъ нашъ охранялся огнемъ Корнилова и № 2-го бастіонѡвъ. Подъ этимъ надежнымъ прикрытіемъ, два баталіона **Селенгинцевъ** дружно работали въ редутѣ, оставивъ свои ружья внѣ редута, подъ охрану баталіона, работавшаго во рву. Съ полуночи мѣсяцъ спрятался, стемнѣло, работать стало труднѣе, даже въ двухъ шагахъ нельзя было различать предметовъ. Ночная тишина прерывалась далекимъ выстрѣломъ, и еще дальнѣйшимъ разрывомъ бомбы, говоромъ работавшихъ въ редутѣ, смѣшаннымъ съ шумомъ ихъ инструмента, гуломъ паденія земли, да шутками солдатъ. Но, чу!... выстрѣлъ въ цѣпи, другой.... третій.... «Въ ружье!» крикнулъ командиръ полка, полковникъ *Сабашинскій*. Въ одно мгновеніе ружья разобраны, два баталіона, по прежнему, заняли редутъ,

одинъ поставленъ на правомъ флангѣ, пока не разъяснится причина тревога.

Французы рѣшились, во что бы то ни стало, отнять у насъ начатый редутъ, уничтожить всю нашу работу и утвердиться на избранномъ нами мѣстѣ. Для этого они послали сильный отрядъ отборнѣйшаго войска: два баталіона зуавовъ, баталіонъ Венсенскихъ стрѣлковъ, одинъ флотскій экипажъ и девяносто человекъ охотниковъ, вызванныхъ изъ всей французской арміи. Въ резервъ за этимъ отрядомъ находилась дивизія Англичанъ съ полевой артиллеріею. Казалось, что баталіоны такого войска,—цвѣтъ французской молодежи, избранные и добровольно вызвавшіеся на подвигъ, удалцы, могли, казалось бы, взять, сокрушить, сдѣлать что хотятъ, разбить кого хотятъ!... Но, человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: Французы, осѣненные мракомъ нависшей надъ землею тучи, въ глубокомъ безмолвіи подошли къ самой цѣпи пластуновъ,—съ воплемъ дикой радости, бурей пронеслись мимо нашего секрета, и хлынули на цѣпь Волицевъ,—но одинъ изъ пластуновъ успѣлъ уже, выстрѣломъ въ упоръ, повалить зуава и тѣмъ остеречь нашихъ.

Цѣпь 10-й и 11-й мушкетерскихъ ротъ Волицевъ встрѣтила сильнымъ огнемъ стремительно наступавшихъ Французовъ, и, сбѣжавшись въ кучки, мужественно приняли бой.

Генераль Хрущовъ приказалъ зажечь фальшфейеръ, чтобы нашимъ батареямъ можно было стрѣлять по нимъ, и въ тотъ же моментъ поспѣшилъ на помощь

съ первымъ и вторымъ баталіонами, и безъ выстрѣла бросился въ штыки. Закипѣлъ кровавый бой: будто огненные змѣи неслись свѣтящіяся ядра нашихъ батарей, вотъ зажглись они, кровавымъ свѣтомъ озаривъ картину ночнаго рукопашнаго боя, и вслѣдъ за ними посыпался цѣлый градъ снарядовъ: Корнилова бастіонъ (Малаховъ курганъ) батареи № 1-го и 2-го, пароходы «Владиміръ», «Громоносецъ» «Херсонесъ» казались огнедышащими, потрясая громомъ своихъ ужасныхъ орудій всю окрестность. Орудія этихъ батарей и пароходовъ съ вечера были наведены туда, гдѣ могъ наступать непріятель. Не успѣлъ догорѣть фальшфейеръ, какъ уже первая граната, брошенная съ № 2-го капитанъ-лейтенантомъ *Ершовымъ*, разорвалась въ колоннѣ Французовъ. |

Французы презирали смерть, и баталіонъ за баталіономъ стремились на Волынцевъ, свернувшихся въ колонны; но ярый натискъ французскихъ удалцовъ встрѣтилъ въ этихъ колоннахъ несокрушимое препятствіе ихъ стремленію. Нападавшіе, нѣсколько разъ отбитые, снова строились, снова ударили и снова отступали!...

Между тѣмъ, какъ генераль Хруцовъ ввелъ, въ дѣло весь свой полкъ и бой былъ во всемъ разгарѣ, — новая, сильная непріятельская колонна, съ охотниками въ головѣ, обогнула линію сражавшихся, и, не замѣченная нами въ темнотѣ, съ крикомъ восторга бросилась на самый редутъ. Но тутъ поразила Французовъ горькая неожиданность. Редутъ казался имъ издали не болѣе какъ прикрытіемъ, сдѣланнымъ изъ

туровъ, которое стоило только разбросать, чтобы овладѣть укрѣпленіемъ,—между тѣмъ они нашли ровъ, глубиною аршина въ два, шириною больше сажени, изъ котораго и посыпались на нихъ дождемъ пули. Но Французы перелѣзли ровъ, подъ смертнымъ огнемъ взлѣзли на брустверъ и бросились въ редутъ... Первый ворвался штабъ-офицеръ, командиръ охотниковъ, съ длинною рапирою въ рукѣ, и въ минуту поднятъ на штыки!... За нимъ вскочилъ молоденькій офицеръ: не успѣлъ оглянуться, какъ сосѣдній солдатикъ привѣтствовалъ его киркой по головѣ. Растянулся бѣдняжка!... За ними еще офицеръ.... но кто-то дюжею рукою даже помогъ ему взлѣзть на валъ, схватилъ его за воротъ, вышпѣ саблю изъ рукъ, и молодца мгновенно потащили въ глубину редута.... Еще... и еще за ними послѣдовали многіе, но всѣ эти удалцы нашли на редутѣ свою могилу, или взяты въ плѣнъ.

Опрокинувъ непріателя, генераль Хрущовъ ударилъ сборъ и повелъ баталіоны Волинцевъ съ барабаннымъ боемъ на встрѣчу свѣжимъ силамъ Французовъ, спѣшившихъ на помощь своимъ. Волинцы ударили въ штыки, одушевленные грохотомъ своего барабана, гремящаго наступленіе,—и Французы стали такъ же быстро отступать, какъ дерзко наступали прежде. Англичане, съ ихъ артиллеріею, въ ужасѣ остановились.

Между тѣмъ Полковникъ Сабашинскій, видя безпре-
станно усиливавшіяся массы непріателя, двинулся при
громѣ барабановъ съ первымъ баталіономъ своего
полка, съ 4-й гренадерской, 10-й и взводомъ

11-й мушкетерскихъ ротъ Волынскаго полка, по Саперной дорогѣ, чтобы взять во флангъ непріятеля. Въ недалекомъ разстояніи отъ редута, Селенгинцы встрѣтили бѣжавшую на помощь колонну Французовъ, и однимъ ударомъ опрокинули ее въ лощину, подъ выстрѣлы нашей артиллеріи.

На всѣхъ мѣстахъ боя успѣхъ нашъ былъ очевиденъ. Непріятель бѣжалъ; наше преслѣдованіе было ужасное: Французовъ гнали до линіи нашего огня, а дальнѣйшее тамъ ихъ преслѣдованіе, чтобы не подвергаться дѣйствию своихъ же выстрѣловъ, предоставили искусству моряковъ-артиллеристовъ.

Отраженіе непріятельскаго нападенія было столь рѣшительно, что онъ не дерзнулъ попытать новаго счастья, не дерзнулъ даже ввести въ дѣло резервной дивизіи Англичанъ. Наши батареи долго еще не переставали громить траншеи союзниковъ. Селенгинскій полкъ возвратился къ своей работѣ, которая закипѣла веселѣе прежняго, а Волынский пребылъ цѣлую ночь наготовѣ вновь встрѣтить недруга.

Разсвѣло. Увидѣли кровавое поле ночнаго побоища. Болѣе ста непріятельскихъ труповъ (въ томъ числѣ восемь офицеровъ) и шестьдесятъ пять нашихъ лежало на немъ. Раненыхъ своихъ, а также и непріятельскихъ, которыхъ враги не успѣли подобрать, мы отнесли еще ночью на перевязочные пункты.

Нашихъ офицеровъ ранено четыре, нижнихъ чиновъ двѣсти тридцать шесть, изъ которыхъ сто четыре такъ легко, что остались во фронтѣ. Мы взяли въ

плѣнь двадцать четыре человека, въ томъ числѣ пята-
терыхъ офицеровъ.

Главнокомандующій сейчасъ же прислалъ въ Во-
лынскій полкъ пятнадцать, въ Селенгинскій десять
знаковъ отличія Военнаго ордена и приказалъ не-
медленно войти съ представленіемъ о награжденіи
болѣе достойныхъ, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ
чиновъ.

Съ восторгомъ тащили солдаты на сборныя мѣста—
кто французскій штуцеръ, кто нарѣзное ружье, кто
аммуницію, кто офицерскую саблю, безъ ноженъ (офи-
церы не подвязывали ноженъ, чтобы звономъ ихъ не
обнаружить себя).

ВЫЛАЗКА

съ 10-го на 11-е марта.

«27-го февраля, на курганъ, находящемся въ 290
саженяхъ впереди Корниловскаго бастиона и только
въ 180 саженяхъ отъ 2-й передней параллели осаж-
дающаго, заложенъ былъ нами люнетъ, по имени
полка, производившаго заложеніе, названный: «Кам-
чатскимъ».
«Цѣль постройки этого укрѣпленія заключалась въ
томъ, чтобы воспрепятствовать непріятелю, посредствомъ
скорыхъ работъ летучею сапою, утвердиться на воз-
вышеніи противъ Корниловскаго бастиона, и чтобы,
вмѣстѣ съ контръ-апрошными редутами Селенгин-

скимъ и Волынскимъ, образовать передовую оборонительную линію.

«9-го марта люнетъ былъ совершенно окончень и вооружень, послѣ чего непріатель могъ продолжать свои подступы не иначе уже, какъ тихою сапою, не смотря на то, что находился еще въ 470 саж. отъ главныхъ крѣпостныхъ укрѣплений.

«10-го марта, огонь нашей артиллеріи и штуцерныхъ изъ люнета заставилъ непріатель прекратить работы, но должно было полагать, что ночью онъ употребить всѣ усилія, дабы вознаградить потерянное время и быстро подвинуться впередъ летучею сапою.

«Чтобы воспрепятствовать сему, въ ночи съ 10-го на 11-е марта сдѣлана была сильная вылазка по направленію отъ Камчатскаго люнета противъ новыхъ французскихъ апрошей.

«Предпріятіе это поручено было генераль-лейтенанту *Хрулеву*, съ отрядомъ изъ 11 баталіоновъ: 4 баталіона **Камчатскаго** и два баталіона **Углицкаго** Егерскихъ полковъ; 3 баталіона **Днѣпровскаго** и 2 баталіона **Волынскаго** Пѣхотныхъ полковъ; **44-го Флотскаго экипажа** и команды отъ **35-го экипажа**.

«Войска эти, построившись въ ротныя колонны по обѣимъ сторонамъ укрѣпленія, смѣло двинулись впередъ, преодолевъ жестокій огонь непріателя, овладѣли ближайшими его подступами и, не смотря на отчаянное сопротивленіе, ворвались въ главную французскую траншею. Всѣ работы осаждающаго были немедленно

скрыты матросами 35-го и 44-го Флотских экипажей.

«Кровопролитный рукопашный бой продолжался цѣлую ночь, до тѣхъ поръ, пока Французы, съ величайшимъ упорствомъ оборонявшіе свои окопы, оттѣснены были къ задней параллели.

«Тогда генералъ-лейтенантъ Хрулевъ подалъ сигналъ къ отступленію, которое совершенно было войсками нашими въ примѣрномъ порядкѣ.

«Одновременно съ этимъ нападеніемъ, для отвлеченія силъ непріятеля, сдѣланы были двѣ другія вылазки лѣвѣе и правѣе Камчатскаго люнета. Первая поручена была капитану 2-го ранга *Будищеву*, съ отрядомъ изъ **4-хъ ротъ греческихъ волонтеровъ князя Мурузи** и **260 чел. охотниковъ 38 го и 41 го Флотскихъ экипажей и 6-го резервнаго баталіона Минскаго Пѣхотнаго полка.**

«Переколовъ англійскій траншейный карауль, охотники наши заклепали 2 мортиры большого калибра, разорили непріятельскіе ложементы и взяли въ плѣнъ командира 34-го полка, подполковника Келли и 6 рядовыхъ.

«Другая вылазка изъ 475 охотниковъ 30-го и 45-го Флотскихъ экипажей, **Охотскаго Егерскаго полка и 6-го резервнаго баталіона Волынскаго пѣхотнаго полка**, подъ начальствомъ лейтенанта *Бирюлева*, ворвалась въ англійскую траншею, на высотѣ предъ южною бухтою, заклепала одну мортиру, разорила вновь заложенную здѣсь непріателемъ батарею

и взяла въ плѣнъ англійскаго инженернаго капитана и 6 рядовыхъ.

«Такимъ образомъ предпріятіе наше увѣнчалось полнымъ успѣхомъ на всѣхъ пунктахъ; непріятель выбитъ былъ изъ траншей; всѣ работы, произведенныя имъ въ послѣдніе дни, уничтожены. У Французовъ взято въ плѣнъ 62 челов., въ томъ числѣ 2 офицера; у Англичанъ взято 2 офицера и 12 рядовыхъ и заклепано 3 мортиры.

«Во все время боя, городъ былъ сильно бомбардированъ. Въ теченіе ночи брошено непріателемъ до 2 т. бомбъ, которыя не причинили почти никакого вреда войскамъ гарнизона, остававшимся подъ блиндажами.

Свидѣтельствуя о геройскомъ мужествѣ всѣхъ вообще войскъ нашихъ, участвовавшихъ въ семъ кровопролитномъ бою, генераль-адъютантъ князь Горчаковъ въ числѣ особенно отличившихся упоминаетъ: о генераль-лейтенантѣ Хрулевѣ, руководившемъ дѣйствіями главной вылазки; о командирѣ Днѣпровскаго пѣхотнаго полка, подполковникѣ Радомскомъ; капитанѣ 2-го ранга Будицкомъ; лейтенантѣ Бирюлевѣ; начальникъ греческихъ волонтеровъ князь Мурузи и іеромонахъ Іоанникій Савиновъ, который во все время боя, съ крестомъ въ рукахъ, находился впереди нашихъ колоннъ, воодушевлялъ войска и успокаивалъ раненыхъ.

ВЫЛАЗКА

съ 6-го на 7-е апрѣля

Въ ночь съ 6-го на 7-е апрѣля, **100 человекъ охотниковъ** и три роты **Тобольскаго** пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ храбраго и распорядительнаго маіора *Прикота*, сдѣлали вылазку, увѣнчавшуюся совершеннымъ успѣхомъ: одинъ отдѣлъ отряда бросился на ближайшую воронку, другой на выводимое къ ней сообщеніе; два остальные составили резервы.— Передніе отдѣлы перекололи и перестрѣляли непріятеля, занимавшаго въ числѣ трехъ ротъ ближайшую воронку съ ведущимъ къ ней сообщеніемъ, и разорили возведенныя работы; когда же подоспѣлъ непріятельскій резервъ, они вышли изъ воронки и подступа, присоединились къ своимъ резервнымъ отдѣламъ и подвели преслѣдовавшихъ ихъ Французовъ подъ сильнѣйшій картечный огонь бастіона № 4-го.

Потеря, понесенная при этомъ непріателемъ, была весьма значительна; съ нашей же стороны уронъ сравнительно очень малъ.

Въ означенной вылазкѣ всѣ, какъ солдаты, такъ и офицеры, дрались геройски; храбрѣйшіе: капитанъ *Столбинъ*, штабсъ-капитанъ *Загреба* и поручикъ *Писаревъ*—ранены. Особеннаго вниманія заслуживаетъ маіоръ *Прикота*, къ распорядительности и неустрашимости котораго должно по всей справедливости отнести успѣхъ этого дѣла.

СМЕРТЬ ВИЦЕ-АДМИРАЛА ИСТОМИНА.

7-го марта Севастопольскій гарнизонъ имѣлъ несчастіе лишиться начальника 4-го отдѣленія оборонительной линіи — контръ-адмирала *Истомин*.

Въ 10-ть часовъ утра, контръ-адмиралъ *Истоминъ*, послѣ осмотра работъ въ строящемся Камчатскомъ редутѣ, при возвращеніи на Карниловскій бастіонъ, пораженъ былъ въ голову ядромъ, направленнымъ на упомянутый редутъ. Потеря этого блистательно-храбраго, распорядительнаго, исполненнаго рвенія молодого генерала, прискорбна для Русскаго флота и Севастопольскаго гарнизона.

Вице-адмираломъ *Нахимовымъ* приготовлено было для себя мѣсто въ соборѣ Св. Владимира, близъ могилы вице-адмирала *Карнилова*; но какъ *Истоминъ* перешелъ въ вѣчность прежде его, то первый уступилъ ему свое мѣсто, испросивъ позволеніе похоронить тамъ контръ-адмирала *Истомина*, павшаго за Вѣру, Царя, Отечество и правое дѣло.

СИГНАЛЬЩИКЪ.

Севастополь опоясанъ непріятельскими батареями; онѣ нагромождены отъ моря до Черной рѣчки, въ двѣ и болѣе линій, и вооружены.

На батареяхъ у насъ траверзы — спасители отъ ядеръ: блиндажи — защитники отъ бомбъ.

Но всѣ ли знаютъ, что такое *блиндажъ*? Это,

по просту сказать, землянка, у которой потолокъ сдѣланъ изъ брусевъ въ обхватъ толщины, положенныхъ въ два ряда, одинъ вдоль—другой впоперекъ. Такимъ же порядкомъ положено ряда два фашиника, насыпанъ толстый слой земли, еще ряда два фашины и наконецъ на сажень или на полторы насыпана земля. Само собою разумѣется, что посреди блиндированной землянки, чтобы потолокъ не обрушился отъ тяжести, идетъ рядъ колоннъ изъ самыхъ толстыхъ брусевъ. Предъ дверьми—траверзь, чтобы осколки не летѣли въ блиндажъ. Въ такой землянкѣ безопасно. Семи-пудовая бомба не пробиваетъ хорошо устроеннаго блиндажа: размететь землю, иногда фашины; накатника же не пробьетъ. Но подъ блиндажами только свободные отъ службы люди; для тѣхъ же, кто на службѣ, у орудій, на работѣ, для носки снарядовъ, другая, живая и единственная защита — *сигнальщикъ*. Обыкновенно эту должность исполняетъ молодецъ изъ молодецвъ: матросъ или солдатъ, храбрый, твердый, не ротозѣй, зоркій, и опытный глазъ котораго не пропуститъ ни одного непріятельскаго выстрѣла, и его тотчасъ опредѣлитъ: какой снарядъ пущенъ, и, даже приблизительно, упадетъ ли снарядъ на батарею, или пойдетъ дальше. Сигнальщикъ стоитъ на банкетѣ и смотритъ за тѣми только непріятельскими орудіями, которыя, онъ знаетъ, сегодня дѣйствуютъ по его батарее.

«Пушка-а-а!» протяжно кричитъ сигнальщикъ, и кто не очень занятъ своимъ дѣломъ, прыгнетъ за сосѣдній траверзь: летитъ ядро.

«Мартела!.... (*) значить—пущена бомба, но она летитъ тихо, онъ успѣетъ еще разъ оповѣстить о ней; люди знаютъ это и не трогаются съ мѣста. Днем—по звуку, ночью—по полету, сигнальщикъ опредѣляетъ ея направленіе, и если по его расчету она упадетъ на батарею, онъ кричитъ: «бомба!» и тогда люди ложатся, спасаясь отъ осколковъ, а кто успѣетъ—вскочитъ подъ блиндажъ.

Часто, очень часто сигнальщикъ не доканчиваетъ начатаго возгласа, особенно не всякому удастся кончить слово: «пушка!» — ядро вѣдь несется стремительно!....

Тысячи любопытныхъ случаевъ можно подмѣтить, наблюдая за сигнальщиками. Сколько самоотверженія, самаго необыкновеннаго мужества встрѣчаешь въ этихъ людяхъ, рѣшительнаго презрѣнія смерти, насмѣшки надъ ея яростію!

На Камчатскомъ редутѣ, нѣсколько дней спустя послѣ начала его постройки, работалъ Камчатскій егерскій полкъ. Перекрестнымъ огнемъ каталъ непріятель по нашимъ работамъ — не нравилось ему новое сосѣдство! Ночью выстрѣлъ за выстрѣломъ, то съ фронта, то съ фланга изъ-за Килень-балки. Сигнальщикъ цѣлую ночь стоялъ безсмѣнно. Взгрустнулось русской душѣ: онъ, опершись на брустверь, затаилъ въ полголоса, и тянулъ до самаго разсвѣта одну изъ тѣхъ родныхъ ему пѣсень, что, по словамъ од-

(*) Другіе кричатъ «мартына». Такъ солдаты величали мортиру. Вообще, всѣ они, вмѣсто бомба—говорили *бомба*; вмѣсто граната—*граната*: опасность такихъ измѣненій.—Теперь этого не будетъ.

ного русскаго писателя: *зоветъ и рыдаетъ и хватаетъ за сердце.*

Не были снаги... пѣлъ сигнальщикъ, протягивая всякій слогъ до безконечности: *не были снаги-то во полъ... Пуика-а!... забилълся... Мартына!... бомба! забилълся; эхъ, не были... Мартына!... мимо!...* И такъ далѣе цѣлую ночь; но пѣсню эту, съ ея вставками, однимъ съ нею тономъ пропѣтыми, подъ звуки выстрѣла, ревъ и разрывъ снарядовъ можетъ передать только талантливый музыкантъ. Къ разсвѣту непріятель участилъ огонь; пѣсня пресѣклась сама собою; сигнальщикъ безпрестанно долженъ былъ кричать: *бомба! пуика! берегись, граната!* и такъ далѣе.

«Не части, Михѣичъ!» кричалъ ему товарищъ.

— Съ ноги собьешься! смѣясь подхватывалъ другой.

На бастіонѣ № 5-й сигнальщикомъ былъ матросъ 33-го флотскаго экипажа—Иванъ Левко. Безмятежно исполнялъ онъ свою обязанность: проносилаь бомба дальше по направленію къ пѣхотному прикрытію: «*не наша!*» кричалъ Левко: *армейская!*» и прилегшіе было къ землѣ матросы принимались за свою работу. Какъ-то однажды бомба упала въ амбразуру, у которой стоялъ Левко на банкетѣ... трубка горѣла... «*бережись, сопел!*» закричалъ сигнальщикъ... еще мгновеніе... случайно, трубка погасла, бомбу не разорвало: «*не ховайсь, померла!*» протянулъ молодецъ Левко.

Ежеминутно грозящая опасность такъ приучила къ себѣ солдатъ, что ихъ мужество дошло до совершеннаго равнодушія. Въ послѣднее время, на возгласы сигнальщика большинство перестало обращать вниманіе, и только новички ложатся да прячутся. «Отъ руки Божіей не уйдешь!» говорятъ солдаты, и смѣло смотрятъ въ лице смерти. Отвага ихъ дошла до страсти, такъ сказать, вступать въ борьбу съ разрывнымъ снарядомъ. Стоитъ только прочесть приказы главнокомандующаго Крымскою арміею, чтобы съ восторгомъ увидѣть, сколько пожаловано знаковъ отличія Военнаго ордена за потушеніе непріятельской бомбы, или за то, что выброшена граната, или даже бомба съ батареи! Увлеченіе доходитъ до того, что когда упавшая граната катится нѣкоторое пространство, прыгая и догорая, готовая разразиться—человѣкъ пять, шесть солдатъ взапуски бѣгутъ, чтобы догнать ее и вырвать трубку, или другимъ какимъ способомъ потушить снарядъ!...

На Камчатскомъ редутѣ бомба ударила въ траверзъ и зарылась въ немъ. Селенгинскаго пѣхотнаго полка рядовой *Петръ Петровъ*, пронесившій мимо мѣшокъ земли, вскочилъ на траверзъ, высыпалъ землю на мѣсто, въ которое зарылась бомба, и притопталъ ногою землю, думая погасить трубку... По необыкновенной милости Господней, его отвага увѣнчалась успѣхомъ — бомба задохлась!...

Въ темныя ночи Французы бросали противъ Селенгинскаго редута брандсбургскія, и въ то мгновеніе, когда онъ, падая на землю, разбрасываетъ пламя,

осыпали освѣщенное имъ пространство градомъ пуль. Въ одну прекрасную ночь видать—летитъ зловѣщій фонарь—упалъ, покатился вдоль нашихъ работъ, производившихся вблизи редута; Французы пошли строчить!... Охъ, перебьютъ многихъ!... Не долго думавъ, ему наперерѣзъ бросился удалой Макаръ *Сидоренко*, рядовой Селенгинскаго пѣхотнаго полка, догналъ brandсугель, и лишь только онъ успѣлъ остановиться, затушилъ его мѣшкомъ земли!...

СВѢТЛАЯ НЕДѢЛЯ 1855 ГОДА ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

Тяжела была Свѣтлая Недѣля для Севастополя.— Въ Свѣтлое Воскресеніе, въ уцѣлѣвшихъ еще храмахъ, возносились горячія мольбы къ Всевышнему; темное предчувствіе томило всякаго: давно извѣстно было, что непріятель готовится къ новому бомбардированію, замышляемому уже 5 мѣсяцевъ, въ гораздо большихъ размѣрахъ, и видно было, что съ часа на часъ оно начнется.

Въ понедѣльникъ, въ 5 часовъ утра, открылась канонада изъ 250-ти орудій, продолжавшаяся до семи часовъ вечера; союзниками выпущено въ день до двадцати тысячъ выстрѣловъ; наши батареи отвѣчали огнемъ, не столь частымъ, но болѣе мѣткимъ. Вечеромъ канонада перешла въ бомбардированіе; бомбы свѣтились на небѣ, словно звѣзды въ ясную ночь, летая по всѣмъ направленіямъ, во всѣ части города и отдѣльные форты и бастіоны. По всѣмъ вѣроятіямъ,

въ ночь выпускалось до десяти тысячъ бомбъ, болѣе чѣмъ въ три, четыре мѣсяца самыхъ упорныхъ осадъ, когда разсерженный непріятель хотѣлъ обратить въ развалины городъ, ему сопротивлявшійся.

Союзники, мечтавшіе въ 2 дня скрыть наши батареи, производили 11 дней сряду жесточайшую канонаду почти съ равною силою; но ни одной батарее не сбили. На двѣнадцатый день стало немного легче. Не говоримъ о дѣлахъ, бывавшихъ каждую ночь въ ложементѣхъ и цѣпи, гдѣ начиналось перестрѣлкой и доходило до штыковъ. Орудія непріятельскія были гораздо большаго калибра, чѣмъ въ осеннюю бомбардировку; тогда, за исключеніемъ 5-го октября, въ бухтѣ и на Сѣверной все было спокойно. Нынѣ же съ Сапунъ-горы союзники стрѣляли калеными ядрами по бухтѣ въ наши корабли и пускали на Сѣверную сторону разрывныя ракеты. Флотъ не принималъ участія въ бомбардированіи, храня грозное молчаніе; нѣсколько разъ пароходы дымились, корабли строились въ колонны, какъ бы для наступленія, но якорей не поднимали. Только одинъ пароходъ ходилъ, какъ домовый, тревожить сонъ защитниковъ Севастополя: приблизится въ полночь, дастъ залпъ или два по городу, и тотчасъ уходитъ. Нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ съ укрѣпленія № 10-го, отучили однако этого домового отъ ночныхъ прогулокъ.

Чудно-велики были въ Свѣтлую Седмицу моряки-богатыри, давно готовые къ смерти, давно забывшіе все земное. Грозно-величественную картину представлялъ бастионъ во время бомбардированія, точно жерло

огнедышащей горы. Прислуга дѣйствуетъ безъ отдыха изъ орудій; штуцерные стоятъ по банкетамъ; офицеры расхаживаютъ по батареѣ и направляютъ огонь. Ядра, гранаты, бомбы, пули—летаютъ, свистятъ, шипятъ, лопаются, рвутся, рикошетируютъ по всѣмъ направленіямъ; никто не обращаетъ на нихъ вниманія, кромѣ сигнальщика, который, съ трубою въ рукахъ, слѣдуетъ за непріятельскими батареями. Изучивъ ихъ совершенно, онъ знаетъ каждую амбразуру: какое орудіе бьетъ мѣтко или мимо, рѣдко или часто, когда начинаетъ дѣйствовать та или другая батарея. Днемъ 14 часовъ сряду не умолкаетъ огонь; сигнальщикъ смотритъ все время внимательно, и непріятель стрѣляетъ какъ бы по его командѣ. Слушай! шестіорудійная, разъ, два, три, шесть, штопъ! Трехъ-мортирная! Бомба; правый флангъ берегись! Бомба — армейская!—Значить, грозитъ прикрытію, состоящему изъ пѣхоты.—Бомба пить пошла! т. е. упадетъ въ бухту. Бомба—наша, сердитая!—И бомбу разорвало въ самой батарее.—Нѣсколько человѣкъ лишилось жизни; кому оторвало руку или ногу; ни стопа, ни жалобъ не слышно. Являются немедленно носильщики, и относятъ раненыхъ на перевязочный пунктъ. Сигнальщикъ не поворотилъ даже головы; онъ все смотритъ на непріятеля; канонада гремитъ. «Вторая очередь начинай! Пушка вжигъ!» И граната впила въ брустверъ, лопнула и подняла облако земли. Бомба, наша! И съ страшнымъ визгомъ бомба упала на блиндажъ и разорвалась, не пробивъ накатника. «Люди на верхъ!» раздается громовый голосъ командира ба-

тарей.—«Есть!»—И мигомъ заброшена землею и камнями огромная воронка. Попади туда тотчасъ другая бомба, накатникъ былъ бы пробить, и человекъ десять могли бы быть подъ нимъ раздавлены. Это случилось. Всего же ужаснѣе, когда букетъ бомбъ падаетъ разомъ на пороховой погребъ и взрываетъ его; благодаря предосторожностямъ, нынѣ это случалось рѣже, чѣмъ въ первое бомбардированіе, хотя въ нынѣшній разъ были бомбы семи-пудоваго калибра.

При обыкновенныхъ осадахъ ночью стрѣляютъ менѣе, и гарнизонъ имѣетъ нѣкоторый отдыхъ. Здѣсь ночью бомбы падаютъ по тысячѣ и болѣе на бастіонъ, и не даютъ покоя: то амбразуру испортить, то станокъ разобьетъ, то платформу изломаетъ въ щепы, то людей переранить. Ночью матросы мало спятъ; они то тащатъ запасное орудіе, для замѣны подбитаго, то носятъ ядра, картузы, чинятъ амбразуры, поднимаютъ мерлоны, траверзы, и т. п. И такая боевая служба продолжается не день, не недѣлю, а многія недѣли. Осьмой мѣсяць сряду чудо-богатыри смотрятъ, съ утра до вечера и съ вечера до утра, прямо въ очи лютой смерти.

Да! Россія гордится именами: Корнилова, Нахимова, Истомина, Новосильскаго, Панфилова, Шварца, Никонова, Будищева, Завалишина, Новикова, Реймерса, Кутора, Бѣлкина, Шумова, Ергомышева, Астапова, Бирюлева, Ильинскаго, Антипова и многихъ другихъ.

Истоминъ, одинъ изъ героевъ Синопа, болѣе 5 мѣсяцевъ жилъ въ Малаховой башнѣ, считалъ себя и товарищей давно обреченными на жертву, былъ

увѣренъ, что положить здѣсь голову, но служилъ примѣромъ дѣятельности, бдительности, заботливости, слѣдилъ безотлучно за работами. «Лишній ударъ заступа, говорилъ онъ, можетъ спасти жизнь человѣку.» За то изъ кургана, гдѣ ничего первоначально не было, создалъ онъ, подъ непріятельскими пушками, большую, сильную крѣпость.

Что можетъ поддерживать, въ столь тяжелое время, такъ долго духъ моряковъ: высшія побужденія, военныя и гражданскія, преданность Вѣрѣ, Царю, Отечеству, честь флота, и въ сильной степени развитое чувство нравственной дисциплины. Бастіонъ замѣнилъ моряку утопленника-корабля: тотъ же командиръ, офицеры, боцманъ, тотъ же флотскій экипажъ, тѣ же пушки, та же теплится лампада предъ иконою. Едва ступилъ морякъ на бастіонъ—онъ герой, онъ исправенъ какъ часовой; на бастіонѣ служба такъ же строга, какъ и на кораблѣ. Стоя на батарее, онъ защищаетъ и честь флага, и родину, ибо съ высокаго вала онъ видитъ домъ свой, садикъ, семейство—флотскій хуторъ.

Все это объясняетъ, какимъ образомъ могъ возникнуть сонмъ такихъ героевъ-офицеровъ, цѣлые экипажи закаленныхъ богатырей, съ непоколебимою волею, желѣзнымъ здоровьемъ и твердою рѣшимостію отстоять крѣпость, или пасть всѣмъ до послѣдняго. Сохранимъ имена ваши для славы Россіи, для чести Черноморскаго флота и въ вѣчный примѣръ грядущимъ поколѣніямъ....

Южная сторона Севастополя сильно пострадала; множество домовъ разрушено, виднѣются только однѣ

стѣны, нашъ большой и красивый театръ уже не существуетъ. Остальная же часть города къ сѣверу пострадала гораздо меньше, хотя и здѣсь нѣтъ, кажется, ни одного дома, въ которомъ бы граната, бомба, ядро или конгревова ракета не просверлила стѣны или крыши, или гдѣ бы осколкомъ бомбы не выбило стекла или рамы; на улицахъ тоже множество ямъ, произведенныхъ бомбами и конгревовыми ракетами. Мостовыя въ этихъ мѣстахъ взрыты и камни разбросаны вокругъ; повсюду валяются ядра и осколки бомбъ; по окончаніи войны мы ихъ соберемъ и поставимъ изъ нихъ обелискъ, въ память потомству, о знаменитомъ бомбардированіи Севастополя двумя христіанскими державами союзницами лже-пророка. Но не заключите изъ этого, что жители Севастополя разбѣжались: за исключеніемъ не многихъ, они живутъ всѣ въ своихъ, хотя и поврежденныхъ, домахъ. Въ лавкахъ и магазинахъ вездѣ торгуютъ, и вы найдете все; гостиницы тоже всѣ открыты; однимъ словомъ, все почти идетъ своимъ порядкомъ. По улицамъ вы встрѣтите много гуляющихъ дамъ и дѣвицъ и, что забавнѣе всего, на улицахъ вы увидите множество ребятишекъ, матросскихъ дѣтей, между которыми происходятъ разныя воинственныя и забавныя сцены. Такъ напримѣръ: они раздѣляются на двѣ партіи, строятъ баррикады и батареи и дерутся между собою, бросаютъ другъ въ друга ядра и бомбы, сдѣланныя изъ глины, въ слѣдствіе чего, иногда у кого-нибудь изъ воюющихъ подобьютъ носъ или зубы, такого относятъ на носилкахъ на *перевязочный пунктъ*. У нихъ бываютъ также

и ночныя вылазки. На корабельной слободкѣ, при паденіи бомбы, не разъ видали мальчишекъ, которые, схватившись руками, составляютъ около нея кругъ и, кружась, кричатъ: «бомба идетъ, бомба идетъ! кого-то хватить, кого-то хватить!»—а если она, разрываясь, действительно поразить кого-нибудь изъ нихъ осколками, разбѣгаются во всѣ стороны съ криками: «Ванькухватило, Митькухватило!»—или называя другихъ пораженныхъ товарищей. Изъ этого вы видите, что у насъ все дышитъ военнымъ духомъ. Въ настоящее время единственнымъ мѣстомъ прогулки и препровожденіемъ времени въ Севастополь служитъ новый бульваръ, что у памятника Казарскаго; оттуда открывается прекрасный видъ окрестныхъ горъ, гдѣ какъ на ладони видны непріятельскіе лагерь и траншеи; а съ другой стороны, обширный видъ Чернаго моря, гдѣ стоитъ весь союзный Турко-Англо-Французскій флотъ. Съ Сѣверной же стороны безпрестанно день и ночь пристають къ Екатерининской пристани пароходы, боты, шаланды и баркасы, нагруженные турами, фашинами, ядрами, бомбами, порохомъ и разными боевыми припасами; на пристани повсюду навалены лафеты, пушки, мортиры, бревна и множество разныхъ артиллерійскихъ принадлежностей. Въ домѣ благороднаго собранія—главный перевязочный пунктъ. Я тамъ часто бываю и не могу не сказать нѣсколько словъ о сестрахъ Крестовоздвиженской общины попеченія о раненыхъ. Я самъ видѣлъ заботливость и попеченія ихъ о раненыхъ; повторяю, самъ видѣлъ, какъ нѣжныя ихъ руки омывали и перевязывали страшныя

раны; онъ мужественно переносять видъ текущей крови, многоразличныхъ мученій и тяжкихъ язвъ въ этомъ жилищѣ страданія и смерти. Наши раненые солдаты такъ привыкли къ нимъ и такъ ихъ полюбили, что называютъ ихъ не иначе, какъ «матушка моя, кормилица моя». Да наградить ихъ Богъ! Нельзя еще не изумляться здѣсь профессору *Пирогову*. Этотъ гениальный хирургъ не оцѣнимъ; подобнаго ему по искусству и неутомимости едва ли можно встрѣтить: онъ весь привязанъ къ своему дѣлу, и, кажется, у него нѣтъ другой мысли, какъ о раненыхъ больныхъ.

Р.

ОТБИТІЕ ШТУРМА

6-го іюня 1855 года.

Послѣ третьяго грознаго бомбардированія, продолжавшагося пять сутокъ, съ 25-го по 30-е мая, Севастопольская оборонительная линія, въ самое короткое время, приведена была въ прежній видъ. Доблестные защитники Севастополя, чуждые страха и усталости, подъ адскимъ огнемъ, производили исправленія полуразрушенныхъ укрѣпленій и съ хладнокровіемъ создавали новыя батареи, для противодѣйствія непріятельскимъ апрошамъ.

5-го іюня, въ 3¹/₂ часа по полуночи, противъ бастіоновъ и укрѣпленій Корабельной стороны, непріятель, по данному сигналу, со всѣхъ своихъ батарей открылъ усиленный огонь. Въ продолженіе

двухъ часовъ артиллерія его дѣйствовала почти непрерывными залпами; наши батареи отвѣчали самымъ учащеннымъ огнемъ.

Въ два часа пополудни, осаждающій началъ столь же усиленную канонаду и противъ правой половины нашей оборонительной линіи; огонь сдѣлался общимъ и продолжался до поздняго вечера; съ наступленіемъ темноты и въ теченіе всей ночи непріятель производилъ усиленное бомбардированіе, бросалъ бомбы и ракеты въ городъ, на рейдъ и на Сѣверную сторону; непріятельскій парохоть-фрегатъ стрѣлялъ залпами по нашимъ береговымъ батареямъ, по рейду и городу.

Не смотря на постоянный навѣсный и прицѣльный огонь по нашимъ веркамъ, работы по исправленію укрѣпленій производились дѣятельно, подбитыя орудія замѣнялись новыми. Въ особенности въ ночь съ 5-го на 6-е іюня на бастионѣ Корнилова, 1-й баталіонъ Сѣвскаго пѣхотнаго полка, подъ личнымъ наблюденіемъ командира полка, съ необыкновенною дѣятельностію и неустрашимостію производилъ работы подъ самымъ убійственнымъ огнемъ.

Усиленное бомбардированіе и необычное движеніе колоннъ на правомъ флангѣ осаждающихъ давали поводъ думать, что непріятель имѣетъ въ виду предпринять рѣшительныя дѣйствія противъ укрѣпленій Корабельной стороны.

Согласно диспозиціи, предварительно данной гарнизону генераль-адъютантомъ графомъ *Остенъ-Сакенъ*, войска были въ готовности къ отраженію атаки. 6-го Іюня, едва начало свѣтать, какъ непріятель

густымъ разсыпнымъ строемъ, поддержаннымъ сильными колоннами и большими резервами, одновременно повелъ атаку противъ лѣвой половины нашей оборонительной линіи, отъ бастіона № 1-го до Пересыпи.

На правомъ флангѣ и въ центрѣ атаки были Французы, на лѣвомъ флангѣ Англичане. Доковой оврагъ служилъ чертою раздѣла французскихъ войскъ отъ англійскихъ.

Изъ показаній плѣнныхъ офицеровъ извѣстно (*), что диспозиціею, данною атакующимъ войскамъ, определено было овладѣть всею восточною частию Севастополя до Южной бухты. Французы должны были занять бастіоны: Корнилова №№ 1-й и 2-й; Англичане — овладѣть бастіономъ № 3-й.

Для атаки назначались: французскихъ войскъ — около 30,000 и пять дивизій англійскихъ — до 20 тысячъ человекъ.

Французскія колонны имѣли въ 1-й линіи густую цѣпь застрѣльщиковъ, поддержанную частными резервами.

1-я линія Англичанъ состояла изъ охотниковъ, по 30 человекъ съ каждаго полка арміи, 1,500 чел.; во второй линіи было 15 полковъ, около 10,500 чел. Шотландскія и англійскія войска въ резервѣ.

Общій ходъ боя былъ слѣдующій:

(*) Въ инструкціи, найденной на одномъ убитомъ англійскомъ инженерномъ офицерѣ, указывалось на тѣ работы, которыя должны были произвести саперы по овладѣніи казармами и госпиталемъ; кромѣ различныхъ штурмовыхъ инструментовъ, саперамъ приказано было имѣть мѣшки съ порохомъ, для взрыванія тѣхъ частей строеній, гдѣ русскіе будутъ держаться съ наибольшимъ упорствомъ.

ОТБИТІЕ НЕПРІЯТЕЛЬСКОЙ АТАКИ ПРОТИВЪ БАСТІОНА № 1-ГО

Около 2-хъ часовъ пополудни Брянскаго Егерскаго (нынѣ генераль-адъютанта князя Горчакова) полка Подпоручикъ *Хрущевъ*, находившійся въ секретѣ предъ бастіономъ № 1-го, далъ знать Свиты Его Величества генераль-маіору князю *Урусову* (*), что весьма значительныя части непріятельскихъ силъ сосредоточены въ Килень-балочномъ оврагѣ.

По этому извѣстію, войска наши, занимавшія бастіоны, приготовлены были къ занятію опредѣленныхъ имъ мѣстъ.

Около 3-хъ часовъ непріятельскія колонны начали подыматься изъ Килень-балки и въ то же время густая цѣпь застрѣльщиковъ бросилась на 1-й бастіонъ.

Наступленіе это было произведено подъ покровительствомъ траншейныхъ батарей осаждающаго и полевой его артиллеріи, которая была выдвинута на высоту за Селенгинскимъ редутомъ.

По распоряженію командующаго Кременчугскимъ Егерскимъ полкомъ Подполковника *Сербинина*, непріятельскія цѣпь и колонны, встрѣченныя картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, вынуждены были пріостановить свое наступленіе. Въ то же время пароходы наши: *Владиміръ*, *Громоносецъ*, *Херсонесъ*, *Крымъ*, *Бессарабія* и *Одесса*, подойдя къ устью Килень-балки, убійственнымъ огнемъ своей артиллеріи привели въ замѣшательство непріятельскіе резервы.

(*) Нынѣ генераль-адъютантъ.

Не смотря на сильный огонь и огромныя потери, атакующій, послѣ двукратной остановки, снова двинулся къ бастиону; но дружно встрѣченный картечью и ружейнымъ огнемъ, не внимая голосу своихъ начальниковъ, въ безпорядкѣ отступилъ назадъ.

ОТБИТІЕ НЕПРІЯТЕЛЬСКОЙ АТАКИ НА БАСТИОНЪ № 2-ГО.

Въ три часа пополудни, во время общей атаки, вслѣдъ за густою цѣпью стрѣлковъ, шагахъ въ 50-ти, слѣдовали колонны.

Нападеніе было произведено на оба исходящіе угла бастиона.

Послѣ первыхъ выстрѣловъ картечью и ружейнаго огня по всей линіи, цѣпь атакующаго обратилась назадъ. Колонны спустились въ лощину и оттуда завязали стрѣльбу. Ни приказанія начальниковъ, ни личный примѣръ ихъ, не могли заставить непріятеля возобновить атаку.

Пароходы наши, приблизясь въ самомъ началѣ приступа къ устью Килень-балки и дѣйствуя по непріятельскимъ войскамъ вдоль сего оврага, вмѣстѣ съ батареями Сѣверной стороны, огнемъ своимъ наносили сильное пораженіе резервамъ штурмующихъ колоннъ, и тѣмъ много помогли успѣшному отраженію атаки. Полевая артиллерія, выдвинутая непріятелемъ на высоту за Селенгинскимъ редутомъ, принуждена была сняться съ позиціи и отойти назадъ еще до окончанія приступа.

Войска наши рвались преслѣдовать отступающаго въ безпорядкѣ непріятеля; но удерживаемыя приказаніями начальниковъ, оставались на банкетахъ.

ОТБИТІЕ НЕПРІЯТЕЛЬСКОЙ АТАКИ МЕЖДУ БАСТІОНАМИ 2-ГО И КОРНИЛОВА.

Упорная атака на куртину между бастіонами № 2-го и Корнилова, была блистательно отражена 2-мъ баталіономъ Суздальскаго полка, подъ начальствомъ командира полка, Полковника *Дарагана*, и двумя сводными застрѣльщичьими баталіонами Якутскаго и Селенгинскаго полковъ, подъ командою Маіора *Степана*, которые, прибывъ туда въ началъ приступа, заняли банкеты куртины, имѣя въ резервѣ двѣ сводныя же роты Суздальскаго полка, подъ командою Капитана *Мичурина*.

По третьей сигнальной ракетѣ, Французы вышли изъ траншей передъ Камчатскимъ редутомъ и устремились на куртину и на рогатки; охотники шли впереди съ штурмовыми лѣстницами.

Не смотря на сильный картечный и ружейный огонь, Французы отважно шли впередъ; голова колонны спустилась въ ровъ, охотники бросились приставлять лѣстницы; но неустрашимые защитники куртины, вскочивъ на крону бруствера, стрѣляли въ упоръ по смѣльчакамъ, кололи ихъ штыками, били прикладами и кидали каменья въ ровъ.

Непріятель былъ отбитъ, бросилъ лѣстницы, и, отстрѣливаясь, отошелъ назадъ; тамъ, построившись, пытался еще два раза кидаться на приступъ куртины; но два раза отраженный, поспѣшно отступилъ въ свои траншеи.

ОТБИТІЕ АТАКИ НА БАСТІОНЪ КОРНИЛОВА.

Приступъ на бастіонъ Корнилова, сильнѣйшій пунктъ нашей оборонительной линіи, произведенъ былъ въ значительныхъ силахъ. По сигналамъ изъ Камчатскаго редута и Доковаго оврага, колонны Французовъ, примѣрно до 12 т., за густою цѣпью стрѣлковъ, стремительно бросились на всю линію 4-го отдѣленія; главная часть направлялась на бастіонъ Корнилова. Но здѣсь, по распоряженію Генераль-маіора *Юфберова*, все было готово къ встрѣчѣ непріятеля. Сильный картечный и ружейный огонь остановилъ атакующія колонны во 100 шагахъ отъ рва.

Смѣшавшійся непріятель отступилъ въ Доковую балку и въ свои траншеи; тамъ, устроясь вновь, два раза покушался подойти ко рву бастіона, но всякій разъ встрѣчаемый сильнымъ огнемъ, былъ окончательно опрокинутъ, приведенъ въ разстройство и бѣжалъ въ свои траншеи.

Картечь и батальный огонь съ Корнилова бастіона произвели страшное опустошеніе въ рядахъ Французовъ. Подошва Малахова кургана и пространство до непріятельскихъ траншей были покрыты ихъ тѣлами.

АТАКА НЕПРІЯТЕЛЯ НА БАТАРЕЮ ЖЕРВЕ.

Вслѣдъ за первою попыткою на бастіонъ Корнилова, непріятель, изъ Доковой балки, быстро ударилъ на батарею Жерве, и, не смотря на сильный огонь, овладѣлъ батареею. 1-й баталіонъ Полтавскаго пѣхотнаго полка, послѣ упорнаго рукопашнаго боя на брустверѣ, принужденъ былъ отступить передъ многочисленнымъ непріателемъ. Французы, преслѣдуя баталіонъ, заняли домики и развалины у подошвы западнаго ската Малахова кургана, и стремились впередъ къ Доковой плотинѣ,—но здѣсь былъ предѣлъ ихъ успѣху.

Бдительный и опытный начальникъ атакующей линіи, Генераль-лейтенантъ *Хрулевъ*, зорко слѣдилъ за ходомъ боя и немедленно явился тамъ, гдѣ угрожала опасность. Схвативъ возвращавшуюся съ работъ **5-ю мушкетерскую роту Сѣвскаго** пѣхотнаго полка, и устроивъ отступающій баталіонъ Полтавскаго полка, онъ двинулъ ихъ въ штыки на непріятеля.

Въ то же самое время, по приказанію Генераль-лейтенанта Хрулева, приведены были изъ резерва, Генераль-лейтенантомъ *Павловымъ*, шесть ротъ Якутскаго полка, изъ которыхъ двѣ роты, съ Маіоромъ *Новоминымъ*, ударили на непріятеля съ фронта, а баталіонъ, подъ командою Полковника *Аленикова*, подкрѣпилъ храбрую роту Сѣвскаго полка.

У домиковъ и развалинъ завязалась кровопролитная схватка; засѣвшіе въ нихъ Французы защища-

лись съ яростію; каждый домикъ надлежало брать съ боя. Солдаты наши взлѣзали на дома, разбирали крыши и поражали камнями засѣвшаго тамъ непріателя, или, врываясь въ двери, кололи и брали въ плѣнъ Французовъ.

Батарея Жерве, на которой одно орудіе было обращено противъ насъ, отбита у непріателя смѣлымъ натискомъ Сѣвской роты, съ баталіономъ Полтавскаго и 6-ю ротами Якутскаго полковъ. Французы, не смотря на значительныя силы, введенныя ими на этомъ пунктѣ въ дѣло, были опрокинуты и преслѣдуемы до своихъ траншей нашими войсками.

Непріатель, устроившись, три раза покушался снова овладѣть батареею Жерве, но тщетно: вновь повторенныя атаки его на эту батарею были отбиты оборонявшими ее войсками, подкрѣпленными 3-мъ баталіономъ Елецкаго пѣхотнаго полка.

Въ 5-й мушкетерской ротѣ Сѣвскаго полка, покрывшей себя славою въ этомъ жаркомъ бою, осталось на лицо послѣ приступа только **33 человека**. Командиръ роты, храбрый Штабсъ-капитанъ *Островскій*, палъ въ началѣ дѣла; начальство надъ ротою принялъ по немъ Подпоручикъ *Келлеръ*.

ОТВѢТІЕ АНГЛІЙСКОЙ АТАКИ НА БАСТІОНЪ № 3-ГО.

Въ три часа утра, непріятель изъ ближайшихъ траншей своихъ двинулся двумя колоннами на исходящій уголъ бастіона № 3-го: передовыя шеренги колоннъ несли лѣстницы, туры и фашины.

Начальникъ 3-го отдѣленія, храбрый Контръ-адмиралъ *Панфиловъ*, встрѣтилъ атакующаго непріятеля картечнымъ огнемъ изъ орудій бастіона и ружейнымъ огнемъ баталіона Брянскаго егерскаго полка.

Англичане, бросивъ лѣстницы и штурмовыя принадлежности, въ безпорядкѣ отступили въ свои траншеи.

Вновь построившись, непріятель вторично двинулся впередъ; но снова отраженный нашимъ огнемъ, подался назадъ и сталъ принимать вправо къ батарее *Будищева*, а противъ лѣваго фаса бастіона и батареи *Яновскаго* началъ разбирать засѣки. Войска наши вскочили на брустверь и, осыпая непріятеля градомъ пуль, заставили его отступить и спуститься къ Доковой балкѣ, подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ съ батареями *Будищева* и *Яновскаго*.

Въ это время новыя колонны Англичанъ сдѣлали третью попытку овладѣть 3-мъ бастіономъ; они успѣли уже разобрать часть засѣкъ противъ исходящаго угла, но и здѣсь были остановлены картечью и ружейнымъ огнемъ. Атакующіе покушались также броситься на правый фасъ бастіона, но были окончательно отражены и отступили въ Лабораторную балку.

Батарея *Потемкина* дѣйствовала картечью по подступамъ къ 3-му бастіону и по Лабораторной балкѣ; батарея *Никонова* стрѣляла усиленно ядрами и гранатами.

1-й баталіонъ Брянскаго егерскаго (нынѣ генераль-адъютанта князя Горчакова) полка, сводный резервный баталіонъ Волынскаго и Минскаго полковъ и двѣ роты Охотскаго, расположенныя по банкетамъ, вправо отъ 3-го бастіона, производили сильный ружейный огонь по колоннамъ, атаковавшимъ правый фась бастіона.

ОТБИТІЕ АТАКИ ПРОТИВЪ БАТАРЕЙ НА ПЕРЕ- СЫПИ.

Одновременно съ атакою 3-го бастіона, было произведено Англичанами нападеніе на батареи наши на Пересыпи.

На разсвѣтъ, въ то время, когда ночные секреты, расположенные впереди сихъ батарей, смѣнялись штуцерными, густая цѣпь Англичанъ бросилась на наши передовые посты. 37 человекъ штуцерныхъ и 12 матросовъ, бывшіе въ секретахъ, успѣли отступить въ порядкѣ, согласно съ приказаніемъ.

Цѣпь Англичанъ разсѣялась по домикамъ и садамъ на днѣ лощины. Въ это время открытъ былъ по неприятелю сильнѣйшій артиллерійскій огонь съ батареей: *Брылкина, Сталя и Перекомскаго*.

Англійскія колонны пытались ринуться на батареи Брылкина и Перекомскаго, но были удержаны нашимъ огнемъ, направленнымъ на нихъ дѣятельнымъ и распорядительнымъ командиромъ батареи на Пересыпи, флигель-адъютантомъ, Капитаномъ 1-го ранга *Кислинскимъ*, и въ безпорядкѣ отступили въ Лабораторную балку, оставя на мѣстѣ много труповъ.

Пѣхота наша, занимавшая батареи на Пересыпи, подъ командою Полковника *Малевскаго*, мѣткимъ ружейнымъ огнемъ много содѣйствовала отраженію непріателя.

Во время наступленія Англичанъ на батарею Брылкина, нѣсколько человекъ изъ ихъ цѣпи бросилось на нашу батарею на Грибкѣ, гдѣ пятеро взяты въ плѣнъ.

Въ 6-мъ часу утра приступъ былъ отраженъ на всѣхъ пунктахъ.

Со всѣхъ батарей англійскихъ и французскихъ летѣлъ градъ снарядовъ на наши верки и городъ; по всей линіи горѣлъ сильный ружейный огонь.

Послѣ полудня канонада стала утихать, и къ вечеру совершенно ослабѣла.

Потеря наша во время бомбардированія и штурма 5-го и 6-го іюня слѣдующая: *убито*: 2 штабъ-офицера, 14 оберъ-офицеровъ и 781 нижнихъ чиновъ; *ранено*: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 43, нижнихъ чиновъ 3,132; *контужено*: 1 генераль, 5 штабъ-офицеровъ, 29 оберъ-офицеровъ и 815 нижнихъ чиновъ; сверхъ того, легко раненыхъ и контуженныхъ, оставшихся во фронтѣ: 2 генерала, 12

штабъ-офицеровъ, 57 оберъ-офцеровъ и 879 нижнихъ чиновъ.

Къ общему сожалѣнію, въ теченіе 3-го и 6-го чиселъ іюня мѣсяца, г. Севастополь, изъ храбрыхъ защитниковъ своихъ, потерялъ: *убитыми*: достойнаго командира батареи, Капитана 1-го ранга *Будищева*, Минскаго пѣхотнаго полка Маіора *Рудановскаго*, командира 5-й мушкетерской роты Сѣвскаго пѣхотнаго полка, Штабъ-капитана *Островскаго*. *Ранеными*: начальника 4-го отдѣленія, храбраго и распорядительнаго Капитана 1-го ранга *Юрковскаго* (умеръ отъ раны), начальника батарей на Пересыпи, флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества, Капитана 1-го ранга *Кислинскаго*, Елецкаго пѣхотнаго полка Подполковника князя *Багратісна* и Одесскаго егерскаго полка Подполковника *Никитина*; Морской Артиллеріи капитана *Станиславскаго*. Въ числѣ контуженныхъ находятся: Генералъ-маіоръ *Замаринъ* и Капитанъ 1-го ранга *Микрюковъ*.

Потеря, понесенная союзными арміями, должна быть огромная.

На другой день послѣ приступа, союзные главнокомандующіе просили о перемиріи—для уборки тѣлъ.

Отъ обѣихъ сторонъ, на всемъ пространствѣ, гдѣ происходилъ приступъ, выставлены были безоружныя цѣпи войскъ, на срединѣ между оборонительною линіею и передними непріятельскими траншеями. Солдаты наши сносили съ атакованнаго наканунѣ пространства непріятельскіе трупы и клали ихъ между цѣпами, откуда Французы и Англичане уносили ихъ далѣе.

Непріятель убиралъ своихъ убитыхъ до поздняго вечера, и число собранныхъ имъ тѣлъ, около одной только оборонительной линіи, было до двухъ тысячъ. Весь уронъ непріятельскій во время приступа можно положить отъ 10 до 13 т. человекъ, выбывшихъ изъ строя.

Въ рукахъ нашихъ, за исключеніемъ умершихъ отъ ранъ, осталось: французскихъ войскъ: одинъ штабъ-офицеръ, 16 оберъ-офицеровъ и 270 нижнихъ чиновъ; англійскихъ войскъ: одинъ штабъ-офицеръ и 5 нижнихъ чиновъ.

Геройство и самоотверженіе, съ коими всѣ чины Севастопольскаго гарнизона, отъ генерала до солдата, стремились исполнить свой долгъ, превосходятъ всякую похвалу. Пѣхота, моряки и артиллерійская прислуга при орудіяхъ соревновали другъ передъ другомъ, и всѣ, руководимые однимъ общимъ желаніемъ—отразить врага отъ Севастополя, съ величайшимъ хладнокровіемъ и мужествомъ исполняли обязанности свои и презирали смерть.

Полевая артиллерія, размѣщенная на оборонительной линіи, оказала значительную услугу оборонѣ.

Въ числѣ наиболѣе отличившихся, кромѣ начальника гарнизона, Генераль-адъютанта графа *Остенъ-Сакена* и помощника его, Адмирала *Нахимова*, столь доблестно распоряжающихся всею обороною Севастополя, Главнокомандующимъ названы:

Генераль-лейтенантъ *Хрулевъ*, которому преимущественно принадлежитъ честь этого дня, какъ командовавшему всею атакованною дистанціею; начальника

штаба гарнизона, Свиты Его Величества Генераль-маіоръ князь *Васильчиковъ*; начальникъ оборонительныхъ работъ, Свиты Его Величества Генераль-маіоръ *Тотлебенъ* и начальникъ артиллеріи въ Севастополь, Полковникъ *Шейдеманъ*, — какъ лица, которыя, постоянными своими трудами, имѣли непосредственное вліяніе на ходъ обороны, выдержаніе бомбардированія и отраженія непріятельскаго приступа; Свиты Его Величества Генераль-маіоръ князь *Урусовъ* (*), отбившій атаку на 1-й и 2-й баціонъ и на соединяющую ихъ оборонительную стѣнку; Контръ-адмиралъ *Панфиловъ*, отразившій атаки на 3-е отдѣленіе; начальники отдѣленій, Капитаны 1 ранга: *Перелешинъ* 1-й и *Перелешинъ* 2-й, начальники батарей на Пересыпи, флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества, Капитанъ 1-го ранга *Бислинскій*; командиръ парохода *Владиміръ*, Капитанъ 1-го ранга *Бутаковъ*; начальники пѣхотныхъ войскъ: Генераль-лейтенантъ *Павловъ*, Генераль-маіоры: *Лысенко*, *Юберовъ* и *Замаринъ*; командиры полковъ: Камчатскаго егерскаго — Полковника *Голевъ*, Охотскаго егерскаго — Полковникъ *Малевскій*, Суздальскаго пѣхотнаго — Полковникъ *Дараганъ*, Кременчугскаго егерскаго — Подполковникъ *Сербининъ*, Брянскаго егерскаго — Полковникъ *Ганъ*, егерскаго князя Варшавскаго — Подполковникъ *Краевскій*, Сѣвскаго пѣхотнаго — Полковникъ *Марковъ*, Владимірскаго пѣхотнаго — Подполковникъ *де-Жерве*, Селенгинскаго пѣхотнаго —

(*) Нынѣ генераль-адъютантъ.

Генераль-маіоръ *Сабашинскій*, Якутскаго пѣхотнаго—
Генераль-маіоръ *Бялый* и Полтавскаго пѣхотнаго —
Подполковникъ князь *Урусовъ*; командиры батарей:
Капитанъ 1-го ранга *Никоновъ*; Капитанъ-лейтенан-
ты: *Янушевскій*, *Орловъ*, Лейтенанты: *Комаровскій*,
Хоменко, *Сталь*, *Брылжинъ* и *Перекомскій* и Мич-
манъ *Яновскій*; командующій Легкою Полевою Артил-
леріею Подполковникъ *Дементьевъ*; помощникъ на-
чальника штаба гарнизона, Ольвіопольскаго Улан-
скаго полка Полковникъ *Козляниновъ* 2-й и генераль-
наго штаба Подполковникъ *Циммерманъ*; Помощники
Свиты Его Величества Генераль-маіора Тотлебена:
Командиръ 4-го Сапернаго баталіона, Полковникъ
Гарднеръ, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго баталіона Штабсъ-
капитанъ *Тидебель* и инженеръ-Поручикъ *Домерщиковъ*.

Особо отличившіеся во время отбитія штурма: Якут-
скаго пѣхотнаго полка Полковникъ *Аленниковъ* и Маіоръ
Новашинъ, Селенгинскаго пѣхотнаго полка Маіоръ
Степановъ, Полтавскаго пѣхотнаго Подполковникъ
Грушко, Суздальскаго, Капитанъ *Мичуринъ* и Сѣвскаго
пѣхотнаго полка Подпоручикъ *Келлеръ*.

Начальники частей правой половины оборонитель-
ной линіи, кромѣ постоянныхъ ихъ заслугъ, весьма
много содѣйствовали общему успѣху: Генераль-маіоръ
Мартинау; начальника 1-го отдѣленія, Генераль-
маіоръ *Семакинъ* (*); начальникъ береговыхъ батарей,
Генераль-маіоръ *Нихельштейнъ*, начальникъ 2-го отдѣ-

(*) Нынѣ генераль-лейтенантъ.

ленія, Генераль-маіоръ *Шулгиз* и помощникъ его, Капитанъ 1-го ранга *Микрюкъ*.

Начальникъ Главнаго Штаба ввѣренныхъ мнѣ войскъ, Генераль-адъютантъ *Коцебу*, который, соединяя въ себѣ военныя достоинства, ставящія его на ряду первыхъ генераловъ въ русскомъ войскѣ, съ необыкновеннымъ усердіемъ и неутомимою дѣятельностію, исполняетъ многосложныя лежащія на немъ обязанности; а такъ же — Генераль-квартирмейстеръ, Генераль-лейтенантъ *Бутурлинъ*; Дежурный генераль, Генераль-лейтенантъ *Ушаковъ*; начальникъ артиллеріи, Генераль-лейтенантъ *Сергпутовскій* и начальникъ штаба артиллеріи, Генераль-маіоръ *Крыжановскій*.

СМЕРТЬ НАХИМОВА.

28-го іюня, въ 8 часовъ пополудни, Адмираль Нахимовъ, при обычномъ посѣщеніи своемъ бастіона Корнилова, былъ смертельно раненъ пулею въ голову.

29-го числа Павелъ Степановичъ скончался...

И не стало той колоссальной личности, которая составляла надежную опору защиты Севастополя — гордость Черноморскаго флота!...

Необыкновенное самоотверженіе, полное презрѣніе опасности, постоянная дѣятельность и готовность сдѣлать все, не соразмѣряя силъ, для спасенія роднаго Севастополя и флота — были отличительныя черты Павла Степановича.

Павель Степановичъ имѣлъ около 60 лѣтъ, былъ весьма бодръ и пользовался полнымъ здоровьемъ. Въ движеніяхъ Павла Степановича замѣтны были: какая-то постоянная суетливость и озабоченность.

Во всѣхъ вопросахъ, гдѣ суша и море сходились на однихъ интересахъ—случись это хотя на Малаховомъ курганѣ—Павель Степановичъ всегда стоялъ за своихъ Черноморцевъ.

Рѣчь Павла Степановича была отрывисто короткая; разговоръ его, чуждый всякой изысканной любезности, былъ преисполненъ разумности.

Любилъ Павель Степановичъ моряковъ, любили и моряки Нахимова.

Одно его слово, недовольный взглядъ были выше всѣхъ строгостей для его подчиненныхъ, довѣріе которыхъ къ своему начальнику было безпредѣльно.

Ежедневно, и всегда въ сюртукъ и эполетахъ, онъ объѣзжалъ бастіоны, по возвращеніи съ которыхъ неутомимо работалъ, по всѣмъ частямъ управленія города и обороны, радушно и съ готовностію удовлетворялъ безконечныя просьбы бастіоновъ изъ неисчерпаемыхъ запасовъ Черноморскаго флота.

А душа-то какая была у Павла Степановича—рѣдкая, добрая!... При простой, умѣренной жизни, большую часть своихъ средствъ онъ отдавалъ бѣднымъ, неимущимъ!...

Начнутъ ли гдѣ стрѣлять сильнѣе обыкновеннаго, Павель Степановичъ—на конѣ и несется къ опасному мѣсту....

1-го іюля тѣло доблестнаго адмирала, оплакиваемое моряками и всѣмъ гарнизономъ, было предано землѣ, въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ уже покоились славные дѣятели царства Русскаго: Лазаревъ, Корниловъ и Истоминъ.

Миръ праху твоему, герой!...

П. К.

БОЦМАНЪ КОВАЛЬЧУКЪ.

«Вотъ, братъ, говорятъ, что пуля дура, а вѣдь бомба еще глупѣе!»

— Знать крѣпко больно осерчалъ Французъ на Григорія Яковлевича!

— «Вѣстимо, что такъ, вѣдь покойникъ, царствіе ему небесное, кажись, что съ дюжину уложилъ ихъ. — «Э! шустрый былъ».

— «За то и начальство его чтило, а нашъ братъ въ уваженіе ставилъ.» — «А бомба проклятая не разбираетъ: такъ разнесла, что и костей не соберешь».

— Такъ разсуждали смущенные ребята на редутѣ лейтенанта Шварца, собирая бранные останки храбраго ихъ старшины, боцманмата Григорія Ковальчука. Долго онъ бодрствовалъ, былъ постоянно первымъ во всѣхъ опасностяхъ; для всѣхъ окружающихъ его былъ образцемъ храбрости и находчивости. Командиръ редута, смѣясь, называлъ его Ахиллесомъ, котораго можно поразить только въ пятку. Но нашлась бомба и для него: 8-го іюля,

двухъ - пудовая бомба (извѣстная у матросовъ подъ общимъ названіемъ «мохнатки»), перевалившись чрезъ валъ редута, упала какъ разъ около лежавшаго Ковальчука, и въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ вскочить, чтобъ уйти отъ неожиданной гостии, она съ трескомъ, какъ будто нарочно, предвѣщая всѣмъ, что она исключитъ изъ списка еще одного изъ храбрецовъ, разорвалась, — Ковальчука не стало....

— Ребята не видятъ больше всегда веселаго и добраго Григорія Яковлевича; но они чтятъ его память, рассказывая о его службѣ и удалствѣ, которыя постоянно служили имъ примѣромъ.

Григорій Ковальчукъ вступилъ на службу въ 1840 году, изъ мѣщанъ города Люблина, римско-католическаго исповѣданія. Служилъ матросомъ въ 33-мъ Флотскомъ экипажѣ. 1848 года былъ произведенъ въ квартирмейстеры, а за хорошее дѣйствіе при орудіи, у котораго былъ командоромъ въ Синопскомъ сраженіи, награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена. Достаточно было только намекнуть начальнику о чемъ-нибудь — Ковальчукъ являлся первымъ охотникомъ привести въ исполненіе это дѣло. Неустрашимый лейтенантъ Троицкій избиралъ его своимъ товарищемъ во всѣхъ смѣлыхъ предпріятіяхъ, и не ошибся: Ковальчукъ былъ вѣрнымъ, безстрашнымъ его спутникомъ. До 5-го октября прошлаго года, когда только-что непріятель устраивалъ свои батареи, лейтенантъ Троицкій и Григорій Ковальчукъ смѣло взбирались на непріятельскій валъ и приносили точныя свѣдѣнія объ успѣхѣхъ непріятельскихъ

работъ. 5-го октября, во время жестокой канонады съ моря, когда понадобилось развѣдать объ участи батареи № 10-го, тѣ же храбрецы, подъ градомъ ядеръ, пробрались на батарею, къ удивленію ея командира.

Но въ ночи съ 8-го на 9-е октября Ковальчукъ осиротѣлъ: храброму его начальнику суждено было пасть героемъ на непріятельской батарее, во время славной вылазки для заклепки орудій. Ковальчукъ рассказывалъ, что они вмѣстѣ забили нѣсколько заклепокъ, но вскорѣ, въ толпѣ сражавшихся и въ темнотѣ ночи, онъ потерялъ Троицкаго изъ виду. За это дѣло Ковальчукъ награжденъ двумя третями прибавки къ настоящему жалованью.

Тяжелымъ баластомъ легла смерть лейтенанта Троицкаго на душу Ковальчука; его терзала совѣсть, какъ онъ самъ признавался, что онъ оставилъ своего ротнаго начальника въ рукахъ непріятеля.—Изъ 50-ти руб. сер. Высочайшей награды, Ковальчукъ часто ставилъ свѣчу въ церковь и служилъ панихиду за упокой души своего начальника. Ковальчукъ поклялся отмстить Французу, и клятву эту выполнилъ честно. Ни одна вылазка не обошлась безъ Ковальчука, и онъ всегда возвращался съ окровавленнымъ штыкомъ: «досталось Французу, ваше благородіе», говаривалъ Ковальчукъ: «пардону не было».—Въ удачной вылазкѣ лейтенанта Титова, Ковальчукъ, потѣшившись въ непріятельской траншеѣ, уже хотѣлъ оставить ее, но, не найдя своего

начальника, догадался въ чемъ дѣло, и, чтобъ не сдѣлать вторичнаго промаха, собралъ нѣсколько матросовъ - удалцовъ, бросился вторично въ траншею и въ сильной рукопашной схваткѣ отбилъ тяжело раненаго лейтенанта Титова. Расправляясь съ непріателемъ штыкомъ, Ковальчукъ не забывалъ и чугуновыхъ гостинцевъ, и дѣйствовалъ при орудіи такъ же успѣшно.

Одинъ разъ Французъ надъ нимъ жестоко подшутилъ: въ то время, когда онъ наводилъ бомбическое 68-ми-фунтовое орудіе на разсерчавшаго Француза, граната упала на платформу; разорвавшись, она увлекла Ковальчука вмѣстѣ съ досками въ амбразуру; обожженный, избитый, весь въ крови, подбѣжалъ онъ къ орудію и взялся за шнуръ замка, чтобъ выпалить.—«Вишь ты какой шутникъ!» проговорилъ онъ, утирая рукавомъ текущую кровь; но ребята его остановили, потому что станокъ и платформа были повреждены. «Э! братцы, жаль: вѣдь навелъ-то прямо въ бороду земляку!»—Командиръ батареи насилу уговорилъ его идти на перевязочный пунктъ; крѣпко ему не хотѣлось разставаться «съ матушкой старушкой», такъ называлъ онъ бомбическую пушку, да дѣлать нечего: голова была вся избита.

— «Прощайте, братцы, и помните, что я остался въ долгу у Француза!» сказалъ, уходя съ бастіона, славный командоръ. Когда онъ поправился, экипажный командиръ взялъ его къ себѣ на ординарцы; но душно было Ковальчуку въ этой должности,

и онъ отправился на редутъ Шварца, и дождался Царской милости за подвиги и отличное поведение: онъ былъ представленъ къ тремъ третямъ, т. е. къ знаку военного ордена съ бантомъ; предвительно же былъ произведенъ въ боцманматы.

Подвигами своими онъ былъ всѣмъ извѣстенъ. — Павелъ Степановичъ Нахимовъ, посѣщая редутъ, всегда подходилъ къ Ковальчуку и спрашивалъ о его здоровьѣ. 8-го іюля было послѣднее утро для храбраго Григорія Яковлевича; каждое утро онъ подходилъ къ амбразурѣ и, поглядывая на непріятельскія траншеи, съ самодовольною улыбкою приговаривалъ: «поближе, поближе подойдите, земляки, авось мы васъ живьемъ заберемъ.»

Но проклятая мохнатка не дала дожидаться ему этого.....

Черноморецъ.

Севастополь. 18-го іюля 1855 г.

ДАРЬЯ СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ.

Въ одной изъ котловинъ Инкерманскихъ высотъ, въ сухой балкѣ, стоялъ полуразвалившійся домикъ, принадлежавшій знаменитой *Дарьѣ Севастопольской*.

Дарья Александровна была дочь матроса Черноморскаго флота. Бѣдная *Даша*, въ 15 лѣтъ, была круглою сиротою, безъ опоры и всякихъ средствъ къ жизни. Передъ грознымъ появленіемъ непріятельскаго флота въ Крыму, *кое-какъ* жила она въ Севастополѣ. Флотскіе офицеры звали Дарью — *Даша*: старые матросы и ребятишки называли Дарью — *Дашкой*.

Многіе нехорошо говорили про сироту Дарью Александровну....

Явился непріятельскій флотъ передъ Евпаторією. Войска Крымской арміи потянулись на Альму. Многіе встревожились; заговорили о предстоящемъ рѣшительномъ сраженіи.

Приздумалась и Дарья Александровна. И о чемъ бы, казалось, думать ей!... Кого ждали траты да потери, а бѣдной Дашѣ терять было нечего!... Но не долго думала Дарья: собрала всѣ свои пожитки, — и къ жиду.... Добро у Дарьи Александровны было незавидное. Купилъ жидъ всю худобу Дарьи безъ чего-то за 20 рублей, а въ придачу далъ ей куртку да штаны матросскіе, положенные въ залогъ какимъ-то весельчакомъ.

Одѣлась Дарья въ нарядъ матроса, обрѣзала косу, захватила въ котомку тряпки и ножницы, купила «коняку» татарскую — въ сѣдло, да и въ Бурлюкъ.

7-го сентября прибыла Дарья на альминскую позицию. Около полудня 8-го сентября началось кровавое дѣло.

Въ полѣ, подъ деревомъ, привязала Дарья своего татарскаго скакуна и, не смотря на непріятельскій огонь, учредила свой перевязочный пунктъ для раненыхъ: открыла котомку и, какъ умѣла, перевязывала раны офицеровъ и солдатъ.

Кончилось дѣло. Потеря наша была велика. Много было увѣчныхъ и раненыхъ. Дарья не покинула больныхъ. Въ то время еще не было Сестеръ милосердія. Умирающіе страдалцы, благословляя безстрашную, сердобольную Дарью, завѣщали ей—кто часы, кто деньги.

Пожаловалъ Царь безстрашной Дарьѣ медаль; Царица прислала Дарьѣ золотой крестъ, съ надписью: «Севастополь», а старослуживые инвалиды, общею складчиною, благословили Дарью образомъ Спасителя.

И стали всѣ называть Дарью—*Дарья Александровна!*

Въ концѣ марта мѣсяца, съ прибытіемъ въ Севастополь Сестеръ милосердія, Дарья Александровна оставила свои постоянныя занятія въ госпиталѣ и поселилась, въ *собственномъ* домикѣ, въ Сухой балкѣ.

Въ одномъ изъ угловъ полуразрушеннаго домика помѣщался одинъ изъ чиновъ штаба.

Съ пріобрѣтеніемъ извѣстности и собственности, Дарья Александровна не утратила, подобно многимъ героямъ нашего времени, своего безстрашія. Опустѣла Сухая балка, но знаменитая хозяйка и безпеч-

ный постоялецъ не покидали своего обиталища, до той поры, пока главный штабъ не перемѣстился на Инкерманскую позицію и жители Сѣверной стороны не перекочевали на новыя мѣста, къ Бильбеку.

Довелось намъ слышать, отъ безпечнаго, запоздалаго жильца Сухой балки, что часто, вечеромъ, по возвращеніи изъ Севастополя, предавшись своимъ обычнымъ письменнымъ занятіямъ, при постоянномъ свистѣ ядеръ, при паденіи ихъ въ сосѣдствѣ и сильномъ колебаніи ветхихъ стѣнъ жилища Дарьи Александровны, онъ чувствовалъ «какъ будто въ плечахъ становился уже». Чувства этого онъ не испыталъ ни на батареяхъ, ни въ дѣлахъ съ непріятелемъ. Справедлива пословица: «на людяхъ и смерть красна».

20-го мая, послѣдніе обитатели Сухой балки, странный постоялецъ и знаменитая Дарья Александровна переселились: первый — въ Севастополь и потомъ на Инкерманъ, послѣдняя — на Бильбекъ. — По очищеніи Севастополя, Дарья Александровна вышла замужъ за отставнаго матроса, и въ 1856 году жила въ Николаевѣ, получивъ отъ щедротъ Императрицы 1,000 руб. серебромъ въ приданое.

СЪ БАСТІОНА № 2-ГО.

—Весело было смотрѣть на безстрашныхъ Севастопольцевъ! Суровые на видъ, закаленные въ бою, они смотрѣли привѣтливо. Грудью встрѣтили они отважный приступъ, пулей и штыкомъ отразили смѣлаго врага и вздохнули свободнѣе.

Прислушиваясь къ говору храбрыхъ, къ разсказамъ ихъ объ отбитомъ штурмѣ, невольно дивишься высокому самоотверженію русскаго солдата, той ребяческой скромности, простотѣ и вычурности, съ которыми говоритъ онъ о своихъ подвигахъ и доблестяхъ.

Чтобы собрать частныя свѣдѣнія объ общемъ ходѣ отбитія штурма, намъ довелось слышать разсказъ унтеръ-офицера Суздальскаго пѣхотнаго полка, бывшаго на бастіонѣ № 2-го.

«Всю ночь напролетъ — все палить, все бѣть на бастіонъ; мы молчимъ, и амбразуры щитами позаставили. Чиниться нельзя: значить, ужь очень бѣть! Насыпь-то наша, какъ есть вся пообсыпалась. Земля — камень да сухота, какъ есть песокъ или просто табакъ — вѣтромъ вздуваетъ: а снарядъ, какой ни на есть, какъ ударить, такъ и разнесетъ эту насыпь-то...»

«Палить онъ безъ умолку; а той порой народъ у него въ траншеяхъ такъ и кишить, какъ въ муравейникѣ. Секреты наши повѣстили у непріятеля сборъ войскъ. Начальство велѣло приготовиться. Всѣ знали, какъ есть, что къ утру будетъ штурмъ, значить: всѣ такъ на сторожѣ и были; въ орудія картечь вложили, всякъ осмотрѣлся около себя и ружья, и ждемъ. По банкету пріютился кто какъ могъ. Вотъ чуть-чуть свѣтокъ занялся, высыпало ихъ въ оврагъ — Килень-балки — много, очень много народу, а изъ траншеи, нашего Камчатскаго люнета, повалила густая, густая цѣпь, а за ними колонны — и счету имъ нѣтъ; впереди, должно, охотники шли — лѣстницы и всякую принадлежность къ штурму несли. Всѣ

орудія наши, какъ ни на есть, ударили картечью; ружейный огонь такъ и покатился.... Зашатались передовые, а идутъ. Тутъ пароходы подошли да по балкѣ, вдоль, и начали его жарить. Что ни выстрѣль то просьба. Задніе-то и въ траншеи было повернули, а передніе—все идутъ, такъ и лѣзутъ. Храбрый народъ этотъ французы—трудное было ихъ дѣло—бьютъ ужъ такъ сильно, что и конца нѣтъ, а все кричатъ и лѣзутъ. Въ ровъ спустились—такъ и наровятъ съ лѣстницами къ брустверу. Ну, тутъ уже дѣлать нечего: и мы полѣзли на гребень, да такъ въ упоръ выстрѣлимъ да и въ штыки его, и камнями бросали—отошелъ.... Такъ нѣтъ, не прошло и десяти минутъ, опять полѣзли—знать, лѣстницъ-то, оставленныхъ во рву, жаль стало—опять окропили ихъ картечью да пулею—опять отошли. Что жъ бы ты думалъ, вѣдь не унялись: и начальство-то ихъ перебили—въ третій разъ полѣзли; такъ вотъ и кидаются очертя голову—опять вспрыснули, опять повалили, что ни на есть народу—остальные ушли.

«Доподлинно, храбрый народъ! Грѣхъ сказать, а жаль очень, что ужъ больно много ихъ побили!... Врагъ вѣдь, а правду говорить должно: какъ показались это они изъ-за траншей-то своихъ да какъ двинулись стѣною—идетъ это стѣна, какъ есть стѣна—ну, сердце такъ и екнуло, думаемъ, не одолѣешь ихъ: народъ-то больно мужественный.... Сотворили мы это молитву: да какъ пошли пороть изъ ружей—вошли въ азартъ—ну, Господь Богъ и помогъ одолѣть!...»

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЗАЩИТЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

«Честь и мѣсто! Смѣна теперь, сдача—*посль*».

На разсвѣтъ, 5-го августа 1855 года, на другой день послѣ кроваваго боя на р. *Черной*, непріятель открылъ *пятое* бомбардированіе г. Севастополя.

Осадныя работы врага охватили, какъ клещами, углы нашихъ бостіоновъ, и были ужъ совсѣмъ близки отъ Севастопольскихъ верковъ.

Непріятель, при огромномъ количествѣ мортиръ, ввезенныхъ имъ въ ближайшія траншеи, кромѣ постоянного прицѣльнаго огня противъ нашихъ укрѣпленій, стрѣлялъ навѣсно по городу и окопамъ.

Каждый день батареи наши, растрепанныя непріятельскимъ огнемъ, приходили въ такое разореніе, что едва могли отгрызаться отъ могучаго средствами врага.

Въ теченіе ночи, безстрашные и неутомимые защитники Севастополя, какъ могли, исправляли насыпи, присыпали землю на пороховые погреба и блиндажи.

Съ 20-го августа огонь непріятельскихъ батарей съ каждымъ днемъ становился сильнѣе—и не было надежнаго укрытія—ни за окопами, ни въ городѣ: непріятельскіе снаряды сыпались повсюду!

Переправа черезъ Севастопольскую бухту—какъ по мосту, такъ и на судахъ—производилась подъ непріятельскимъ огнемъ.

Ежедневная потеря наша доходила до огромной цифры—и были дни, въ которые не успѣвали подбирать раненыхъ и выносить тѣла убитыхъ!...

Гарнизонъ, отъ начальника до солдата, съ непоколебимою твердостью и христіанскою покорностью воли Провидѣнія, до послѣдней минуты геройски исполнялъ свой долгъ. Опасность и мысль о смерти были неумѣстны: смерть гуляла по-всюду!... Ее презрѣли всѣ.

Съ разсвѣтомъ 26-го Августа канонада и бомбардированіе возобновились съ тѣмъ же ожесточеніемъ, какъ и въ предшествовавшіе дни.

Непріятельскія батареи стрѣляли залпами.

«То были тяжкіе, предсмертные дни Севастополя!»....

Въ продолженіе ночи съ 26-го на 27-е августа, непріятель производилъ усиленный навѣсный и прицѣльный огонь по оборонительной линіи и городу. Подъ покровительствомъ этого адскаго огня, войска его сосредоточивались въ траншеяхъ ближайшихъ къ нашимъ укрѣпленіямъ.

27-го августа, въ 349-й день славной въ лѣтописяхъ исторіи обороны, непріятель, изъ подступовъ своихъ, выведенныхъ противу исходящихъ угловъ—

бастіона № 2 и Корнилова редута—одновременно и стремительно атаковалъ наши укрѣпленія.

Засыпанные землею рвы, разбитыя рогатки и разрушенные брустверы—не только не представляли неприятелю препятствій, но даже облегчали его атаку.

Не смотря на это, на бастіоны № 2 и 3-го, батарею *Жерве*, батареи *Будищова* и *Яновскаго* и *Штурмовыя батареи*—нѣсколько разъ повторенныя атаки неприятеля были отбиты.

Около 2¹/₂ часовъ пополудни, неприятель атаковалъ укрѣпленія правой половины оборонительной линіи.

Роты Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка, занимавшія лоцину, между бастіонами № 4 и 5-го, провѣдавъ о занятіи неприятелемъ Малахова кургана—торжественно поклялись: *«Умереть, но далье ротныхъ образцовъ, поставленныхъ въ траншеи — не отходить!»*...

Сдержали клятву Екатеринбургцы—и во-время явились они на помощь товарищамъ своимъ—Житомирскимъ егерямъ и Минскому баталіону,—защищавшимъ редутъ Шварца!...

Всѣ атаки неприятеля, противъ праваго фланга оборонительной линіи, были молодецки опрокинуты.

Въ верхней части бастіона Корнилова неприятель держался въ большихъ силахъ, постоянно поддерживаемый огромными резервами.

Главнокомандующій, прибывшій къ Малахову кургану, лично убѣдился, что выбитіе неприятеля съ бастіона Корнилова потребовало бы новыхъ жертвъ—при-

казаль: не предпринимая новаго нападенія на бастіонъ, держаться въ виду его и препятствовать наступленію непріятели въ городъ.

Но, уже Севастополь сослужилъ свою великую службу: вѣрный часовой всероссійскій—заслонилъ онъ Святую Русь богатырскою грудью своею, принялъ на нее несмѣтные удары ожесточенныхъ враговъ—и объ эту же каменную грудь разбилась, сокрушилась въ конецъ вражья сила!... Не перешагнуть ей священныхъ и грозныхъ развалинъ: орошенный кровью храбрыхъ—оживетъ каждый камень и вся земля русская встанетъ на дерзкихъ пришельцевъ!....

Генераль-адъютантъ Князь Горчаковъ, понявъ безполезность дальнѣйшей обороны Севастопольскихъ укрѣпленій, обращенныхъ въ безобразныя груды земли, и желая сохранить остатки храбрыхъ защитниковъ Севастополя—рѣшилъ оставить городъ....

Въ 4-ре часа пополудни отдано приказаніе: съ наступленіемъ сумерекъ, приступить къ очищенію Южной стороны города Севастополя.

Диспозиціи, опредѣлившія порядокъ движенія войскъ отъ оборонительной линіи къ пунктамъ переправъ черезъ Севастопольскую бухту, были разосланы съ нарочными офицерами, на каждый изъ бастіоновъ.

Первыя заботы—были о переправѣ раненыхъ.

Около 8-ми часовъ пополудни, когда вечерняя мгла спустилась на окровавленные развалины Севастополя—войска наши стройно и въ порядкѣ, постепенно отхо-

дили къ барикадамъ и оттуда къ мѣстамъ переправъ....

Около 10-ти часовъ вечера, Екатерининская, Морская и прилежащія къ ней улицы были наполнены войсками.

Переправа по пловучему мосту, наведенному черезъ широкую бухту—отъ Михайловской батареи къ Николаевскимъ казармамъ—шла медленно; войска тѣснились на площади....

Ночь была тихая.—Геройскія лица защитниковъ Севастополя, занимавшихъ площадь и улицы, сурово освѣщались заревомъ пожара: Севастополь прощался съ ними—последними пламенными взглядами своими!

Угрюмая тишина ночи нарушалась страшными взрывами пороховыхъ погребовъ на оставляемыхъ бастіонахъ. Отъ этихъ адскихъ взрывовъ стонала земля и рушились полуразбитыя стѣны домовъ—нѣкогда веселаго и оживленнаго города!.....

Провидѣніе хранило остатки храбрыхъ защитниковъ. Непріятель, утомленный боемъ цѣлаго дня и страшными потерями—стрѣлялъ весьма слабо....

Грустно и молча ходили между войсками: Начальникъ Штаба гарнизона, Свиты Его Величества Генераль-маіоръ *Князь Васильчиковъ* и Генеральнаго Штаба Полковникъ *М—въ*, направляя головы колоннъ къ тѣсному выходу между Графскою пристанью и Николаевскою батареею.

Подошелъ Капитанъ *Воробьевъ*, состоявшій въ то время при Начальникѣ Штаба гарнизона. Георгіевскій крестъ, добытый на бастіонахъ Севастополя, украшалъ широкую грудь храбраго Капитана.

«Приказаніе Вашего Сіятельства исполнено!» сказалъ весело Капитанъ Воробьевъ.—«Отъ послѣдней линіи баррикадъ до библіотеки, и оттуда къ Морской улицѣ—пожаръ подготовленъ и ровно въ 12-ть часовъ вся линія домовъ запылаетъ!»...

— Есть ли костеръ подъ библіотекою? спросилъ отрывисто Князь Васильчиковъ.

«Зарево библіотеки будетъ сигналомъ для общаго пожара—все готово!»... отвѣчалъ Капитанъ.

Князь Васильчиковъ и *М—въ* направились къ сторонѣ баррикадъ.

Прошло нѣсколько минутъ—библіотека и вся линія домовъ—на Екатерининской и Морской улицахъ—были уже въ пламени!.....

«Поторопились зажечь—еще нѣтъ двѣнадцати!»—сказалъ равнодушно Капитанъ Воробьевъ.—«Вишь какъ трещить—теперь и не уймешь его!»....

— Уже поздно. Не останавливайте пожара, сказалъ Князь Васильчиковъ: непріятель молчитъ. Богъ дастъ переправа совершится благополучно!..

«Не забыли ли вы костра подъ св. соборомъ?» спросилъ *М—въ Воробьева*.

— Будьте покойны Полковникъ, отвѣчалъ бравый Капитанъ:—церковная утварь, по возможности, спасена; церковь внутри уже горитъ, и кромѣ обгорѣлыхъ стѣнъ врагъ ничего тамъ не найдетъ!....

Въ 6¹/₂ часовъ утра, вслѣдъ за послѣдними частями войскъ, Главнокомандующій и штабъ его оставили пылающія развалины южной стороны г. Севастополя.

На сѣверной сторонѣ строились переправившіяся войска; штыки сверкали, освѣщенные заревомъ пожара; всѣ взоры были устремлены на горящую крѣпость; въ молчаніи обнажались головы, — творилось крестное знаменіе...

Прощай, Севастополь!.....

П. К.

ПРИКАЗЪ РОССІЙСКОМУ ФЛОТУ.

Царское Село. 30-го августа 1855 года.

Долговременная, едва ли не безпримѣрная въ военныхъ лѣтописяхъ оборона Севастополя, обратила на себя вниманіе не только Россіи, но и всей Европы. Она съ самаго почти начала поставила его защитниковъ на ряду съ героями, наиболѣе прославившими наше Отечество. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ гарнизонъ Севастопольскій оспаривалъ у сильныхъ непріятелей каждый шагъ родной, окружавшей городъ, земли, и каждое изъ дѣйствій его было ознаменовано подвигами блистательнѣйшей храбрости. Четырехкратно возобновляемое жестокое бомбардированіе, коего огонь былъ справедливо именуемъ адскимъ, колебало стѣны нашихъ твердынь, но не могло потрясти и умалить постояннаго усердія защитниковъ ихъ. Съ неодолимымъ мужествомъ, съ самоотверженіемъ, достойнымъ воиновъ-христіанъ, они по-

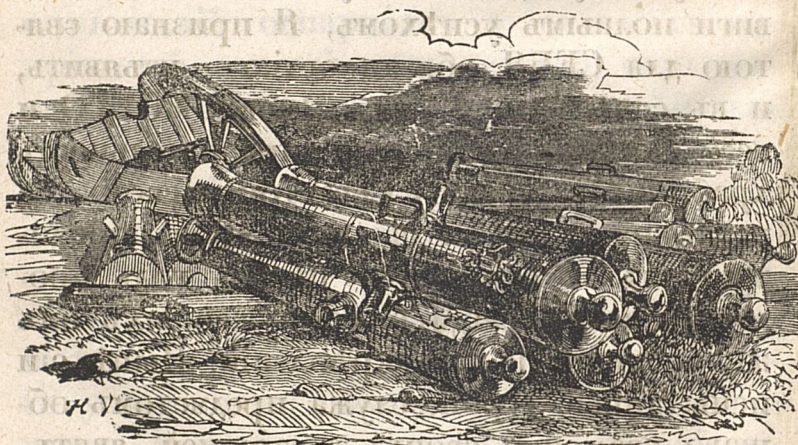
ражали враговъ, или гибли, не помышляя о сдачѣ. Но есть невозможное и для героевъ.—27-го сего мѣсяца, послѣ отбитія шести отчаянныхъ приступовъ, непріятель успѣлъ овладѣть важнымъ Корниловымъ бастіономъ, и Главнокомандующій Крымскою Арміею, щадя драгоцѣнную своихъ сподвижниковъ кровь, которая въ семъ положеніи была бы уже безъ пользы проливаема, рѣшился перейти на Сѣверную сторону города, оставивъ осаждающему непріятелю однѣ окровавленные развалины.

Скорбя душею о потерѣ столь многихъ доблестныхъ воиновъ, принесшихъ жизнь свою въ жертву Отечеству, и съ благоговѣніемъ покоряясь судьбамъ Всевышняго, Коему не угодно было увѣнчать ихъ подвиги полнымъ успѣхомъ, Я признаю святою для СЕБЯ обязанностію — изъяснить, и въ семъ случаѣ, отъ Имени МОЕГО и всей Россіи, живѣйшую признательность храброму гарнизону Севастопольскому, за неутомимые труды его и за кровь, пролитую имъ въ сей почти цѣлый годъ продолжавшейся защитѣ, сооруженныхъ имъ же въ немногіе дни укрѣплений. Нынѣ сіи испытанные герои, служа предметомъ общаго уваженія своихъ товарищей, являютъ, безъ сомнѣнія, новые примѣры тѣхъ же во-

инскихъ доблестей. Вмѣстѣ съ ними и подобно имъ, всѣ наши войска, съ тою же безпредѣльною вѣрою въ Провидѣніе, съ тою же пламенною любовію ко МНѢ и родному нашему краю, вездѣ и всегда, будутъ твердо встрѣчать враговъ, посягающихъ на Святѣни наши, на честь и цѣлость Отечества; а имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу, и имена защитниковъ его, пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ Русскихъ, совокупно съ именами героевъ, прославившихся въ битвахъ подъ Чесмою и Синопомъ.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Уварь солдатскій. — Изданіе 3-е, исправленное . . .	10 к.
Уварь народный, съ церковно - славянскою азбукою . . .	7 —
Описи — съ объясненіемъ правилъ обученія письму . . .	6 —
Начальное наставленіе въ Православной вѣрѣ, Протоіерея Давыдовой Е. И. В. В. К. Маріи Николаевны церкви <i>Д. Со-</i> <i>ва</i> . — Съ 19 картинками.	20 —
Исчислительная таблица для начинающихъ. Упрощенная, съ объясне- ніемъ дѣйствій на счетахъ	15 —
Исчислительныя задачи	10 —
Начальная книжка. Первые понятія о міровѣдѣніи. Съ 40 картинками и чертежами.	15 —
Солдатскій бытъ прежде и теперь. { Объясненіе преоб- 10 — разованій, совер- шенныхъ полынѣ	10 —
Селянскій бытъ прежде и теперь. { шенныхъ полынѣ	10 —
Солдатскія замѣтки. Изд. 2-е. Объясненіе нравственныхъ дѣяній солдата.	20 —
Обязанности учителямъ новобранцевъ. Кн. 1-я. Изд. 2-е. Сущ- ности обязанностей учителя и дядьки, и Кн. II-я. Обращеніе съ новыми ружьями; по 10 к. каждая	20 —
Описание о Полку Игоревѣ. Переводъ древне-славянской исто- рической пѣсни. Съ 2-мя картинками	10 —
Описание о Царьградѣ. Переводъ древней славянск. рукоп. 10 — о Кіевѣ и Полтавѣ. Исторія учрежденія регулярной арміи Россіи; первые ея неудачи и первые побѣды.	15 —
Описание Кавказа и Поволжье: Описание 9-ти приволжскихъ губерній. съ картою раскрашенною	25 — 30 —
Описание Кавказа, Сура и Кама: Описание 11 губерній	30 —
съ раскрашенною картою.	35 —
О здоровьѣ. О сбереженіи здоровья и о поданіи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ	20 —
О пожарахъ. Причины ихъ и способы предохраненія отъ огня. 10 — О засухѣ и неурожаѣ въ Россіи, съ 1024 года	10 —
Отечественная Исторія Россіи, для народнаго и солдатскаго использованія. Съ хронологическою таблицею и 4-мя историче- скими картами. <i>Аркадія Столыпина</i>	50 —
Безъ картъ	30 —
Карты и таблица отдѣльно.	25 —

Старики. Повѣсть изъ Крымской войны	10	к.
Сорочьи гнѣзда. Повѣсть	20	—
Пестрая книжка. (Сказки)	40	—
Сборная книжка	40	—
Наши Богатыри: Кн. 1. } Подвиги войскъ въ Крымскую	20	—
Кн. 2. } войну	25	—
Маюрская дочка. Повѣсть	25	
Законы и правила наказаній и взысканій.	15	
Дѣдушка домовой. Народное представленіе въ IV дѣйствіяхъ.	15	

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

А. Погоскаго.

Въ III томахъ (10 книж. вмѣстѣ)	2	р.
Въ 10 отдѣл. книжкахъ	2	— 10
Съ портретомъ Автора	2	— 30

ОТДѢЛЬНЫЯ КНИЖКИ:

Кн. 1. Дѣдушка Назарычъ. Злодѣи и Петька	25
— 2. Сибирлетка—полковая собака	20
— 3. Господинъ колодникъ	20
— 4. Суходольщина. Слѣпая память	20
— 5. Подосиновики	20
— 6. Солдатское пиво. Чертовщина. Путешествіе на луну.	20
— 7. Мірскія дѣтки. Мудрый судья. Первый винокуръ.	20
Птичій даръ	20
— 8. Отставное счастье. Изъ старыхъ записокъ. Два	20
кольца	20
— 9. Анчутка безпятый. Наумъ-сорокодумъ. Собачій за-	20
стрѣльщикъ. Медвѣжья наука	20
— 10. Посестра Танька	25

На пересылку всѣхъ означенныхъ въ этомъ спискѣ книжекъ прилагается на каждыя 5 книжекъ за 1 фунтъ.

Выписывающіе полные III тома (10 книжекъ) Повѣстей и разсказовъ на пересылку ихъ не прилагаютъ.

Выписывающіе полное собраніе означенныхъ въ этомъ спискѣ книжекъ (42 книж.), высылаютъ 7 руб. 50 копъ съ пересылкою.

2007054345